

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Рахинский Дмитрий Владимирович

**ГЛОБАЛЬНАЯ ИНФОРМАТИЗАЦИЯ КАК БАЗИС
СОВРЕМЕННОГО УНИВЕРСАЛИЗМА:
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ**

Специальность 09.00.11 – социальная философия

диссертация на соискание ученой степени
доктора философских наук

Научный консультант: доктор философских наук,
доцент Яценко М.П.

Красноярск – 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава 1. Универсализм как тенденция развития человечества.....	27
1.1. Феномен универсализации.....	27
1.2. Универсалистские тенденции в истории как следствие информационных процессов	65
1.3. Роль информации в формировании европоцентризма как формы универсализации мирового пространства	95
1.4. Современная глобализация как попытка реализации идеологии универсализма	114
Глава 2. Информационное сопровождение универсалистских тенденций ...	147
2.1. Информационное обеспечение универсализма: реальные и виртуальные проявления	147
2.2. Аксиологические особенности информационного базиса глобализации как формы универсализации.....	179
2.3. Информационное общество как исторический этап универсализации.....	202
Глава 3. Информационный потенциал универсалистских тенденций	225
3.1. Информационные детерминанты социальной мобильности.....	225
3.2. Россия в системе универсалистских тенденций	250
3.3. Перспективы универсалистского общества как информационного	269
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	297
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	308

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования обусловлена изучением глобальной информатизации как неизбежного фактора универсализации современного мирового пространства. Подобная новая идеологическая модель общества детерминирована целым комплексом факторов.

Государственные границы теряют смысл и становятся все более условными, не останавливая свободное движение глобального капитала и нескончаемые потоки информации. Субъекты вестернистской версии универсализации пытаются убедить человечество в том, что в современном мире национальное государство позиционируется в качестве исчезающего института. Для современной науки принципиальное значение имеет анализ влияния информационных и коммуникационных технологий на нравственные основы современного человечества как единого целого.

Базисом универсализации мирового пространства выступают глобальные телекоммуникационные сети, а также интеллектуальные компьютерные системы, предполагающие актуализацию широкого диапазона средств, которыми располагает Интернет. Оптимизация влияния современных информационных технологий на социум влечет за собой расширение границ социального пространства при сохранении социокультурной идентичности отдельных народов, что может быть достигнуто за счет динамической адаптируемости и программируемости современных социальных технологий.

В современном мире предпосылкой и необходимым условием развития общества во многом является всестороннее влияние информатизации социальных систем на формирование базиса для универсализации мирового пространства. Актуализация проблем, связанных с информационными ресурсами универсалистских тенденций, обусловлена также противоречивым характером их проявлений в современном мире. Активный поиск более эффективных и совершенных форм управления социальными процессами разворачивался с учетом происходящей информатизации всех сфер общественной жизни. Это

связано с неоднозначностью процессов формирования информационного общества. В то же время исследования социальных трансформаций, вызванных неоднозначным характером влияния новейших информационных технологий на социум часто носят односторонний характер с преобладающим технократическим уклоном. Социально-философский анализ постоянно изменяющейся ситуации современного мироустройства предполагает новые подходы, позволяющие реализовать открывшиеся возможности информационных технологий, которые усиливали преимущества каждого социума в мире, подверженному универсалистским тенденциям. Параллельно с этим в условиях быстро изменяющейся социальной структуры, возрастает востребованность новейших информационных технологий, связанных с прогнозированием подобных социальных изменений, выработкой эффективных обратных связей и т.д.

Характерной чертой современной науки является универсализм как идея и способ философствования, проявляющиеся, в частности, в русской философской мысли, для которой свойственны: универсализм в охвате метафизических проблем, этический и антропологический характер, многозначность, смысловое разнообразие понятий и категорий. Универсализм в развитии русской философии проявился не только в одновременном существовании различных течений (религиозная философия, философия истории, философия права, персонализм, естественно-научный материализм, космизм), но и в деятельности великих мыслителей: В.С. Соловьёва, Б.Н. Чичерина, Н.О. Лосского и других. Социальный универсализм проявляется в России, соединяя в себе принципиальные аспекты развития философии, включающие историзм, который утверждает бытие русского народа в качестве закономерной составляющей развития мировой истории, стремление к формированию социального единства в масштабе всего человечества. Стремление к социальному синтезу формировалось на базе этой тенденции, которую последовательно разрабатывали крупные мыслители отечественной философии. Подобный универсализм русской мысли в определенной мере проявился в концепциях В.С. Соловьёва (идея всеединства); Н.Я. Данилевского, (теория культурно-исторических типов); Н.Ф. Федорова

(«общего дела»). Ее отголоски встречаются в таких политических течениях как евразийство и идеологии утопического социализма, которые признают важность мировых интеграционных процессов. Здесь также прослеживается важная особенность русской философии: признание важности процессов мировой социокультурной интеграции соседствует с признанием плюрализма бытия национальных культур. Положительный эффект от такого рода универалистских концепций состоит в сохранении социокультурной специфики всех народов при условии реализации любых сценариев общечеловеческого единства. В подобных тенденциях вписывается новое понятие глокализм, которое аккумулирует в себе, с одной стороны, глобальные тенденции современности и региональные особенности развития конкретных социумов, – с другой.

В обобщенном виде актуальность темы исследования обусловлена следующими ведущими факторами.

1. Ведущей характеристикой информационной эпохи является расширение коммуникаций при помощи новейших коммуникационных технологий, все более вытесняя традиционные социальные контакты. Однако подобные технологии не позволяют увидеть универалистскую цель человечества в стратегическом плане, поскольку она в подобной ситуации не является простой суммой множества взаимоувязанных тактических информационных действий, которые целенаправленно воздействуют на массы.
2. Универалистские тенденции, проявляющиеся в современных сообществах, поставили перед учеными в качестве задачи поиск наиболее точного определения понятия глобализации как универсализационной парадигмы, а также последующей классификации всех универалистских проявлений в истории и современности. Решение подобной задачи позволяет определить сущность современных социальных явлений, а также выявлять критерии идентификации его форм и конкретных выражений.
3. Разворачивающиеся формы объединения социума в различных исторических эпохах определяются доминантными отношениями, которые часто в обобщенном виде выражаются в различных концепциях антропоцентризма,

космоцентризма, теоцентризма, техноцентризма и т.д., в основе которых находятся универсалистские тенденции. Смена подобных форм понимается как фактор, определяющий роль информации в изменении способа развития конкретных социумов.

4. Универсализм как мировоззренческая концепция в условиях глобализации становится особо востребованной идеей, что связано с необходимостью разработки универсальных методов объяснения существующих социокультурных реалий, обусловленных плюралистическим состоянием современной гуманитарной науки. Следствием этого становится обострение проблемы сущности философского знания, где противостояние классической философии и тенденций постмодернизма стимулирует поиск универсальной метафилософии, способной к критическому, объективному и всестороннему объяснению мира. Таким образом, универсализация в виде современной глобализации со временем становится мегапопулярной, постепенно отправляющей модернизационные структуры на более низкий уровень. Современная глобализация позиционируется не только в качестве универсалистского этапа, свидетельствующего проявлениях системного характера техногенной цивилизации, но также в образе своеобразной попытки преодоления накопившегося кризиса. Это обусловлено тем, что система базовых ценностей регулируется при помощи социальных механизмов, которые свидетельствует переход к универсалистским формам общественной организации, которая позиционируется в качестве более высокой ступени организации по сравнению с предшествовавшей ей техногенной цивилизацией.

5. Универсализация в форме естественной глобализации становится альтернативой подобным тенденциям, ведь она осуществляется на основе интеграции политических процессов и возможности использования лучших достижений человечества всеми народами. Неизбежным фактором новой универсалистской модели общества является глобальная информатизация, которая принципиальным образом трансформирует современное общество, особо проявляясь на уровне социальных коммуникативных систем.

Таким образом, в самой теме взаимосвязи информатизации и универсалистских тенденций заложена важная теоретическая и мировоззренческая проблема развития социальной философии, которая предполагает специальное исследование.

Степень разработанности темы.

В силу междисциплинарного характера диссертационного исследования литература носит разнообразный характер.

Идеологи универсализма пытаются позиционировать его в качестве новой формы мировоззрения. Действительно, он имеет исторический базис, в котором аккумулированы идеи таких древнегреческих философов-исследователей: а) о единстве мира (Гераклит и др.); б) о равенстве мышления и бытия (Парменид); в) о системности мира (Платон и др.); г) об универсальных системах неоплатоников (Плотин, Порфирий, Прокл и др.). Этот базис выступает в качестве парадигмы универсализма. Тем не менее, закономерное стремление к сохранению своей социокультурной идентичности будет всегда способствовать сохранению двух мировоззренческих установок: стремление к универсальности и попытка закрыться в рамках своей локальности. При этом, следует различать философский универсализм как возможность построения общих систем мира и социально-политический универсализм, претендующий на построение новой социальной философии, где фактически разнородные сущности объединяются концептуально в одно целое, что неминуемо влечет за собой конфликты.

Мыслители разных эпох продолжили разработку универсалистского проекта, учитывая ведущие тенденции античных философов. Наиболее известные представители средневекового реализма такие как Августин, Ансельм Кентерберийский, Фома Аквинский, которые разрабатывали идею универсализма в рамках религиозной философии, однако осмысление этих процессов выходило далеко за ее пределы. Гуманисты-пантеисты, а также представители мистической философии в лице Н. Кузанского, Д. Бруно, М. Экхарта, Я. Беме стремились внести в учение универсализма элементы системных знаний, которые были углублены представителями пантеистического направления Нового времени. В

частности, рационалистические идеи всеединства могли развиваться только на основе универсальной метафизики, претендующей на систематизацию философского и научного знания, которое реализовалось в форме онтологического синтеза. На базе своей гносеологии ведущие представители Нового времени (такие как Р. Декарт, а также его последователи Б. Спиноза, Г. Лейбниц и др.) постепенно формируют модель мира, которая обладает признаками универсализма. На базе принципа тождества бытия и мышления подобный подход систематично разрабатывался представителями немецкого классического идеализма. По мнению И. Канта, постижение единства мира обусловлено особой формой гносеологического синтеза, а следующие за ним немецкие философы (Ф. Шеллинг и Г. Гегель) предложили и обосновали понятие объективного диалектического синтеза. Наиболее ориентированными в универсалистском плане являются концепции Ж. Кондорсе и И. Гердера. Так же стоит назвать И. Гете, Ф. Шеллинга, которые, в свою очередь получили относительную завершенность в философских системах представителей классической немецкой философии. Наиболее перспективными направлениями в развитии теории универсализма являлись традиции социоуниверсализма в последующих философских работах, которые наиболее полно были выражены Г. Спенсером в его «синтетической философии», а также в антропософских сочинениях Р. Штайнера.

Серьезный вклад в разработку идей социального универсализма на новом уровне внесли труды представителей эволюционистской теории, таких, как, например, Э. Тайлора, Дж. Фрэзера и др. Трудно переоценить вклад ведущих разработчиков философии истории, которые пытались позиционировать спиралевидную схему развития человечества в качестве ведущей идеи. Опираясь на труды Г. Гегеля, классики марксизма, а также такие их последователи, как Г.В. Плеханов, А.М. Деборин, Б.Ф. Кедров и другие формировали диалектико-материалистический подход к идее всечеловеческого единства и смогли экстраполировать свои представления о социальном универсализме на более высокий уровень.

Наиболее яркими представителями социального универсализма в XX веке были такие выдающиеся мыслители, среди которых К. Ясперс, Р. Норолл, Дж. Стюарт, М. Уайт и др., их вклад в концепцию социального универсализма состоит, в частности, в разработке коэволюционной модели развития человечества.

В представленной диссертационной работе универсализм рассматривается в связи с глобализационными процессами современности, где исследователи трактуют такой процесс, как глобализация по-разному: 1) в качестве формы модернизации (У. Бек, И. Валлерстайн, М. Кастельс, А. Этциони, Н. Хомский и др.); 2) как тотальную вестернизацию (С. Амин, М.Г. Делягин, А. Каллиникос); 3) как научную революцию, которая базируется на новых коммуникационных технологиях (А.И. Уткин, А.Д. Урсул и др.).

Теоретической основой диссертационной работы выступают исследования, в которых изучаются особенности проявления принципа универсализма: 1) в науке (В.С. Степин, В.С. Готт); 2) в нравственности (И.Я. Лойфман); 3) в культуре (В.Ф. Шаповалов).

Принципиальное значение для диссертационной работы имели работы современных западноевропейских авторов, которые специализируются в различных сферах социально-гуманитарного знания (С. Гроф, М. Кастельс, Ж. Пиаже, Р. Робертсон, М. Фазерстоун, С. Хантингтон, М. Элиаде и др.).

Отдельное направление представляет русская религиозная философия, которая занималась раскрытием идеи универсализма на базе работ ведущих ее представителей таких, как: Н. Бердяев, С. Булгаков, В. Соловьев, П. Флоренский, С. Франк, А. Хомяков и др. Особое место в постижении особенностей универсалистской философии занимает русский космизм, где эти идеи рассматриваются на основе космоцентризма, который принципиально отличается от антропоцентристского базиса современной науки.

В той или иной степени проблематике универсализма посвящены труды отечественных философов, социологов, политологов: (А.С. Ахиезер, Г.С. Батищев, А.А. Гусейнов, Э.В. Ильенков, В.А. Кутырев, Э.С. Маркарян,

Н.Н. Моисеев, А.П. Назаретян, А.И. Неклесса, А.М. Пятигорский, Ю.С. Степанов, А.И. Уткин, М.А. Чешков и др.). Анализ универсалистских тенденций, а также свойственная им проблематика, проявляется в работах В.В. Зеньковского, А.А. Киреева, А.С. Лаппо-Данилевского, П.Н. Милюкова, В.М. Хвостова и др.

В работах этих ученых универсализм раскрывается как идея всеединства, которая базируется на основе обобщения фундаментальных принципов и идей современной науки, в частности, принципов неопределенности и дополнительности. Кроме того, универсалистская идея базируется на принципах соревновательности и плюрализма, являющихся основой современной демократии.

В последние десятилетия XX века в отечественной философии, в работах В.С. Готта, В.С. Степина появились обобщенные исследования универсалий как научных понятий и принципов научного знания. Дальнейшее развитие они получили в «универсалий морали» И.Я. Лойфман, «универсальном эволюционизме» Н.Н. Моисеева, «универсализме культуры» В.Ф. Шаповалова. В то же время продолжались близкие по тематике исследования В.И. Аршинова, В.Г. Буданова, В.В. Налимова, Е.Н. Князевой, которые разрабатывали методологию синергетической парадигмы науки и культуры. В исследованиях ноосферы Г.С. Смирнова, Б.А. Смагина, А.Е. Забавникова и других наблюдаются универсалистские тенденции. Идеи В.С. Егорова о «философии открытого мира», раскрывают идею универсализации мирового пространства.

Современные российские исследователи, базируясь на эволюционной концепции, разрабатывают универсалистские концепции с учетом традиций русской дореволюционной философии. Наиболее полно идеи социального универсализма отразились в трудах ученых различных научных направлений (А.И. Арнольдов, А.С. Ахиезер, Г.С. Батищев, М.С. Кагана, К.М. Кантора, В.Ж. Келле, А.П. Назаретяна, А.Я. Флиера и др.)

Использование плюралистического подхода позволило ученым XX века утвердить универсалистские идеи во многих областях отечественной науки такими учеными, как С.Н. Артановский, Ю.В. Бромлей, Э.С. Маркарян,

Б.Н. Путилов. Эти и другие авторы исследуют причины, сущность и перспективы социальной динамики, а также сопутствующие им общественные процессы, что предполагает анализ сложнейших глобально-региональных проблем современности с учетом универсалистских идей и конкретных практик их реализации. Для указанных работ характерен монистический подход и установка на максимальное культивирование всеобщего, которое реализовалось посредством минимизации индивидуального, что максимально проявлялось именно в русской философской мысли. Важно отметить, что монистический подход, который культивировался в работах советских ученых, базировался на материалистическом базисе, который в постсоветскую эпоху все чаще стал приобретать синтетические черты, приобретая в XXI веке явный постмодернистский дискурс.

Разработка различных сторон концепции социального универсализма осуществляются и зарубежными философами, которые используют не только историко-культурный материал (Дж. Дьюи, Т. Парсонс, Д. Белл, П. Штомпка), но также обращают внимание на информационную составляющую подобных процессов. Составной частью проблемы взаимодействия информатизации и универсализации выступает осмысление вопросов взаимодействия между человеком и техникой, что активно подчеркивалось в работах Н. А. Бердяева, М. Хайдеггера, Т. Адорно, Э.В. Ильенкова, М.К. Мамардашвили.

В работах специалистов по философии истории, предложивших линейную модель развития, впервые нашла свое выражение идея, заключающаяся в обосновании всеобщих закономерностей развития человечества, которые базируются на мировоззренческих принципах универсализма.

Социальным аспектам проблем универсалий посвящены работы Б. Малиновского, Л. Уайта, А. Бастиана, Э. Дюркгейма, М. Мосса, Г. Зиммеля и др., хотя при освещении всеобщих закономерностей развития социума, авторы подобных концепций не позиционировали в качестве предмета своего анализа собственно универсалистские тенденции.

Значительное влияние на отдельные положения диссертационной работы оказали многие философы, работавшие на стыке нескольких научных направлений, в той или иной степени, отражая универалистские тенденции своего времени. Среди подобных исследований можно отметить как зарубежных (Й. Хейзинга, А. Тойнби, К. Ясперс), так и отечественных мыслителей (А. Зиновьев, А.И. Ракилов, К.К. Колин и др.)¹ Современные российские исследователи часто акцентируют внимание на анализе места России в новом мироустройстве, где информационная составляющая принципиальным образом определяет субъектность страны².

Полноценное понимание универсума предполагает учет доминирующих в современной западной философии традиций плюрализма, которые отрицают наличие в мире любой субстанции, потому что подобное представление удваивает мир, ведь настоящий социальный универсализм подразумевает единство мира, основанное на взаимодействии и устойчивых связях его элементов, что частично отражается в работах современных отечественных социальных философов³.

¹См.: Хейзинга Й. *Homo ludens*. В тени завтрашнего дня. М., 464 с.; Соловьев В.С. *Избранное*. М.: Сов. Россия, 1990. С. 41-113; Бердяев Н. *Дух и реальность*. М.: АСТ: Астрель, 2011. 664 с.; Ильин И.А. *Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека*. В 2-х томах. Т. 1. М.: Наука, 1994. 542 с.; Зиновьев А. *Несостоявшийся проект: Распутье. Русская трагедия*. М.: АСТ: Астрель, 2011. 542 с.; Колин К.К. *Информатизация общества в условиях глобализации в контексте проблемы устойчивого развития // Глобальные процессы и устойчивое развитие: Сб. статей*. М.: Изд-во РГТЭУ, 2011. С. 84-131; Урсул А.Д. *На пути к космоглобалистике // Глобальные процессы и устойчивое развитие: Сб. статей*. М.: Изд-во РГТЭУ, 2011. С. 235-267; Усольцев В.А. *Русский космизм и современность*. 3-е изд. // Екатеринбург: УГЛУ, 2010. 570 с.; Гуревич И.М., Урсул А.Д. *Информация – всеобщее свойство материи: Характеристики, оценки, ограничения*. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 312 с. и др.

²См.: Ракилов А.И. *Историческое познание: системно-гносеологический подход*. М.: Политиздат, 1982. 303 с.; *Общественное сознание и его формы*. М.: Политиздат, 1986. 376 с.; Шикалов В.Н. *Проблема власти и нравственности в концепции П.А.Сорокина // Российская социология: Историко-социологические исследования // Межвузовский сб.* СПб.: Астерион, 2006. С. 152-163; Бухаров Д.Н. *Преемственность ценностей – необходимое условие устойчивого развития российского общества // Социокультурные механизмы преемственности ценностей. Материалы Международной научно-практической конференции. Иркутск, 15-16 ноября 2013 г.* СПб., 2013. С. 73-80; Шипилов, А.В. *Неистория*. М.: Прогресс-Традиция, 2012. 448 с.; Кобзева Л.Н. *Взаимосвязь национального и глобального // Научно-теоретический журнал «Научные проблемы гуманитарных исследований»*. Вып. 9. Пятигорск, 2010. С. 201-210; Андреев Ю.В. *Поэзия мифа и проза истории*. Л.: Лениздат, 1990. 223 с. и др.

³См.: Сморгунова В.Ю. *Социально-геополитическая безопасность и ресурсы мультикультурализма как политической технологии // Геополитика и безопасность*. 2012. № 2. С. 142-146; Константинов И.П. *Инициатива в глобальном мире: особенности проявления и реализации // Современное знание: гуманитарный дискурс: сборник научно-практической конференции*. Красноярск: ПИК «Офсет», 2011. С. 105-109; Ковалева Л.И. *Сопротивление универсализации – доминирующая тотальность современного образования // Современное знание: гуманитарный дискурс: сборник научно-практической конференции*. Красноярск: ПИК «Офсет», 2011. С. 80-83; Лапина Н.Ю. *Политические институты в современной России: особенности создания и функционирования // Россия в контексте мирового развития: история и современность: К 90-летию академика РАН В.А.Виноградова*. М.: Собрание, 2011. С. 414-431; Марченко В.Л., Холиков, Усов А.И. *Геополитика в глобализирующемся мире*. М.: МАКС Пресс, 2013. 319 с.; Сунягин Г.Ф. *Социальная философия как философия истории*. СПб.: Изд-во Петербург. ун-та, 2008. 178 с.; Изгарская А.А. *Пространство социальных отношений в геополитическом и миросистемном измерениях: внешние и внутренние факторы динамики современной России*. Новосибирск: Изд. ФГБОУ ВПО «НГПУ», 2012. 250 с. и др.

Полноценное понимание универсума предполагает учет доминирующих в современной западной философии традиций плюрализма, которые отрицают наличие в мире любой субстанции, потому что подобное представление удваивает мир, ведь настоящий социальный универсализм подразумевает единство мира, основанное на взаимодействии и устойчивых связях его элементов.

Проведенный анализ степени разработанности темы исследования позволяет сделать ряд выводов.

Во-первых, глубинные причины возникновения универсалистских тенденций на уровне мирового сообщества пока раскрыты недостаточно, хотя они являются важнейшим источником реконструкции мировоззренческих ориентиров любого социума. В частности, пока открытым остается вопрос о соотношении субъективных факторов и объективных условий, стимулирующих универсалистские тенденции как на онтологическом уровне, так и в гносеологическом плане.

Во-вторых, понимание универсалистского социального принципа как идеи сообщества, то есть как формирования обобщающих принципов видения мира в различном смысловом наполнении посредством современных информационных ресурсов также нуждается в уточнении и дополнении.

Проблема взаимодействия социального универсализма и информатизации до настоящего времени не стала предметом комплексного социально-философского изучения, что и определило выбор данной темы исследования.

Объект исследования – универсализм как принцип и основополагающая тенденция современности.

Предмет исследования – глобальная информатизация как базис универсализма.

Цель исследования – социально-философский анализ информационного базиса как основания современного универсализма.

Достижение цели, заявленной в работе, предполагает решение **ряда задач**:

1. Проанализировать феномен универсализации проявляющейся в качестве тенденции развития человечества.

2. Доказать, что базисом универсалистских тенденций в истории являются информационные процессы.

3. Осветить роль информации в формировании европоцентризма как формы универсализации мирового пространства.

4. Показать, что современные глобализационные процессы представляют собой попытку реализации идеологии универсализма в его вестернистской форме.

5. Доказать, что информационное обеспечение может порождать как реальные, так и виртуальные универсалистские тенденции.

6. Показать аксиологические особенности информационного базиса глобализации как формы универсализации.

7. Осветить особенности информационного общества как исторического этапа универсализации.

8. Показать ведущие информационные детерминанты социальной мобильности.

9. Осветить роль информатизации в разворачивании универсалистских тенденций в России.

10. Показать перспективы универсалистского общества как информационного.

Научная новизна исследования.

1. Предлагается новый подход к анализу феномена универсальности, который выступает в качестве концепта, обладающего полиаспектностью в проблемном поле социальной философии, где универсалистская тенденция выступает как интерпретация социальных процессов, проявляющаяся в структурных трансформациях и изменении оснований социальной солидарности, включая детерминанты и следствия универсализации мирового пространства.

2. Доказано, что социальный универсализм проявляется в разных видах, формах и степенях, поэтому категория «универсальное» претендует на фиксацию максимально полного единства общего, особенного и единичного, включающего в себя такие аспекты, как многофункциональность и многосторонность целого, его индивидуальность и автономность. Тем не менее, в универсалистских

социальных тенденциях всегда будут присутствовать признаки хаотизации социального пространства, независимо от уровня, на котором они реализуются. Это обусловлено искусственным конструированием современного социального мегапространства, которому всегда будет не доставать системности.

3. Доказано, что евопоцентризм представляет собой своеобразную форму универсализации мирового пространства, которая в состоянии реализоваться в максимальной степени только при наличии соответствующего уровня информационного обеспечения.

4. Определены особенности глобализации, которая выступает в качестве следующей, более высокой формы универсалистских тенденций по сравнению с вестернизмом. Доказана необходимость уточнения понятия «универсализм» по отношению к глобализационным процессам современности, поскольку они несут в себе новую смысловую нагрузку, подчеркивающую объединительные тенденции современности.

5. Определены ведущие особенности информационного сопровождения универсализма. Процессы информатизации социальной системы способны формировать универсалистские тенденции, которые проявляются не только в реальности, но и в виде информационных симулякров, если они реализуются без учета специфики исторических традиций и особенностей общества. Установлено, что информационное обеспечение универсализма может демонстрировать как реальные, так и виртуальные проявления универсалистских тенденций в социальном пространстве, что особенно проявляется в современной глобализации.

6. Доказано, что в современном мире на первое место выходят аксиологические факторы, которые способствуют корректировке глобализационных процессов проявляющихся в качестве институционального оформления универсалистских тенденций современности, а процессы информатизации создают необходимый идеологический базис для формирования соответствующего общественного мнения. Именно аксиологический фактор является решающим в условиях информатизационного обеспечения социальной

системы, составляя диалектическое единство процессов, которые раскрывают объективную диалектику структуры и функции универсализации.

7. Показано, что информационное общество выступает как исторический этап универсализма, где проявление социальной мобильности позиционируется в качестве потенциальной универсальности более высокой степени, чем современная глобализация. Формирование информационного общества является доказательством того, что общества более высокого уровня универсализации могут реализоваться на базе полного взаимодействия исторических стремлений человечества к единству информационных механизмов, максимально воплощающих эту идею. Показано, что роль информационного общества возрастает по мере исчерпания значения европоцентристской парадигмы как мирообъединяющего исторического субъекта. Существуют принципиальные отличия современного универсализма в виде глобального информационного общества от предшествующих исторических форм социального универсализма.

8. Показаны ведущие информационные детерминанты социальной мобильности как важного признака социального универсализма. Установлена необходимость адаптации социальной системы к новым условиям глобальной информатизации, затрагивающей ведущие сферы общественной жизни, а также внедрения в процесс общественной жизни информационных технологий согласно логике универсалистских изменений в социальной жизни. Доказано, что в современном мире информатизация проявляется как корректировка институционального оформления универсалистских тенденций, а прогресс информационных технологий создает необходимый идеологический базис для формирования соответствующего общественного мнения. Именно информатизационное обеспечение социальной системы составляет диалектическое единство процессов, которые раскрывают объективную диалектику структуры и функции универсализации.

9. Показано, что по мере усиления универсалистских тенденций современности значительно обостряется борьба за субъектность в глобальном мире, где роль России в продвижении универсалистской идеологии повышается.

Это обусловлено тем, что именно в русской философии идет поиск механизмов информационной адаптации человека к новой социокультурной ситуации эпохи глобализации, где универсализация направлена на обоснование вариантов сосуществования различных социумов в качестве единого общечеловеческого мегаобщества (русский космизм, «философия общего дела» и др.).

10. Впервые предпринята попытка целостного анализа перспектив универсалистского общества, реализующего принципы всечеловеческого синтеза на базе новейших информационных технологий. Постмодернистский мир подготовил основания для объяснения существования множественности в едином универсальном пространстве, а отдельные постмодернистские концепции способствовали преодолению односторонности представлений о целостности мира. Раскрытие глобализационных процессов предполагает определенную стратегию информатизации и компьютеризации социальной системы, что является необходимым условием для обеспечения новой парадигмы, сущность которой проявляется в позиционировании мира как упорядоченной целостности, из которой выводятся отдельные её части посредством ступенчатой конкретизации.

Теоретическая и практическая значимость работы заключается в новом наполнении традиционного понимания феномена универсализма с учетом его смысловой многозначности и возможных путей реализации универсалистских идей в современном мироустройстве. Это позволяет избежать традиционно редуцированного понимания универсалистской идеи, когда она позиционируется в качестве теоретической абстракции, и сконцентрироваться на исследовании социального универсализма, представляющего собой актуальную социальную практику.

Диссертационная работа представляет возможности для дальнейшего осмысления актуальных мировоззренческих установок и особенностей современной социальной практики. Само содержание и смысловое наполнение мировоззренческой установки понятия «социальный универсализм» не может быть охвачено в полной мере, хотя этот термин довольно широко применяется в

трудах по проблемам социальной философии, социологии, политологии, однако его содержание нельзя рассматривать, как нечто само собой разумеющееся. В то же время смысловое пространство универсализма проявляется как мировоззренческая установка, которая при помощи новейших информационных технологий формирует определенную картину мира, но пока остается за пределами внимания исследователей.

В частности, мало уделяется внимания тому факту, что любое социальное объединение, формирующееся на универсалистской основе, представляет собой сложнейшую систему способную работать не только на созидание, но и на разрушение, в зависимости от социальных идей и от программ, которые конструктивно заложены в глобальные информационные системы. Именно поэтому мегаобщество, как конечная цель социальной универсализации не может восприниматься как однозначный идеал человеческого развития, поскольку вектор его развития будет зависеть от целого комплекса глобальных элементов: а) глобальных идей, представляющих собой концептуальное ядро, сущность глобально распространяемых знаний; б) глобальные коммуникации, функциональная сущность которых состоит в глобальном способе распространения социальных идей; в) глобальные технологии, включающие в себя важный субстрат, который тем не менее не является сущностью (базисом) социального универсализма.

Роль информатизации в обеспечении универсалистских тенденций современности пока не нашла необходимого отражения в отечественной и зарубежной литературе, хотя можно говорить о высоком уровне исследования процессов информатизации общества. В современной научной литературе пока не хватает целенаправленных исследований роли информатизации в универсалистских процессах современности, то есть социального универсализма как результата новейших информационных технологий, породивших не только виртуальные, но и реальные универсалистские тенденции.

Теоретическое значение исследования так же проявляется в том, что его результаты определяют перспективы дальнейшего исследования сущности

социального универсализма, который сопровождается внедрением информационных технологий, провоцирующих социальные трансформации как на региональном, так и общечеловеческом уровнях.

Положения и выводы диссертационной работы представляют интерес для преподавателей и могут стать основой для спецкурсов по социально-философскому анализу проблем технического прогресса. Кроме того, материал диссертации может быть полезным для разработки комплекса информационных технологий, которые позволяют реализовывать устойчивую социальную политику.

Методология и методы исследования.

Методологической основой исследования выступают:

- философские принципы материального единства мира, которые позволяют рассматривать универсализм под углом интеграции социумов, опирающейся в своем основании на идею единства многообразия;

- диалектическое понимание развития, которое выступает как основание для понимания динамики различных смыслов универсализма, а также выделения его модификаций общезначимого как его сущностной черты;

- идеи и принципы системного и синергетического подходов, которые способствуют раскрытию смыслов новой модели социального универсализма как ориентира на естественную интеграцию, базирующегося на идее многообразия социального единства.

Базовым методологическим основанием исследования являются принципы детерминизма, теории отражения и диалектической логики. В диссертационной работе также использовались общенаучные методы: анализ, синтез, восхождение от абстрактного к конкретному, мысленный эксперимент, системный подход.

Важное методологическое значение в исследовании имели принципы всеобщей связи, историзма, противоречия, развития, относительности, автономности, динамического равновесия, плюрализма. В основу теоретического исследования положены работы в области методологии историко-философского познания. В диссертационной работе были использованы научные методы,

соответствующие комплексу исследовательских задач: принцип взаимодополнительности теоретических подходов и парадигм; структурно-функциональный анализ; междисциплинарная компаративистика; метод типологии; метод исторической реконструкции.

Осмысление универсализма через призму социальной философии требует подхода с точки зрения различных дисциплин и позволяет достичь высокого уровня и объема знаний о конкретном объекте диссертационного исследования. Выбор методов обусловлен сложной структурой социального универсализма как мировоззренческой установки.

Положения, выносимые на защиту:

1. Феномен социальной универсальности проявляется в качестве концепта, обладающего полиаспектностью в проблемном поле социальной философии. Использование новейших информационных технологий позволяет разнообразить традиционную методологию исследования социальных институтов с позиций их потенциальной универсальной целостности. Социальная универсализация всего мирового пространства, подготовленная и осуществленная посредством информационных технологий, выступает не как эманация целого, а представляет собой феномен, определяющий это целое, хотя механизмы реализации этого целого могут серьезно различаться. Парадигма универсального философского синтеза знания сегодня позиционируется в качестве альтернативы традиционным социальным формам философии. Социальный универсализм предполагает постоянный синтез философских знаний, что позволяет позиционировать категории, характеризующие социальный универсализм в качестве мировоззренческого принципа и теоретического основания для развития социальной философии. Социальный универсализм исходит из идеи единства многообразия и формируется в результате синтеза реальных и виртуальных представлений, где универсалистские идеи выступают в качестве показателя степени обобщения коллективного бессознательного.

2. Концептуализация различных тенденций социального универсализма в истории проявляется как поэтапная динамика смыслов, которые заключены в нем,

отражающих конкретный этап социального бытия. Мыслители разных эпох продолжили разработку универсалистского проекта для социумов, основывая свои труды на ведущих идеях античных философов. В исторической перспективе наиболее четко проявляется ведущая отличительная черта социального универсализма, которая проявляется в более-менее равномерном чередовании процессов дифференциации и интеграции социумов, которые периодически реализовались насильственным путем. Амбивалентность социального универсализма была заложена в историческом прошлом, в тех многочисленных идеях, которые синтезировали в себе различные стороны монистических концепций, проявляющихся не только на уровне трансцендентального, но и на практике.

3. Европоцентризм как максимально полное воплощение универсалистских идей в обществе базируется на основополагающих идеях древнегреческих философов о всеединстве мира, а также на их интерпретациях. Стимул к развитию европоцентристских идей в теоретическом и практическом планах обуславливался тем, что подобный социальный универсализм реализовывался в форме онтологического синтеза. Европоцентризм как максимально полная реализация универсалистской практики на уровне конкретных социумов и как одна из начальных стадий универсализации мирового пространства наглядно иллюстрирует динамику соотношения тенденций дифференциации и интеграции в развитии не только философии, но и социальной практики. На протяжении последних столетий европоцентризм выступал в качестве универсалистской парадигмы, что в значительной степени трансформировало представления о естественной всеобщности человечества.

4. Современная глобализация аккумулирует в себе различные проявления информационного обеспечения универсалистских тенденций в истории, однако она не в состоянии реализоваться вне определенного информационного обеспечения. В контексте глобализации универсализм может позиционироваться в качестве усложнения межцивилизационных связей, если исходить из принципиального равенства субъектов цивилизационного развития, чего в

современной социальной практике не существует. Глобализация выступает как один из важнейших факторов интенсификации современной человеческой деятельности, которая не просто связана со всеми остальными, а является универсальным детерминантом, стимулирующим основные элементы, факторы и связи современного социального бытия, что было бы невозможно вне новейших информационных технологий.

5. Неоднозначность универсалистских тенденций современной глобализации объясняется тем, что они проявляются как в реальных, так и виртуальных формах, причем виртуализация глобализационных процессов становится доминирующей в отдельных социальных коммуникациях. Особенности информационного сопровождения современной универсализации позволяет анализировать не только реальные социальные трансформации, но и виртуальные проявления социального синтеза. В социальном универсализме, где коммуникационную составляющую играют новейшие информационные технологии, реальные и виртуальные процессы воспринимаются как взаимодополняющие аспекты конкретной социальной общности.

6. Аксиологический фактор, настойчиво пропагандируемый на уровне СМИ, Интернета и т.д. играет определяющую роль в зарождении, формировании и перспективах социального универсализма, поскольку вне какой-либо ценностной системы интеграционные процессы любого уровня не могут быть реализованы на уровне социальной практики. Определенная аксиологическая шкала, как правило, выступает базисом для интеграционных процессов в обществе, ведь только на подобном базисе возможно изменение картины мира в целом, созданной смысловым полем универсализма. Вне определенной аксиологической системы вряд ли возможно восприятие мирового пространства в качестве целого, которое включает в себя многообразные локальные образования и социальные институты. Синкретическое единство общезначимого и индивидуального в социальной системе по определению предполагает определенный ценностный критерий, благодаря которому посредством новых информационных технологий происходит восприятие мирового пространства, как

минимально унифицированного целого, включающего в себя отдельные социальные элементы, которые составляют общепринятую основу для мировой солидарности.

7. Информационное общество выступает в качестве исторического этапа универсализма, демонстрируя предельные основания социального синтеза, который проявляется в коммуникационных связях различного уровня. Социокультурным базисом информационного общества являются концепции, которые включают следующие основные элементы: универсальность духовной сущности человека; имманентное единство мира; всеобщность коллективного бессознательного. Совершенствование информационного общества тесным образом обусловлено уровнем информатизационного охвата всех социальных структур и институтов. Современное информационное общество воплощает собой идею о синтезе коллективного и индивидуального в социальной структуре универсального. Социальный универсализм базируется на признании всеобщности связей, однако подобные коммуникации не избавлены от нивелирующего начала, которые характеризуют универсалистские тенденции прошлого, поэтому различная модификация социального универсализма в форме информационного общества не в состоянии реализовывать весь коммуникативный потенциал, если она основывается на идее социокультурной целостности вестернистского типа.

8. Ведущие информационные детерминанты социальной мобильности обусловлены тем фактом, что социальный универсализм базируется на признании всеобщности связей, однако подобные коммуникации не избавлены от нивелирующего начала. Именно поэтому универсалистские тенденции прошлого, предполагали различные модификации социального универсализма, однако они были не в состоянии реализовывать весь коммуникативный потенциал общества, если универсалистские идеи базировались на идее социокультурной целостности вестернистского типа. Роль информатизации в продвижении идей социальной универсализации неоднозначна, потому что в этом случае используется классическая структура «центр – периферия», несмотря на то, что Интернет

внешне выступает в роли социального «уравнителя», который демократически позволяет всем приобщаться к информационным потокам. На самом деле именно новейшие информационные технологии не только выступают активным интегратором, но также создают условия для разделения граждан на субъекты и объекты следующего, более высокого этапа универсализации человечества.

9. Информационное сопровождение универсалистских тенденций имеет свою специфику в современной российской действительности, поскольку этот процесс является собой динамическое взаимодействие двух тенденций, обусловленных пространственно-временными особенностями становления нашей страны. Специфика их соотношения в конкретную историческую эпоху конкретизирует уровень заимствования чужого социального опыта или принципиального неприятия чуждых духовных ценностей. Исторический опыт России убедительно свидетельствует, что реализация идеи социальной универсализации в теоретическом плане и, особенно, на практике превращается в насильственную унификацию с насаждением единообразных стандартов и стереотипов. Возрастающая роль России в формировании принципиально нового мироустройства на основе гармоничных принципов возможно только при условии, если наше общество будет в состоянии наполнить идею, а также практику универсализма принципиально новым содержанием, отличным от вестернистского варианта универсализации мирового пространства. Россия сумеет возглавить естественную универсализацию, если будет в максимальной степени использовать плюралистические проявления различных обществ, сама обогащаясь в ходе подобного синтеза. Достижение подобного уровня социального универсализма мирового пространства вполне реально, однако он может приобретать различные формы, что обусловлено не только разнообразием элементов такого естественного универсализма, но также изменением функциональной направленности процессов информатизации.

Формирование полицентричной модели мира является ведущим условием воплощения идеи естественного социального универсализма на практике и научного обоснования его в целостной, законченной теории. Базисной идеей

универсализма в такой модификации должна выступать идея многообразия социокультурного пространства, поскольку социальный универсализм подразумевает в смысловом понимании представление об окружающем нас мире как месте всеобщих коммуникаций на базе новых информационных технологий. В функциональном и институциональном планах, благодаря информатизации в мировом сообществе проявляются тенденции к всеединству, что вынуждает философов искать новые воплощения для универсалистских концепций современности. Трансформация субъект-объектных отношений, характерных для постнеклассической парадигмы, подпитывает универсалистские идеи в том смысле, что для нее характерно включение разума в мировую систему взаимодействий, поднимающих идею гармоничного социального универсализма до высокого онтологического уровня. Однако пока мировое сообщество сейчас не очень походит на целостную программируемую систему институтов, причиной чему стали современные информационные технологии. Универсалистские претензии и амбиции сторонников вестернизма, которые традиционно делят все человечество по субъект-объектному принципу, препятствуют выработке универсальных принципов, согласно которым происходит взаимовыгодное перетекание положительного опыта отдельных социумов, что обусловлено недостаточно высоким уровнем информационной культуры. В современном мире информатизация играет решающую роль для продвижения универсалистских идей, поскольку она демонстрирует преимущества организационных форм процесса объединения человечества, базирующихся на новейших информационных технологиях.

Степень достоверности и апробация результатов. Основные положения и результаты исследования нашли свое отражение в 57 научных публикациях, их них: 3 монографии, 20 публикаций в журналах из Перечня российских рецензируемых научных изданий ВАК, 1 публикация в журнале, входящем в международную базу SCOPUS, 33 публикации в сборниках научно-практических конференций различных уровней. Также вышеуказанные положения и результаты были доложены и обсуждены на выступлениях на конференциях различного

уровня: Всероссийская конференция с международным участием «Специфика образования (воспитания) в XXI веке: интеграция эпистемологического, онтологического и аксиологического подходов» (05 – 07 декабря 2017 года), г. Новосибирск, Новосибирский государственный педагогический университет, Институт философии и права СО РАН и др.; IV Всероссийская очно-заочная научно-практическая конференция с международным участием «Профессионализм – основа конкурентоспособности отечественного образования» (08 – 09 декабря 2017 года), г. Новосибирск, Новосибирский государственный аграрный университет, Институт философии и права СО РАН и др.

Диссертация обсуждалась на кафедре глобалистики и геополитики Гуманитарного института ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет».

Структура диссертации. Диссертационная работа содержит введение, три главы, десять параграфов, заключение и список литературы.

Глава 1. Универсализм как тенденция развития человечества

1.1. Феномен универсализации

Социальный аспект универсализма выступает в качестве одной из важнейших характеристик современного мироустройства, где основными понятиями, раскрывающими сущность современности, являются Универсум, универсальное, синтез. Полноценный анализ социального универсализма включает в себя рассмотрение основных идей: 1) несубстанциальность бытия; 2) взаимодополнительность различных концепций; 3) синтез элементов, способных выступать в качестве универсальных.

Государства всегда выступали силой, противостоящей различным универсалистским тенденциям, поскольку в основе всех подобных концепций находятся мондиалистские идеи. Периодически встречающиеся в истории содружества государств носят, как правило, временный характер, преследуя тактические цели, поэтому подобные альянсы не противоречат предыдущему тезису. Защита всего самобытного являлась ведущей функцией государств во все исторические периоды. Активные сторонники новых горизонтальных мобильностей в истории выступают как практики, для которых социальный универсализм постепенно становится центральной категорией.

Информационный базис универсалистской парадигмы может проявляться в следующих формах:

1) информационные антропосоциальные взаимодействия, которые носят первичный психический, часто слабо осознанный, характер, создавая потенциальную платформу для манипулятивного воздействия;

2) знаниевые антропосоциальные коммуникации, в которых первичную роль играет сознание, поэтому они носят более высокий концептуальный уровень;

3) информационные коммуникации на высоком технологическом уровне (материально-технические процессы);

4) информационная техника и новейшие информационные технологии, представляющие собой особый высокотехнологический уровень производительных сил.

Если первые два вида универсализации представляют собой традиционно идеалистический подход, проявляющийся в разных вариантах, то последующие – это традиционно материалистический, хотя также разнвариантный, уровень восприятия универсалистских тенденций.

В современном мире они выступают одновременно, представляя собой классический дуализм. Тем не менее, в системах социального управления все-таки главным является человеческий, т.е. субъективный фактор, а информационные системы служат только вспомогательным, хотя и высокоорганизованным механизмом. Некоторые ученые, в частности Дж. Урри, уверены, что понятие общества в будущем будет широко применяться для контроля над мощными сетями, которые пересекают их границы⁴. Западные социологи подчеркивают, что по мере роста сетей общество как понятие утрачивает свое первоначальное значение. Имеется в виду в первую очередь локальность и другие характерные черты общества как самодостаточной социальной единицы. Дж. Урри уверен, что мобильности представляют собой географические и социальные феномены, поэтому в большей мере он обращается к горизонтальной мобильности. Вместе с тем, этот автор предпочитает исследовать пределы мобильности людей, анализируя весь диапазон разнообразных эффектов физической, виртуальной и воображаемой реальности. Ради сохранения адекватности в изучении современности, по мнению Дж. Урри, важно чтобы исследование мобильностей двигалось вслед за исследованием объектов, поскольку «самые разные потоки объектов, которые проникают через социетальные границы пересекаются с массовыми потоками людских масс и становятся чрезвычайно значимыми»⁵. Именно в этом состоит чрезвычайная значимость горизонтальных мобильностей, которые возникают в результате

⁴Урри Дж. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия. Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2012. С. 10.

⁵Урри, Дж. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия. Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2012. С. 10.

развития информационных технологий как базиса коммуникаций. Рост интенсивности информационных процессов требует от субъекта сохранения адекватности окружающему миру, что предполагает выработку соответствующих норм существования нового универсального социума, реализующегося на более высоком уровне.

Преобразование окружающей среды и самого себя является основной функцией социальной системы, а условиями, в которых выполняется конкретная функция – существующая по своим объективным законам естественная природа, а также искусственная среда, измененная человеком. Принципиальную роль здесь играет социальная система, которая находится в постоянно меняющихся состояниях. Она в свою очередь состоит из целеустремленных подсистем, которые обладают собственными целевыми установками, и элементов, включающих в себя отдельных людей и небольшие группы.

Соблазнительной представляется попытка исследовать универсалистские тенденции современности посредством господствующего в последние десятилетия экономического материализма, который, по сути, представляет собой социологизм, занимающийся изучением социальных процессов, имеющих искусственную природу.

Универсалистские тенденции могут быть исследованы социальной философией при том условии, когда они рассматриваются как система, учитывая все ее, в том числе и неструктурируемые, компоненты. В свою очередь системное описание включает в себя функции системы, а также ее структурные элементы и условия существования в целях обеспечения конкретной функции исходя из принципа необходимости и достаточности. В этом плане важно подчеркнуть, что информационный детерминизм представляет собой форму технологического детерминизма, описанного Э. Тоффлером в «Третьей волне», но информационная концепция человеческого бытия не может быть сведена к технологической форме.

Важно подчеркнуть, что в контексте универсалистских тенденций жизнедеятельность рассматривается как функционирование разнообразных уровней и форм социальной целостности, опираясь на принципы единства и

развития. В этом случае жизнедеятельность определенной социальной целостности проявляется как соответствующий уровень объективной реальности, которая выступает в качестве естественно-исторического процесса. В то же время на уровне субъективной реальности социальная целостность проявляется как деятельность. В первом случае базисом является объект, а во втором – субъект, поэтому естественно-исторический процесс отличается от деятельности по источнику и направленности детерминации. Для сторонников трансцендентальной реальности жизнедеятельность представляет собой глубинное общение. Можно утверждать, что конкретное проявление жизнедеятельности в той или иной мере представлено не только как естественно-исторический процесс, но также как деятельность и глубинное общение. Вместе с тем, важно подчеркнуть, что конкретизации этих уровней жизнедеятельности проявляется через указание их системообразующих сфер, которые различаются, потому что в естественно-историческом процессе эту роль играет закон, в деятельности – ценность, а в глубинном общении – самоидентификация.

Именно поэтому для построения универсальной модели общества, которая выступала бы в качестве следствия естественно-исторического процесса, нужно вначале создать модели всех тех проявлений социальной жизни, когда доминирующей выступает конкретная сторона общественной жизни. Для решения этой задачи необходимо было бы сформулировать соответствующие законы, что современная социальная философия пока сделать не в состоянии. В.Н. Сагатовский справедливо подчеркивает, что образы социальной целостности в качестве формации и культуры взаимодействуют, дополняя друг друга, потому что каждый из них в отдельности необходим, однако не является достаточным для формирования целостной картины⁶. Образ жизни в современном мире представляет собой понятие, которое проявляется в виде деятельности субъекта, который реализуется с использованием базовых ценностей в конкретных объективных условиях. Таким образом, можно достичь целостной характеристики

⁶Сагатовский В.Н. Философия антропокосмизма в кратком изложении. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2004. С. 146-147.

жизнедеятельности, если добавить сюда своеобразную духовную атмосферу. Если же рассматривать образ жизни в целом, то цивилизация выступает на уровне повседневного быта его воплощением.

Цивилизация, как и другие подсистемы целостной жизнедеятельности, существует по своим законам, периодически провоцируя конфликты с породившими ее сторонами социальной целостности, когда средства становятся самоцелями. Например, Интернет может превратиться из средства общения в специфическую сферу жизни, которая будет носить преимущественно «виртуальный» характер. В жизнедеятельности в каждой из подсистем всегда присутствует также неопределенность, хаос, поэтому развитие социальной целостности выступает как довольно сложный феномен.

Условную схему социальной целостности можно представить в виде нескольких подходов, в основе которых попытка преобразовать определенный компонент указанной схемы в базис, благодаря которому максимально проявляются онтологические характеристики социальной целостности. В последствии появляется схема, при помощи которой описываются основные принципы социальной целостности, где базисными выступают ведущие уровни бытия во взаимодействии. Перспективной представляется схема, которая предполагает определенную конкретизацию. Включающая в себя динамику, а также категориальные характеристики социальной целостности, которая возникает в процессе деятельности социума.

Анализ универалистских тенденций предполагает учет того факта, что целеустремленная система всегда состоит из целеустремленных подсистем, представляющих собой основную объективную характеристику социальной целостности. Тем не менее, такая объективность уже предполагает имманентную объективность выполнения ведущей функции социальной целостности, которая состоит в преобразовании бытия с помощью искусственно проектируемых средств. Естественно, что она предполагает наличие целей, по-разному раскрывающих содержание этой функции. В то же время наличие особой целеустремленности требует упорядочения социальной целостности во всем

диапазоне: от максимума до минимума. Максимум – это взаимоудовлетворяющие составляющие, а минимум – подчинение целевой функции, которая обеспечивает, по крайней мере, сохранение дееспособности системы. В условия глобализации подобная ситуация свидетельствует в максимальном своем выражении о построении общества, основанного на диалоге и сотворчестве, в то время как минимум – это выживание. Подобное упорядочение представляет собой организацию социальной действительности не только на уровне процесса, но также результата. Можно утверждать, что в этом случае организация опосредствует отношение между целями и их исполнением: генерация идей – организация – реализация. Подобная триада выступает в качестве основополагающей для понимания сущности социальной целостности и ее структурной организации. Тем не менее, реализация подобной роли, которая носит опосредствующий характер, предполагает определенный алгоритм: 1) выработка образов, которые выступают ориентирами для целеустремленной системы и ее подсистем; 2) оценка средств, а также результатов их реализации; 3) формирование определенных отношений социумов к образам, средствам и результатам; 4) совершенствование отношений, которые возникают на базе предыдущих трех блоков; 5) исследование рефлексии конкретной организации, выступающего одновременно в качестве процесса и результата.

Однако все эти задачи не могут стать предметом философского анализа, ведь для социальной философии достаточно указать только те, что выступают как базовые предметные области, относительно которых реализуется преобразовательная функция. Специфику социальной целостности задают следующие сферы преобразования: окружающая природная и социальная среда; средства преобразования и общения; сами люди; субъективная реальность, которая генерирует проекты преобразования других сфер; духовная атмосфера.

Основными способами универсализации социального пространства могут выступать конкретные воздействия через образ, собственность и прямое принуждение, которое может проявляться в информационном, распределяющем и собственно властном диктате. Подобные способы соответствуют тем ситуациям,

где возникают человеческие разногласия: по поводу целей, проявляющихся в расхождении личного и чужого образов; средств и результатов и действий. Здесь предпринимается попытка минимизации отчуждения, которое возникает внутри целеустремленных подсистем. Эту проблему можно решить в ходе организующей деятельности, снижая отчуждение до уровня, который представляется приемлемым в соответствующей системе. Подобная ситуация возникает как результат расхождения между идеальными образами и вполне реальными целями, которые обеспечивают обустройство системы, распределяя различные проявления самореализации⁷. По мнению Р. Арона, «(...) идеальные системы, каков бы ни был их уровень структурализации и систематизации, не представлены в сознании индивидов. Нужен строгий анализ, чтобы выяснить эту структуру идеальных систем»⁸.

Нивелирующая сила информационных потоков предполагает изменение традиционных функций государства, гарантируя общественную безопасность. «Потоки действуют крайне опустошающе на существующие социумы, а в отдельном случае, за счет значительного количества возникающих «социаций», которые поставлены перед целью уклоняться, оспаривать, отражать и предлагать альтернативы или отстаивать различные потоки, которые часто выходят за пределы социетального «региона»⁹.

Развитие сетевого коммуникативного пространства провоцирует разрыв между традиционной управленческой деятельностью и сетевым принципом организации, поэтому территориальные организационные структуры претерпевают основательные реконструкции, которые могут проявляться как дисфункциональные. И.А. Василенко показывает, что традиционное структурное значение в поле социального управления трансформируется в логику информационного сетевого пространства. Вместе с тем, важно учитывать, что

⁷Сагатовский В.Н. Философия антропокосмизма в кратком изложении. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2004. С. 150-153.

⁸Арон, Р. Лекции по философии истории: курс лекций в Коллеж де Франс. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. С. 263.

⁹Урри, Дж. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия. Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2012. С. 58–59.

подобная трансформация может привести к разрушению суверенного государственного управления.

Важная отличительная черта обществ, тяготеющих к социальной унификации, состоит в том, что власть перестает аккумулироваться в государственных структурах, поскольку границы постепенно размываются, а на первый план выходят наднациональные органы. Эту тенденцию подчеркивают многие исследователи: У. Бек, М. Кастельс, С. Лэш, В.Л. Иноземцев, Д.В. Иванов и др. Тем не менее, в этих исследованиях недостаточно внимания обращается на информационную составляющую подобных процессов. В этом случае максимально используются преимущества информационных потоков, которые в состоянии распространяться по глобальным сетям, вне привязки к конкретному географическому месту, используя богатство методов современных информационных технологий. Способность информации циркулировать и видоизменяться позволяет формировать массовое сознание на должном для субъектов социальной унификации уровне. Тот факт, что новая, наднациональная власть часто заключается в определенных информационных кодах, которые внешне выступали как представительские имиджи. На подобном базисе общество организует определенные институты, которые вынуждены встраиваться в новые наднациональные институты.

В современном мире в качестве приоритетной ценности выдвигаются права и свободы личности, которые реализуются на фоне многообразия интересов различных субъектов, когда «вариативность коммуникации» (Н. Луман) выходит на первый план. В подобных условиях под сомнение ставится устойчивость социальных отношений.

По мнению Н. Лумана, социальная эволюция представляет собой процесс возрастающей дифференциации коммуникаций, а рост вариативности коммуникации является условием развития социального порядка. Однако здесь таится основная угроза распада социальной системы, поэтому Н. Луман считает, что с возрастанием многообразия коммуникаций растет опасность распада общественной системы. Это связано с тем, что социальный порядок представлен в

обществе структурами, которые трактуются как определенные условия ограничения, и представляются «стабильными» при условии существования других структур, навязывающих повторное применение предыдущих структур. «Структуры всегда воплощаются лишь в координировании (ограничении сферы возможного) текущего процесса перехода от одной операции к другой. Это операционное (коммуникационное) отношение делает возможным эволюцию общественных структур»¹⁰.

Частота информационных импульсов, по мнению Н. Лумана, свидетельствует о состоянии общества. Подобная концептуализация взаимосвязи коммуникации и информации дает возможность зафиксировать взаимосвязь универсалистских социальных тенденций и информации. Информационные ресурсы универсализации обусловлены разнонаправленностью представлений об устойчивости оснований социальных субъектов. Поскольку современное информационное пространство формируется за счет все более совершенных технологий, то сущность информационного базиса социальной универсализации состоит в разрешении противоречий между устоявшимся социальным субъектом и новой социальной структурой, поглощающей этот субъект.

И.С. Ашманов выделяет цифровой фактор в качестве нового компонента суверенитета государства наряду с элементами традиционного суверенитета: военным, экономическим, политическим, дипломатическим и культурно-идеологическим. Потеря суверенитета является следствием информационной атаки, которая регулярно предпринимается идеологами неолиберализма. Он справедливо подчеркивает, что в современном глобальном мире «отсутствие цифрового суверенитета может привести к потере суверенитета страны вообще»¹¹.

Социальная практика свидетельствует о том, что информационные потоки могут менять психофизиологическое состояние не только отдельных людей, но и всего социума. Формирование нового социального пространства обусловлено

¹⁰ Луман Н. Общество как социальная система. М.: Логос, 2004. С. 21–22.

¹¹ Ашманов И. Цифровой суверенитет – новая реальность. [Электронный ресурс] // <http://eurasian-defence.ru/sites/default/files/doc/ashmanov.pdf>.

диалектическим единством информационной среды и средств информатики. В этом процессе большое значение имеют материальные носители информации, непосредственно воздействующие на социальные системы.

Рост многообразия информационных потоков провоцирует опасность распада сложившейся социальной системы, поэтому социальный субъект может рассматриваться в качестве информационной системы, имеющей свои ограниченные ресурсы, что связано с изменчивостью информационной среды. Рационализируя свою деятельность, унифицирующаяся социальная система стремится к взаимодействию только с теми социальными элементами, которые представляют соотносимую со спецификой функционирования данной системы информацию. Социальная система в процессе получения информации стремится иметь максимальную выгоду, поэтому подобное взаимодействие, как правило, носит эффективный характер. На этом уровне чрезвычайно актуализируется проблема защиты от информации, которая носит антисоциальный характер, подразумевая полноту получаемой информации, а также потенциальную дезинформацию. Таким образом, система ограничивает себя от излишних коммуникаций, которые могут разрушить новые социальные связи, формирующие унифицированный социум более высокого уровня. В этом плане принципиальную роль начинает играть единица социального информационного взаимодействия, проявляющее себя в качестве гносеологического понятия, названного А.Ю. Шеховцевым «квант информации»¹².

Для осмысления оснований социального информационного взаимодействия можно рассматривать имя вещи, которая выступает в качестве онтологического понятия (А.Ф. Лосев). Сопоставление темпов социальной унификации с интенсивностью информационных потоков дает возможность анализировать современные общественные процессы не только в гносеологическом, но и в онтологическом планах.

¹²См.: Шеховцев А.Ю. Информационная парадигма в структуре современного мышления. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1998. 176 с.

Способность любого социального пространства сохранять жесткое единство на всех уровнях унификации создает условия для образования все новых коммуникационных сетей. «Это позволяет множиться социальным мирам, выстраивая сети в пространстве и времени произвольным образом: нанизывая их друг на друга, или располагая параллельно друг другу»¹³.

Современную социальную действительность можно воспринимать как информационное множество, поэтому ее все труднее постичь, а тем более, постичь, поэтому увеличение частоты информационного процесса не способствует сохранению рационального знания. Сеть во многом определяет социальное бытие, поскольку инструментальная форма деятельности определяет в условиях информационных потоков особенности современной социальной практики. Все чаще многообразные формы деятельности провоцируют нехарактерные виды социальных коммуникаций, свидетельствуя не об эволюционных тенденциях, а о симуляции, о чем справедливо писал Ж. Бодрийяр. Общественные системы все чаще погружаются в состояние «семантической гипертрофии варьирования коммуникации» (Н. Луман), поэтому восприятие окружающей действительности как своеобразного проекта становится нормой. В этом плане особую значимость приобретает социальный симулякр как элемент единица неподлинного смысла. Социальная действительность, тяготеющая к унификации, усложняется прямо пропорционально частоте информационных процессов, поэтому все более востребованными становятся симулякры, независимые от трансцендентных ценностей. В подобных условиях формируется жизненная среда современных социумов, которую Ж. Бодрийяр рассматривает феномен, охватывающий широкий диапазон симуляций, где симуляция ценностей предстает в виде абстрактных сущностей, циркулирующих в обществе.

Универсум представляет собой единую, абсолютную, бесконечную в пространстве и во времени, противоречивую, динамичную реальность, которая акцентирует бесконечность и единство бытия, где реальность – это собственно его

¹³Назарчук А.В. Социальное время и социальное пространство в концепции сетевого общества // Вопросы философии. 2012. № 9. С. 56–66.

объективность и познаваемость. Отсюда следует, что социальное универсальное трактуется как завершенное многостороннее и многофункциональное целое, выступающее в виде реальной бесконечности, а любой объект социального универсализма представляет собой не просто элементарную социальную единицу, а микро-универсум, отражающий основные свойства и закономерности всей социальной структуры.

Универсализацию представляет собой процесс организации социокультурных пространств в единое целое множество, представляющее систему. Подобные социокультурные пространства образовались в разное время и составляют сферу международных отношений, охватывая все уровни: от субгосударственного до глобального уровней современного мира.

Указанные определения базируются на диалектических идеях: а) всеединства; б) всеобщей связи; в) взаимозависимости; г) отражения и элементов Универсума. Кроме того, принцип универсальности заключается в том, что имплицитно воплощает в себе и другие принципы (противоречия, бесконечности, дополнительности, континуальности и др.). Можно выделить несколько принципов универсализма.

Принцип автономности конкретизирует бесконечность социального универсализма через относительную уникальность его составляющих как основу его структурной последовательности, включающей, в свою очередь, принципы дискретности, плюрализма, равнозначности частей мира.

Принцип динамического равновесия утверждает стабильность и гармонию в универсальном социуме, где противоположные элементы, составляющие Универсум, уравниваются в постоянном всеобщем балансе своих взаимодействий, чем достигается ограничение сферы влияния, обеспечивая тем самым гармонию и устойчивость не только его частей, но также Универсума в целом. Вместе с тем, важно подчеркнуть, что указанное равновесие носит не статичный характер, поскольку оно периодически нарушается социальными противоречиями, доходящими до предела, и придает этим изменениям бытия определенный порядок и цикличность.

Принцип бесконечности утверждают, что развитие универсального сообщества не является одновекторным, потому что развитие предполагает начало, направление и конец, а это вряд ли применимо по отношению ко всему человечеству. Конкретные области такого социума могут также отступать назад за счёт других составляющих или областей, стремясь к бесконечности.

Принцип неопределённости в своей основе отрицает абсолютную последовательность теоретических конструкций, которые игнорируют обширное многообразие, изменчивость и противоречивость существования, минуты беспорядка и спонтанности, имплицитно основываясь на принципах противоречия, относительности, вероятности, умеренной нелогичности, отвергая при этом крайности рационализма и логицизма. Этот принцип приобретает особую значимость при использовании новейших информационных технологий.

Социальное бытие носит универсально-противоречивый характер, что связано с бесчисленностью видов, форм и слоев бытия, а также их взаимосвязанностью и взаимодействием при относительной автономности. Универсализм включает гармоничность, когда противоречивость предполагает относительное равновесие таких противоположностей, как: материальное и идеальное, порядок и беспорядок, конечное и бесконечное и др.

Проблема единства мира рассматривается в истории философии в различных видах и концептуальных модификациях, проецируясь на ключевые смыслоносущие концепты. В любом случае неизбежно присутствует фокусирующий центр неизбывного единства и цельности всей действительности, а также реальности всего многообразия мироздания, зафиксированного определенным образом в понятийно-категориальных координатах. Вокруг проблемы мира неизбежно возникает множество вопросов, но так или иначе все постоянно возвращается к вопросу о его единстве, ведь классическое исследование явленного, а также неклассическое моделирование предполагают свой взгляд на эту проблему.

Если подходить к социальному универсализму как целостности и рассматривать его системно, то указанные понятия выступают категориями,

которые на разных уровнях описывают единый объект – социосистему. Используя подобные подходы, многие исследователи раскрывают форму, содержание и динамику развития социальных структур на различных уровнях.

Предшественником социального универсализма выступает понятие, которое употребляется в современной этике для обозначения методологического подхода к теориям, где обосновываются всеобщие принципы морали. Основоположник этого направления И. Кант ввел понятие категорический императив – своеобразный набор правил универсализации, заставляющих индивида представлять возможность превращения его мотива поведения во всеобщий закон. В категорическом императиве нравственный мотив представлен независимо от всех других практических мотивов бытия, поэтому если универсализация мотива невозможна, то данный поступок не должен быть совершен. Возникает вопрос о применимости категорического императива к большим социальным единицам, претендующих на социальный универсализм.

Для осознания глубинной сущности универсализма необходимо понимание того факта, что в основе взаимодействия всех сторон целого лежит субстанция, поскольку она выступает не просто как «субъект» взаимодействия, но и как «имманентная причинность», то есть как причина самой себя. В диалектике субстанция является основой внутреннего единства и взаимодействия составляющих целое социальных частей, что дает основание – единство мира отразить в диалектическом принципе, таком как: «единство в многообразии», то есть в организации материи в виде субстанции.

В XX веке сложилась неклассическая парадигма научного мышления, которая основывается на идее стирания граней между объектом и субъектом. Подобный подход позволяет признавать зависимость знания от познающего субъекта и гносеологических операций, применяемых в конкретной ситуации, а также предполагает включение познающего субъекта в существующую систему мировых связей и взаимодействий. В неклассической парадигме социальный универсализм приобретает особые черты.

При рассмотрении любого концепта или термина можно поступить двояко: толковать его с позиции той или иной идеологии, не углубляясь в ее основание и не проводя сравнений с альтернативными толкованиями, или обратиться к научному методу. Второй подход, естественно, не освобождает от приверженности той или иной идеологии, но заставляет рассуждать, соблюдая три правила научного подхода.

Гетерогенность предметного поля исследования социального универсализма дополняется парадигматической нестыковкой существующих подходов: постиндустриализма, неомарксизма, глобализации, рефлексивной модернизации, постмодернизма и пр. Если подходить к обществу с универсалистских позиций, то есть рассматривать его системно, как имманентную целостность, то многие традиционные понятия социальной философии становятся категориями, которые на разных уровнях описывают социосистему как единый объект. Посредством подобной методологии можно представить форму общественных структур, а также их динамику развития, используя при этом культурологический или цивилизационный подходы. В последнее время на первый план выдвигается глобализационный подход.

Для адекватного освещения особенностей социального универсализма важно учитывать, что на сегодняшний день наблюдается довольно тесная взаимосвязь интеграции и дифференциации наук, которые непосредственно связаны с исследований все более глубоких, и соответственно более тонких корреляций и соответствий в обществе. Особую роль начинает играть статус социальной философии как проявления тенденций универсального синтеза знаний, что обусловлены тем фактом, что универсализм требует особенного подхода к проблеме выбора уровня истины, а также применения разных параметров, как взаимодополняющих, потому что все они относительны. Отсюда следует, что бесконечность универсума, проявляющаяся в каждом его объекте, обеспечивая информации определенное место в гносеологии. Сущность понятия «универсализм» при этом раскрывается посредством выявления основных, устойчивых свойств, с помощью которых и определяется его онтологический

статус. Свойствами бытия в этом случае выступают единство и множество, вечность, бесконечность, противоречие, движение, пространство, время, устойчивость, структурность, гармоничность, отражение, энергия.

В 60-70-х годах XX века была выдвинута униформистская концепция исторического развития, которая постепенно нашла своих сторонников и стала преобладающей в сообществе не только ученых, но и практиков. Известные западные социологи Р. Арон, Д. Белл, З. Бжезинский, У. Ростоу, Э. Тоффлер были уверены, что универсализм проявляется в первую очередь посредством технического прогресса. Они пытались доказать, что техника является критерием социального прогресса, поскольку он, с их точки зрения, детерминирован преимущественно развитием технических средств. Более того, уровень технической вооруженности предполагает соответствующий тип общественного прогресса. Вся история человечества, по мнению сторонников указанной концепции, представляет собой переход от традиционного общества, иерархия в котором представлена по сословиям, к индустриальному типу, где прослеживается господство рыночного хозяйства и сложилась демократия западного типа. Переход к современной унифицированной стадии общественного развития характеризует пик уровня информатизированности общества, представляющей развитие самого общества исключительно по западной модели. Как видим, в подобных концепциях оправдывается социальный универсализм как результат однолинейного вектора развития общества, где технический критерий, выступает объединителем человеческого сообщества, оставляя в стороне всю уникальность развития различных социумов.

В русле классической философии и социокультурной традиции вообще можно выделить два основных направления: тематизации и проблематизации единства мира. В первом случае мир трактуется как монолитный (однородный) с простой социальной структурой и в целом простой, так что сравнительно легче все видимое многообразие сводится к одной базисной основе, роль которой чаще всего исполняет некоторое начало или субстанция. Во втором случае

постулируется принципиальная автономность или даже полная изолированность друг от друга различных фундаментов, субстанций.

Важное направление социальной универсализации представлено сторонниками «цивилизационного подхода», где под цивилизацией понимается конкретный социально-исторический организм или система региональных социально-исторических организмов, которые обладают общекультурным базисом. В свою очередь А. Тойнби в фундаментальном труде «Постижение истории»¹⁴ выступает в качестве автора «цивилизационной концепции», где между понятием цивилизации и понятием общества практически ставится знак равенства. Однако, с точки зрения М. Ходжсона, в институциональном исследовании сравнение «цивилизационных традиций» возможно по релевантности только в условиях конкретного исторического периода, когда социальный институт выступает в своей основе как непрерывный, а в современных условиях подобное возможно лишь в ограниченной степени. Решение такого рода задач предполагает проводить сравнительный анализ различных исторических цивилизаций, не исключая Запад. Многие из них были вытеснены новым типом исторического ракурса, то есть с приходом современных трансформаций, включая также цивилизации прекратившие свое существование, а следовательно, мы говорим о том, что включается новый мировой масштаб, который не имеет критериев для сравнения с какой-нибудь из старых цивилизаций. Тем не менее, обществоведы пока не пришли к единому мнению, каким именно образом можно решать проблему определения в обществе признаков, на основании которых происходит разделение определенных этапов эволюции общественных структур. Можно сказать, что «...признаки, свойственные этапам общественного развития, чаще всего методологически обоснованы недостаточно, а поэтому теоретические конструкции грешат чрезмерным субъективизмом»¹⁵. Однако, редукционизм и фундаментализм не могут выступать характеристиками универсализма, поскольку сводят сложные

¹⁴См.: Тойнби А. Постижение истории. М., 1991. 731 с.

¹⁵Смирнов П.И. О социологическом моделировании общественной эволюции // Социологические исследования, 2004. № 8. С. 12-22.

уровни и формы бытия к определенному базису, игнорируя качественную автономность различных форм бытия. Тем не менее, все это создает бесконечное разнообразие и гармонию, характерную для универсализма. Универсум выступает как целостность частей, форм и уровней, равнозначных для целого, поскольку бытие характеризуется как качественно бесконечное. Вместе с тем, универсальность не сводится к упрощенно понимаемой ступенчатой упорядоченности бытия, однозначно понимаемой как детерминация одних его уровней другими. Универсальность понимается как взаимная обусловленность всех частей, видов, форм и уровней бытия, поскольку различие между объективным и субъективным, природным и социальным, историческим и современным, общественным и личным бытием относительно.

Многообразные картины мира, которые фигурируют во всех ведущих сферах человеческой деятельности, предполагают целостность мировоззренческого горизонта, задавая иллюзию замкнутости и своеобразной однородности соответствующих представлений. Универсалистские тенденции в социальном пространстве ставят перед исследователями в качестве первоочередной задачи поиск точного определения понятия и его классификации. Это позволит прояснить суть самого явления и критериев идентификации его конкретных выражений и форм. Пределом идеографического построения, к которому стремится исследователь, является представление о цельности, а понятием предела о целом является понимание мирового целого. Естественно, что для нас представляет интерес социум как часть мирового целого, обладающая сознанием и способностью воздействовать на это целое. Основными понятиями социального универсализма являются понятия синтеза, универсума и универсального, что определяет его особенности.

Любое взаимодействие социальных единиц можно реализовать в процессе коммуникационных действий, которые предполагают понимание сходства и различия. Проблема реализации универсалистских целей состоит в том, что в любую языковую систему имманентно встроено классификационно оформленное фрагментирование мира, неустранимое в рамках господствующей парадигмы. В

результате подобного подхода мир воспринимается как рассеченный на отдельные элементы, хотя это не мешает создавать особые концептуальные теории посредством особого конструирования. Дело в том, что универсальность имманентно заложена в естественном языке, который сам становится носителем определенной целостной социальной картины мира. Несмотря на отдельные тенденции фрагментации общественных структур, универсальность отчетливо проявляется на примере действующих социокультурных механизмов, включающих в себя взаимодействие различных социальных структур. Разделение классических и неклассических стратегий философствования позволяет выбрать адекватную методологию для выхода на универсалистский уровень осмысления социальных явлений, которые часто позиционируются в качестве фрагментарных.

Единство, полученное в результате объединения отдельных социальных единиц в некое целое, может реализоваться только на базе смысловой соотнесенности его составных частей, которая иллюстрируют взаимосвязанные процессы, служащие основанием для понимания содержательной стороны происходящих событий. Из данного тезиса следует, что в действительности существует только конкретно-всеобщее, поскольку абсолютно всеобщее представляет собой, по сути, только фикцию, ведь оно позиционируется в отрыве от охватываемых им целостностей более низкого порядка, то есть отдельных социальных элементов или единичных сущностей. Абсолютно единичное, естественно, является фикцией, в которой единичное позиционируется в отрыве от своей целостности и охватывающей его всеобщности. Единичное не рассматривается в качестве структурного элемента определенной целостности, поскольку существует только всеобщее-конкретное. Подобные противоречия, характеризующие современные универсалистские концепции, являются реальным преткновением на пути к реальному, естественному всечеловеческому сообществу.

Информационное обеспечение универсализма предоставляет в значимой мере набор особенно качественных концептуальных инструментов, при помощи которых появляется возможность для разрешения различных тактических задач

по обобщению социумов. По мнению В.Ю. Кузнецова, универсалистский подход не только позволяет охватить одним нередукционным принципом философию в качестве комплекса разнородных проектов, но также выделить фундаментальные тенденции ее трансформации, обусловленные реализацией универсалистских тенденций¹⁶. Вряд ли можно в полной мере согласиться с данным тезисом, однако он иллюстрирует диалектику универсалистских процессов не только на локальном уровне, но и в более широких социальных масштабах.

В современном мире взаимоотношения отдельных социумов и социальных мегаструктур качественно меняются, что обусловлено возникновением мощных элементов современных информационных технологий на базе современных средств медиатизации.

В современном мире на базе универсалистского подхода формируется объяснение тем процессам в обществе, которые могут рассматриваться как методологическое основание для анализа процессов любого уровня конкретности. Принципиальное неприятие социального универсализма иллюстрирует измененное состояние социальной системы, большого общества, характеризующееся острым застойным противоречием между культурой и социальными отношениями, распадом всеобщности, культурного основания общественного воспроизводства.

В этой связи возникает вопрос о понимании того факта, что интернациональное свойство характера не может стать основой истинной, гармоничной общности людей, потому что оно иллюстрирует собой постепенное уничтожение социокультурной идентичности в XX веке. Противоречивость подобных тезисов, иллюстрирующих универсалистские тенденции современности, прослеживается на жизни гениев, достижения которых всегда имеют сверхнациональный характер, хотя конкретные формы их творчества представляют интерес только для определенной национальности. Реальность полной универсализации прямо пропорциональна степени социальной информатизации.

¹⁶Кузнецов В.Ю. Мир единства. М.: Академический Проект, 2010. С. 72.

На подобных аспектах акцентируют свое внимание ученые различных направлений. А.И. Тимофеев, анализируя взгляды И. Ильина, подчеркнул особое отношение великого мыслителя к универалистским тенденциям. В частности, великий мыслитель останавливается на двух фазах формирования национального сознания: инстинктивной и духовной, где только первой присуща национальная ограниченность. Не случайно, именно на второй стадии становления национального духа оно проявляет свою самобытность. Если принять точку зрения Г. Гегеля, то учет особенностей проявления национального характера предполагает «вкушение вкуса», осуществляющегося в пронизательности таланта, а не в виде философских понятий, как высшей форме самосознания¹⁷. В подобных тезисах максимально проявляется его влияние на философскую школу России. Из этого следует, что целостное обитает внутри особенного и единичного, которое, в свою очередь может обладать особенным существованием только сквозь подлежащую рефлексированию определенность отношений к другим единичным. Иначе говоря, субординационные отношения всеобщего и единичного состоят из того особенного, которым координируются взаимоотношения единичных по отношению друг к другу. Задача, как утверждает А.И. Тимофеев, состоит том, чтобы эти две формы связей свести к единству самосознания, тогда дух будет определяться как рефлексированный состав связей существ, имеющих разум. «Дух народа – это рефлексирование непосредственно наличия самого содержания таких связей»¹⁸. На подобном базисе происходит эволюция представлений универалистского подхода о форме, содержании и стадиях универализма в различных концепциях.

Доказательством нарастания универалистских настроений свидетельствует тот факт, что современные социальные институты научились создавать механизмы разрешения конфликтов путем взаимодействия друг с другом на компромиссной основе отдельных самодостаточных частей, которые только при этом условии обретают устойчивую динамику развития. Важно подчеркнуть, что

¹⁷Тимофеев А.И. Концепции народного духа у Г. Гегеля и И. Ильина // Россия: прошлое, настоящее, будущее // Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 16-19 декабря 1996 г., С-Пб., 1996. С. 67.

¹⁸Там же. С. 67.

подобная унификация внутреннего политического пространства подталкивает формирование неконфликтных механизмов в межгосударственных отношениях, вовлекая все новые общества и государства. В этом состоят серьезные преимущества социального универсализма, однако здесь таится опасность. Следует согласиться с мнением М.Н. Эпштейна, предлагающего различать понятие «универсализм» посредством введения понятия «критическая универсальность», под которым подразумевается «способность конкретного консенсуса вбирать ценности других культур, занимая при этом критическую дистанцию по отношению к себе»¹⁹. Реализацию подобного подхода можно рассматривать как заметный шаг вперед по пути концептуального осмысления всего массива социокультурного многообразия различных проявлений социального синтеза, формирующегося в результате процессов универсализации.

На уровне обыденного сознания посредством соответствующих информационных технологий часто проводится тезис, согласно которому универсализм тождественен плюрализму. Это опасный тезис, потому что между этими понятиями наблюдается отличие, а признание многообразия не гарантирует отказ от оценивания, становясь при этом критерием самой оценки. Другими словами, плюрализм представляет собой внешнее проявление многообразия в то время как настоящий, социально обоснованный универсализм возможен только на духовной основе.

Постепенно на первый план выступает идея универсальной цивилизации, которая является преимущественно западной идеей, что во многом детерминировано активностью СМИ, хотя в истории человечества всегда имели место обе тенденции: универсалистская и партикуляристская.

Социальный универсализм представляет собой максимально широкий философский синтез, так как исходит из позиции, что в философии не наблюдается абсолютных заблуждений: в каждом взгляде, представлении,

¹⁹См.: Эпштейн М.Н. От знания – к творчеству. Как гуманитарные науки могут изменять мир. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 480 с.

учении, теории представлена своя доля истинного, которую важно выявить и обязательно учесть при общем синтезе знания.

Социальный универсализм является избирательным, поскольку концентрирует в себе только оригинальные элементы различных концепций социального синтеза, обогащая устоявшиеся представления о мире и человеке. Социальный универсализм представляет собой непрерывный синтез, который стремится к абсолютной полноте знаний о своих объектах. Социальный универсализм выступает как главный регулирующий принцип дополнительности, а ведущим критерием является формирование бесконфликтного, устойчивого мирового порядка.

Универсалистские тенденции в социуме, выступающем в качестве субъекта, определяет его отношение к современному миру в той же степени, в какой всякая деятельность стремится к универсальности. Подобная тенденция выражается не только в неизбежном включении в неё, элементов различных видов деятельности, но так же во множественности её отдельных операций и связей. Стабильность общества гарантируется степенью его универсальности и обеспечивается таким фактом, что многие виды общественной деятельности составляют целостную систему, обеспечивающую взаимосвязь социальных элементов. Однако гипертрофированное позиционирование ее отдельных видов может привести к нарушению равновесия этой системы, провоцируя кризис сложившейся общественной структуры. Это происходит, как правило, при максимальном участии современных информационных технологий.

Если анализировать социальные универсалистские тенденции с гносеологических позиций, то необходимо все процессы в социуме анализировать с позиций целостности и всесторонности познавательного процесса, учитывая его отдельные аспекты, моменты и формы. Вместе с тем, не стоит под универсализмом понимать сведение сложной сущности познания к однозначным определениям типа отражение, созерцание, рефлексия, вживание в объект и т. д. Это особенно справедливо по отношению к познанию социальных процессов, где их структурная сложность подпитывается информационным давлением, которые

могут быть следствием универсалистского подхода.

Адекватное познание универсального социума возможно, если исходить из определенного взаимодействия конкретного социума с миром, ведь знания в целом представляют собой потенциальный духовный универсум. Понятие выступает в узком смысле как его микроуниверсум, поэтому принцип универсальности обязывает к всестороннему подходу к объектам и средствам познания социальной действительности.

Особенности современной гносеологии в разрезе исследования универсалистских тенденций можно определить следующим образом:

- 1) тенденция к интеграции знания;
- 2) выработка единых принципов мышления;
- 3) нахождение новых подходов к познанию, объяснению мира;
- 4) реабилитация такой формы познания, как интуиция;
- 5) возникновение альтернативных взглядов на познавательный процесс;
- 6) познавательный процесс все чаще представляет собой порождение смыслов;
- 7) усиление позиций представителей синергетики.

Универсализм как проблема единства мира, проходя сквозь всю историю философии, проецируется на ведущие смыслонесущие концепты с точки зрения различных видов, форм, вариаций, концептуальных подходов и модификаций, в которых неизбежно присутствует идея неизбывного единства, связанности, цельности всей социальной действительности, всего многообразия, охваченного и зафиксированного определенным образом в принятых понятийно-категориальных координатах. Классические подходы к исследованию социального универсализма в этом плане не отличаются от неклассического моделирования вариативного развития социума, поскольку вынуждены вращаться вокруг проблемы мира и постоянно возвращаться к вопросу о его единстве.

Универсализм – это учение, сторонники которого исходят из общих для всех людей универсалий, представляющих собой единство психики с возможными достаточно существенными внешними различиями. Социальный

универсализм является процессом, в котором проявляется всеобщность через универсальное отношение человека к окружающему миру, посредством которого человек формирует вокруг себя пространство всеобщности, формируя своеобразную культуру, которая, по мнению М. Бубера, представляет собой «универсальный способ, каким человек делает мир «своим», превращая его в Дом человеческого (смыслового) бытия»²⁰.

Универсализация представляет собой тенденцию образования универсальных понятий или смыслов, а одним из проявлений этой тенденции является цивилизация, как реализация всеобщей социальной связи индивидов и групп, создающей крупномасштабное единство в пространстве времени. Универсализацию можно назвать ведущей тенденцией современного исторического и культурного становления человечества, которая оформляет общеизвестные обобщающие характеристики человеческого рода. Имеется в виду тот факт, что все социальные структуры совпадают по своей организации, а также составляет единую социальную и интеллектуальную однородную сущность. В своих исследованиях создатель школы этнологического структурализма К. Леви-Стросс акцентировал внимание на общечеловеческих чертах, отыскивал при этом внутренние универсальные структуры, лежащие в основе любого явления, в том числе в области человеческого мышления, однако игнорируя что-либо особенное.

Можно выделить некоторые особенности социального универсализма: а) отрицание существования субстанции аналогичной определенной форме философского синтеза; б) оформление социально-философского знания в виде определенной тенденции, а не в виде системы; в) признание единства идеального и материального аспектов реальности; г) синтез социальных знаний с опорой на науку, а не на религию.

В определенной степени концепция социального универсализма проявляется в концепциях детерминизма: наукократического, технологического, технократического, а также в концепциях культурного и экономического глобализма. При этом общей методологической основой выступает

²⁰Бубер М. Я и Ты. // Два образа веры. М., 1993. С. 61.

абсолютизация технического знания, а также прагматизма, который выступающего под прикрытием демократии. Подобная универсализация при соответствующей информационной поддержке на практике превращается в примитивную унификацию, проявляющуюся в насаждении единых вестернистских стереотипов сознания всем народам. Она направлена на нивелирование этнической идентичности и уничтожение государственного суверенитета, что способствует увеличению социального разрыва в структуре обществ, поскольку защита прав граждан заменяется фикцией. Такая псевдоуниверсализация враждебна универсальности человека. Можно констатировать, что социальная универсальность может проявляться по-разному, приобретая разнообразные формы при разных соотношениях её элементов. Вряд ли можно согласиться с мнением идеологов социальной универсализации, считающих, что развитие социумов вне государственных приоритетов становится сегодня самым важным и перспективным направлением в социальной философии. По крайней мере, подобный подход противоречит отечественным традициям, ведь русский народ всегда был сторонником крепкого государства, благодаря чему удавалось удерживать огромные территории на протяжении столетий.

В русле классической философии и социокультурной традиции вообще можно выделить два основных направления проблематизации единства мира. В первом направлении мир трактуется как монолитный или, по крайней мере, однородный, поэтому все видимое многообразие сводится к одной базисной основе, роль которой посредством СМИ всего исполняет определенная социальная структура. Во втором направлении постулируется принципиальная автономность или полная изолированность друг от друга различных субстанций. В любом случае, реализация универсалистских тенденций предполагает определенный информатизационный уровень цифровой культуры, под которой понимаются: «(...) артефакты и символические структуры, основанные на цифровом кодировании и его универсальной технической реализации, тотально включенные в институциональную систему, способствующие поддержанию определенных ценностей, закрепленные ментально и создающие формы

автодетерминации»²¹. Отсюда следует ложный вывод, что изменить социальный статус и ментальность субъектов возможно путем изменения технологий через изменение организационных форм сотрудничества субъектов. Трудно согласиться с данным тезисом, хотя, к сожалению, трагические события в мире в последние десятилетия свидетельствуют о большой проникающей способности современных информационных технологий, которые в состоянии спровоцировать «цветные революции».

Прогресс в области развития информационной сферы в ближайшие десятилетия будет продолжаться, потому что он пока далек от насыщения²². А. Урсул, один из ведущих ученых уверен в том, что процесс информатизации и в будущем сохранит свою стратегическую значимость в развитии общества, потому что выступает сильным катализатором множественных процессов развития цивилизации, а также создания и внедрения инноваций, новых социальных и других технологий, образования науки, и культуры²³. Основополагающее свойство процесса информатизации общества связано с его особой ролью в процессах развития цивилизации, а, следовательно, выдвигает его на первый план в области универсализации современного мира. В связи с этим обостряется проблема навязывания внешне прогрессивных, однако чуждых данному социуму, идей, которые часто не встречают понимания в конкретной социальной действительности, поэтому «(...) сталкиваются с предвзятым восприятием и серьезно искажаются, что сводит на нет планируемые положительные эффекты»²⁴.

Идеи универсализма разделяют многие современные ученые, особенно сторонники глобализации, хотя встречаются попытки концептуализации отрицания единства мира в большинстве случаев оказываются отрицанием только монистического его понимания. В этом случае мир рассматривается как монолитная субстанция, поскольку все равно нечто утверждается неизбежно о

²¹См.: Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 1999. 949 с.

²²Колин К.К. Философские проблемы информатики. М.: БИНОМ, 2010. С. 114-115.

²³Кутырев В.А. Философия иного, или небытийный смысл трансмодернизма // Вопросы философии. 2005. С. 10-11.

²⁴Андроникова О.О. Безопасность образовательной среды в современных геополитических условиях // Философия образования. 2015. № 3 (60). С. 18.

подразумеваемом мире в целом. Часто попытки отрицания социального единства на практике оказываются концепциями, отрицающие определенное прямолинейно-монотонное понимание универсального общества как однородного. Дело в том, что концепции автономных и локальных социумов предполагают автора, способного увидеть в их различии сходство. Всякое гипотетическое отрицание единства мира обязательно концентрирует свое внимание на возможности подразумевать весь мир в его целостности, что представляет собой некоторую форму противоречия. Можно утверждать, что подобный момент в бытии, где оно является абсолютной единичностью «(...) Плотин с Платоном и называют Единым, или Благом»²⁵. Тем не менее, как показывает В.Ю. Кузнецов, подобный поворот «(...) оказывается не столько решением, сколько новым вопросом и продолжением все той же проблемы, поскольку фундаментальное, наиболее глубинное единство опять ускользает, а условность остается необязательной»²⁶.

Современный социальный универсализм выступает как новая форма философии, являющаяся альтернативой традиционным формам философии и представляющая общую тенденцию универсального философского синтеза знания. В проблемном поле социальной философии феномен универсальности проявляется в качестве концепта, который обладает полиаспектностью. Несмотря на то, что основания универсализации мирового пространства представляют собой не эманацию целого, а определяют это целое, принципы видения этого целого могут серьезно различаться на практике.

Необходимость социально-философского рассмотрения социальной универсальности тесно связана с проблемой единства мира; она определяется осмыслением многочисленных эффектов целостности, взаимозависимости всех процессов и явлений. Они все чаще выступают на передний план, как в теоретической, так и в практической деятельности человека. Тенденция синтеза внутри отдельно взятых цивилизаций подталкивается активизацией

²⁵Лосев А.Ф. История античной эстетики. Т. 1-8. Полный эллинизм. Харьков, 2000. С. 871.

²⁶Кузнецов В.Ю. Мир единства. М.: Академический Проект, 2010. С. 22.

транскультурного диалога, поскольку любое сознание, даже имеющее специфические религиозно-этнические особенности, вряд ли осуществимо вне контекста с общечеловеческими ценностями и социокультурными универсалиями, которые должны были соответствовать подаваемым СМИ образцам

Феномен универсализма появляется в том, что в современных условиях плюралистические подходы гарантируют самодостаточность локальных и региональных объединений. В этом случае разрываются взаимосвязи различных социумов, в результате чего мир распадается на отдельные и совершенно независимые друг от друга фрагменты, существующие по монистической модели. Например, понимание общества в духе жестко редуционистских теорий, предлагающих свести все социальные процессы к прямолинейным закономерностям детерминизма, позволяет выстраивать универсальную схему, однако исключает возможность для адекватного отображения различных социальных факторов. Для этого необходимы плюралистические концепции, которые допускают одновременное действие различных детерминант, обуславливающих общественные явления, хотя они приводят, в конце концов, к не контролируемому процессу фрагментарности, не охватывающему полностью многоаспектный социальный организм в его целостности. Вот почему В.Ю. Кузнецов видит решение этой задачи в преодолении резкой оппозиции монизма и плюрализма²⁷.

Деятельность в современных условиях играет двойственную роль по отношению к универсальности, ведь она включает в себя синтез частного и общего. Возникает проблема реализации потенциальной универсальности обществ, поскольку: а) общества как реальные макросоциосистемы находятся на разных этапах (от самоорганизации, саморазвития до самораспада); б) общества как государства находятся на разных уровнях развития; в) одни общества инициируют вокруг себя саморазвитие и созидание, а другие, напротив, разрушение и деградацию. Эти особенности указывает на то, что довольно

²⁷Кузнецов В.Ю. Мир единства. М.: Академический Проект, 2010. С. 17.

сложно реализовать на практике глобальную универсальность, а не абстрактный лозунг. Отсюда следует, что универсальность социума может быть реализованной двояко: постепенно или форсированным образом. Во втором случае общество теряет свою социокультурную идентичность на протяжении поколения. Самодеятельность может частично дополнять экстенсивную форму универсализации, которая, скорее всего, останется преобладающей пока специализация не исчерпает своего позитивного потенциала в будущем.

В начале XXI века на мировую арену вышли две главные полярные цивилизации, которые ранее также существовали, но не доходили до четко определенного глобального противостояния. Это самообеспечивающаяся цивилизация и паразитическая цивилизация. Рассмотрим более подробно, что представляют собой эти полярные типы цивилизаций и в чем главная суть их бытия.

Самообеспечивающий тип цивилизации и включенные в него компоненты характеризуется тем, что такая цивилизация существует преимущественно за счет собственных ресурсов; входит в баланс отношений с природной средой на собственной территории; способна ее восстанавливать и облагораживать в условиях оптимального саморазвития; настроена на созидающее сотрудничество. По сути, эта цивилизация является созидающе-объединяющей, для которой информация – это путь к новым горизонтам созидания на базе ее переработки в массивы истинных и правдивых знаний, поэтому вся информация в ее полноте должна интегрироваться, доходить до качественного уровня цельного живого знания жизни.

Паразитический тип цивилизации и включенные в него компоненты социосистемы характеризуется тем, что субъекты этой цивилизации существуют преимущественно за счет богатств и ресурсов других (чужих) социосистем и природных территорий; нарушают биогеографические и социальные основы их жизни; необратимо выкачивают для своего существования жизненные силы людей и природы. Подобную цивилизацию необходимо рассматривать в качестве захватывающе-разъединяющей и для нее информация – это средство очень

эффективного пространственно-сетевого захвата психики, сознания индивидуумов, завладения общественным сознанием (социальных групп, слоев, отдельных социумов – государств, регионов планеты и т.д.) и его подчинения, с уничтожением охранных государственных границ. В своем развитии она преимущественно останавливается на манипулятивном уровне для эффективного управления массой людей, примитивизированными «массами», поскольку ее пределом являются знания-порабощения (в том числе бизнес-знания) с антигуманной и антиприродной сущностью дисгармонии, то есть неестественным перекосом в сторону материальных ценностей за счет духовных.

Современный социальный универсализм соответствует экспансионистской политике стран, поскольку он реализуется по сценарию доминирования одной культуры. Дело в том, что культура, являющаяся совокупностью ценностей и мировоззренческих установок, представляет собой силу, которая дестабилизирует социокультурное пространство. В этом плане культура может выступать своеобразным средством нейтрализации конкурентов. А.И. Уткин справедливо отмечает: «Глобальная культура, – будет неизбежно походить на доминирующие культуры прошлого»²⁸. Культура в истории, по мнению З. Бжезинского, часто может выступать способом укрепления имперского центра и подтверждает свой подход конкретными историческими примерами, привлекая факты из Римской и Британской империй, особо акцентируя роль США в качестве единственной супердержавы в современном и будущем мироустройстве²⁹. Естественно, что эту задачу можно решить только на базе новейших информационных технологий.

Для понимания целостности современного мироустройства важно рассматривать универсализм в качестве фрактала, который открывает принципиально новые возможности. В многообразии можно увидеть единоборство, которое не противоречит самодостаточности отдельных фрагментов, составных частей этой целостности, поскольку единство хранит в себе многообразие.

²⁸Уткин А.И. Глобализация: процесс и осмысление. М.: Логос, 2001. С. 175.

²⁹Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и ее геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 1998. С. 22-32.

Необходимо отметить еще одну особенность социального универсализма. Дело в том, что представления о единстве не представляет информационной угрозы до тех пор, пока они презентуют в качестве символа. Однако претензии на социальный универсализм представляют собой нечто большее. Единство в качестве цели является беспредельной задачей, ведь все виды единства представляют собой лишь частичности, так как они выступают лишь предпосылками возможного нивелирования, которое невозможно без борьбы. Предельное единство невозможно выразить ясно и без противоречий даже в идеале, потому что единство не может обрести реальность даже в максимально устойчивом мироустройстве. Отсюда следует, что социальное единство представляет собой бесконечно далекую точку соотнесения истока и цели, что, по сути, является трансцендентным единством. Кроме того, универсализм как социальное единство не может являться уникальным достоянием какой-нибудь исторической веры, которая бы успешно навязывалась всем в виде абсолютной истины, поскольку в качестве таковой она не может быть сформулировано в принципе, несмотря на мощное информационное давление. В.В. Бибахин справедливо по этому поводу подчеркивал: «Какое бы, когда бы ни было получено понятие человека и мира, понимание их, оно не возникает иначе как из захваченности человека миром, из охвата человеком мира, так что те захваченность и охват, каждый раз с каждым человеком вот такие, какие они есть, всегда будут оказываться тем ранним и исходным, раньше чего никогда никакое человеческое знание не заглянет»³⁰. Таким образом, проблему социальных универсалий, а также информационного базиса необходимо решать на интеграционном стыке нескольких научных направлений. По крайней мере, взаимосвязи и взаимодействия, обеспечивающие социальное единство мира, различных его фрагментов и компонентов, могут и должны рассматриваться, по крайней мере, в двух дополняющих друг друга аспектах – синхронном и диахронном, пространственном и временном. При этом если пространственно-синхронный ракурс требует исключительно симметрично-изотропных

³⁰Бибахин В.В. Мир. Прояснение ситуации. СПб., 2007. С. 428-429.

соотношений, то диахронно-временной – преимущественно векторных, несимметрично-анизотропных, эволюционно-исторических. При анализе первого аспекта оказывается, что таким образом можно получить только статичную картину мира, когда любые изменения предполагаются несущественными, потому что они выступают как обратимы. В этом смысле здесь никакого развития нет. Значимость второго аспекта задается принятием динамических предпосылок, которые индуцируют представления о подвижно-вариативной картине мира, которая может быть воспринята как виртуальная и необратимая действительность.

Для того чтобы умственно охватить целостность определенного социального уровня, достаточным основанием является способность к довольно абстрактному пониманию событий окружающей действительности. Надежды на достижение порядка, исключительно путем унификации человеческого бытия, все чаще являются ложными, поскольку в состоянии привести к социальному регрессу или спровоцировать мировую войну. В качестве выхода могут выступать новые абстрактные понятия («глобализация» и т.п.), формирование которых посредством СМИ позволяет удерживать умозрительную целостность человечества, поднимаясь над исходными предметами социального бытия. Адекватное наполнение понятия «социальный универсализм», когда их категории при соответствующей наполняемости позволяют достичь такого уровня осознания человеческой всеобщности, который в состоянии выступать стабилизирующим фактором по отношению к хаотизирующемуся миру.

Тем не менее, подсознательное стремление к универсальности во многом обусловлено тем фактом, что в современном мире не существует идеологии, которая в состоянии даже приблизиться к доказательным ответам на актуальные проблемы человеческого бытия. Именно поэтому постоянно растет востребованность в идеологии общепланетарного бытия, которая не базировалась бы на приоритете ценностей одной цивилизации, выступающей ведущим трендом современного мира. Национальные взаимоотношения все чаще позиционируются

как социальный атавизм, препятствующий реализации универалистских тенденций, поэтому взрывоопасные национальные проблемы все чаще экстраполируются из политической области в гуманитарную, социальную или духовно-нравственную. Однако в подобно аргументации меняются местами причина и следствие, потому что радикальная этническая активность чаще всего провоцируется именно попытками ускоренной социальной универсализации.

Полноценный анализ универалистских тенденций предполагает учет того факта, что общество, как правило, не может быть однородным, и конкретные социальные группы всегда имеют специфические интересы, направляя общество в соответствующую модель мира. Можно предположить, что эту функцию могут выполнять СМИ, ведь сознание масс современного общества представляет собой некую последовательность различных моделей мира, а также представленных в них аксиологических систем, которые потенциально объединяются доминирующей моделью мира. В свою очередь, отличительной особенностью доминирующей модели мира является ее прямая зависимость от совокупности природных и социально-исторических условий существования общества, чем обусловлена также иерархичность информационного пространства, которое обслуживается СМИ. В связи с этим, особое значение приобретает анализ последствий информационной революции, которая постепенно превратила земной шар в определенную сетевую структуру, подготавливая почву для социальной универсализации.

Перемещение от целостности к монолиту и следующий за ним этап создания новой целостности, как правило, осознаются социумом в качестве конкретного исторического периода, потому что в аналогичных ситуациях происходит синхронизация естественных циклов, что позволяет обществу действовать как один организм. Однако подобные социальные концепции имеют пределы из-за отсутствия фокусирующего контура неизбежного единства окружающей действительности, всего многообразия мироздания, который фиксируется определенным образом в понятийно-категориальных координатах.

Любые попытки выразить реальное единство мира пока терпят неудачу, чем подтверждают тезис, что оно намного сложнее любых теоретических моделей. Тем более что единство и мир, на различных исторических этапах, понимались по-разному и исследовались различными способами. На первом этапе социальное единство отождествлялось с тотальностью, как монолитной единственностью мира, практически не отличаясь от нее. Особое место в подобных концепциях играют проблемы всеобщего, универсального единства мега-, микро- и макромиров, а также вопросы цивилизационного взаимопроникновения. Осуществление современной наукой все более масштабных исследований, предполагающих определение все более глубоких корреляций и соответствий непосредственно в самой природе, тем самым переплетаясь с процессами дифференциации и интеграции наук.

Современные СМИ не акцентируют внимание на том факте, что опасность универсализации имманентно заложена в экономическом факторе, потому что спонтанный процесс расширения экономического пространства угрожает поглощением экономически слабых народов, являющихся, как правило, носителями самобытных традиций. Определенная угроза существует и по отношению к т.н. цивилизованным социумам – вытеснение человека на периферию истории вместе с высокими технологиями. В этом плане можно согласиться с М. Ходжсоном, который строил свои утверждения на том, что: «одержимость ораторов тематикой «западного человека» и т.п. в высокой степени является опасным следствием неверной формулировки!»³¹.

Одним из следствий усиления универсалистских тенденций современности является тот факт, что философия в новую эпоху вступает: «...будучи изрядно инфицированной продукцией фабрик постмодернистского дискурса. Для них классические массивы философского опыта стали всего лишь «сырым материалом», «полезным ископаемым», которые они добывают и перерабатывают. (...) В результате такой переработки философская культура

³¹Ходжсон М. Условия исторического сравнения эпох и регионов: пределы обоснованности условий // Время мира. Альманах. Вып. 2. Структуры истории. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. С. 99.

почти утратила свои собственные внутренние устои, свою самость. Она утрачивает также и черты самоидентичности, социокультурной автономности и субъектности. Фабрики переработки философских «архивов» действуют в двух режимах: в одном священо действует дух постмодернизма (фабрики деконструкции – А. Арто, Ж. Деррида, Ж. Бодрийяр и др.), а в другом – дух корпоративного постмодернизма (фабрики социального конструирования – З. Бжезинский, Ф. Фукуяма, С. Хантингтон, Р. Рорти и др.). Те и другие втянуты в философствование-скольжение, которое является частью индустрии интеллектуального развлечения, развлечения, которое пока что еще сохраняет видимость «серьезного занятия». Более того, постмодернистские фабрики философствования переняли стратегии жизнедеятельности рынков тиражного производства-потребления»³². Трудно не согласиться с этим тезисом, тем более, что современная научная практика все чаще подтверждает его.

Стоит отметить тот факт, что культурная составляющая цивилизации имеет дело с духовно-нравственными ценностями, доминирующими над экономическими факторами, которыми оперируют сторонники социально-экономических формаций. Она выражает интересы общества в целом, объединяя всех людей конкретной территории ведущей идеей о принадлежности к данной исторической общности.

Анализ универсалистских тенденций развития человечества через призму развития информации позволяет заключить, что в последнее время уровень развития информационных и коммуникационных технологий является своеобразным критерием научно-технического и промышленного развития общества. Проблема социальной универсализации принципиально не может быть сведена к какой-либо окончательной формулировке, иллюстрирующей мнимое или реальное единство мирового сообщества, в чем упражняются современные СМИ. Мы можем только отмечать ее неизбежную парадоксальность, которая проявляется следующим образом: с одной стороны, не удается охватить

³²Дахин А.В. Актуальные исследования коллективной социальной памяти: перспектива философской концептуализации // Коллективная социально-историческая память и вызовы современности. Актуальные теоретические очерки: сб. науч. статей. Н. Новгород: Изд-во ВВАГС, 2011. С. 10.

экстенсивно и интенсивно бесконечную неисчерпаемость мира, а с другой – постоянно проявляющиеся взаимосвязи всех во всем и неявные предпосылки исходной целостности, которые видятся в любой концепции. Основания универсализации мирового пространства представляют собой не эманацию целого, а выступают определяющими этого целого, несмотря на то, что принципы видения такого целого могут серьезно различаться.

Универсалистская тенденция проявляется в структурных трансформациях и изменении оснований социальной солидарности, выступая как интерпретация современных социальных процессов, где такая категория как «универсальное» представляется как высшее, наиболее объемное единство общего, определенного и единичного, которое включает в себя многосторонность и многофункциональность целого, поскольку универсальное выступает в разных видах, формах и степенях.

Организация социальной целостности представляет собой максимальное упорядочивание всего комплекса отношений, охватывающих различные человеческие объединения, а также социальные группы, включающие определенное количество индивидов. Важно подчеркнуть, что объединение в группы происходит изнутри, когда цель, предполагающая выполнение тех функций, для которых образуется группа, возникает в ее собственной деятельности. В том случае, если данный процесс происходит извне, то подобные группы задаются самой системой, в которую входит группа. Подобные структуры состоят из учреждений и совокупности норм, созданных с целью обеспечения деятельностной целостности, когда явно проявляется противоречивость целей. Однако социальная философия не в состоянии создать полную классификацию существующих и взаимодействующих социальных групп. Однако среди многообразия социальных групп можно выделить следующие основные типы: комплексные, деятельностные и аксиологические.

Таким образом, феномен универсальности выступает в качестве концепта, обладающего полиаспектностью в проблемном поле социальной философии, Универсалистская тенденция проявляется как интерпретация социальных

процессов, находящихся в трансформациях самой структуры социальной солидарности; включая детерминанты и следствия универсализации мирового пространства. Результатом использования новейших информационных технологий является расширения традиционной методологии исследования всех социальных элементов в плане их потенциальной универсальности. Социальная универсализация всего мирового пространства, подготовленная и осуществленная на базе информационных технологий, создает условия для формирования новой парадигмы социально-философского синтеза знания, выступая в качестве альтернативы традиционным формам социальной философии.

1.2. Универсалистские тенденции в истории как следствие информационных процессов

Полноценное понимание универсалистских тенденций как следствие информационного процесса предполагает учет исторической составляющей. Это обусловлено осознанием особой роли истории, которая выступает наиболее полным информационно-когнитивным началом, а также важнейшим детерминатором общечеловеческого единства. Кроме того, приобщение к историческому прошлому дает понимание того факта, согласно которому информатизация является объективной внутренней исторической необходимостью гносеологической сущности человеческой общности на любом этапе. Вместе с тем, полноценная историческая картина не может быть создана, если она не включает в себя мифологическое сознание, которое формируется в условиях ограниченной информации. При этом конструирование универсальной истории на базе новой информации может вестись на почве строго научного анализа, если не преследовать чуждых исследованию целей.

Универсалистские тенденции в истории проявляются в качестве одного из следствий расширения информационных процессов. Дальнейшее усложнение социальных процессов приводит, по мнению Ю. Хабермаса, к увеличению пропасти между «системой» и «жизненным миром».

Новые механизмы регуляции социальных отношений создают платформу для формирования нового унифицированного общественного порядка, поэтому социум вырабатывает новые структуры устойчивости. В этом плане национальные интересы можно рассматривать в качестве новых форматов упорядоченности все возрастающей вариативности социальных коммуникаций. Диалектический универсализм по своей сути предусматривает взаимодействие противоположностей, доходящее до противоречий и конфликтов, переходы в новое качество и т.д.

Основная система мобильности характеризует большинство исторических обществ. Подобные системы мобильности находятся в адаптивных отношениях

между собой, поэтому некоторые из них расширяются, в то время как у других масштаб их распространенности и влияния значительно сокращается³³. Подобные тенденции наблюдаются в киберпространстве, где отдельные виртуальные сообщества рассматриваются как системы мобильностей, которые обеспечивают интересы субъектов. Богатство общества прямо пропорционально диапазону имеющихся систем мобильности, гарантируя комплексную систему пересечения между ними. «Следствием этих систем мобильности, безусловно является и крайне выраженное неравенство между местами и индивидами в понимании их положения и доступа к этим системам»³⁴.

Специфика информационных, сетевых технологий диктует новые правила формирования современного социального пространства, а также нетрадиционные принципы политической игры. Таким образом, формируется сообщество граждан, а хорошего гражданина, по Аристотелю, можно определить по тому, насколько качественно он выполняет возложенные на него функции, а также по его вкладу в благополучие государства³⁵.

Рассмотрение универсалистских тенденций предполагает учет многочисленных попыток периодизации истории общества, который в той или иной степени иллюстрируют степень обобщенности конкретного социума. В то время как А. Вебер разделял историческое прошлое на социальный, цивилизованный и культурный периоды, по мнению А.Л. Чижевского, отдельные исторические циклы обусловлены циклическими колебаниями солнечной активности. Подобная идея цикличности повторялась в философии истории на различном базисе, проявляясь в теории больших исторических этапов Н.Д. Кондратьева, а также в цивилизационной концепции Ю. Яковца³⁶, который позиционирует семь мировых цивилизаций. По его мнению, они выражают последовательные ступени общественного развития человеческого общества, где критерием выступают эпицентры, отражающие соответствующие периоды становления общества (детство и юность). Следующие три периода

³³Урри Дж. Мобильности. М.: Изд. и консалтинговая группа «Праксис», 2012. С. 141.

³⁴Там же. С. 142.

³⁵См.: Аристотель. Сочинения: в четырех томах. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 376-644.

³⁶См.: Яковец Ю.В. Эпохальные инновации XXI века. М., 2004. 439 с.

рассматриваются как ступени зрелости общества, в то время как последняя, позиционируемая в качестве постиндустриальной, можно назвать расцветом общества или его дряхлостью, что зависит от идеологической установки ученого. Анализ различных периодов истории по аналогии с возрастной структурой человечества встречался и ранее, например, в работах Августина, который расчленил историческое прошлое на шесть периодов, используя подобный признак. Фазы детства, юношества, возмужания и старости в различных общественных этапах видел также Ш. Фурье, а также его последователям Т. Моммзен, У. Дьюрент и др.

Формирование всегда проявлялось в истории по многим направлениям человеческого бытия. Вместе с тем, мы на практике убеждаемся в том, что процессы становления новой целостности базируются в результате формирования новой социальной структуры, поэтому свершаются за пределами подобных абстракций. Процесс становления универсалий представляет собой систему исторически сменяющих друг друга циклов описанной повседневности, каждому из которых соответствуют свои параметры длительности, а совместно они на каком-то этапе начинают претендовать на универсальность.

Для понимания роли информационной составляющей в универсализме, который проявлялся в истории, необходимо учитывать, что смысл исторического бытования необходимо отличать от бытия в истории. Онтологическая тенденция в историческом творчестве проявляется во времени, то есть когда происходит непосредственно изменение внутренней стороны исторического самосознания, чему собственно будет соответствовать то, что происходит в действительности. История как реальный процесс дается не феноменально, а в воспоминаниях, где обнаруживается онтологически гарантированная истина. Информационная составляющая утверждает реальность истории, которая доказывает, что реальность высказанной мысли выступает в качестве той реальности, которая только и может быть онтологической.

Основываясь на данном тезисе можно утверждать, что человечество представляет собой пиковое понятие, в которое вложено историческое значение,

следовательно, подобная история в таком понимании, возможно, будет сведена к истории человечества. В этом разрезе основной онтологической проблемой выступает определение категорий, на базе которых удалось бы разграничить естественную длительность функционирования каждого исторического объекта, неизменного по форме и содержанию. Многие страны были озабочены составлением летописей и генеалогий, чем занимались представители власти, которые даже «вносили поправки в историю, приписывая такому делу значение главнейшего способа оправдания собственной власти»³⁷. Естественно, что подобные исторические хроники подсознательно тяготеют к повышению статуса своей цивилизации и навязыванию системы своих ценностей.

Для историков всегда представляло определенную трудность решение задач, связанных с отбором и описанием универсалистских периодов в истории. Не меньшая сложность заключается в определении хронологических границ отрезка человеческого бытия, претендующего на некую научную обобщенность, поскольку «начало» и «конец» универсальной исторической длительности выступают как условности. Кроме того, непросто выделить критерий, подходящий для подобных изменений в истории, классифицируя их в терминах «начало» и «конец». Дело в том, что подобные понятия по отношению к историческому прошлому являются абстракциями, апелляция к которым делает учебную и научную интерпретацию исторического прошлого более постигаемой.

Становлению исторического универсализма серьезно препятствует также кризис легитимности профессионального, особенно исторического знания, которое часто служит побочным проявлением информационного плюрализма. В современных условиях профессиональные знания историка становятся одной из точек зрения, которая в силу своей традиционности и отсутствия интригующих моментов может сильно проигрывать альтернативным концепциям. И здесь информационная составляющая определяет многое, о чем последние события, например, присоединение Крыма.

³⁷Нагата Х. История философской мысли Японии. М.: Прогресс, 1991. С. 108.

Вместе с тем, непростая в гносеологическом плане возможность формирования единой исторической картины мира, в значительной степени вызвана тупиковыми вариантами развития человечества. Они часто накладываются на информационный дискомфорт, который испытывает человек, когда имеет в наличии множество не противоречащих друг другу источников достойных доверия.

Особую роль играет историческая информация, преподносимая в виде мифа. Например, А.В. Гулыга уверен, что как форма знания, миф абсолютно устарел, однако, как побуждение к действию он сохраняет свое значение³⁸. Подобная специфика мифа обусловлена тем, что в целом он является не познавательной, а поведенческой моделью, то есть образом не мира, а действия. Постепенно миф очеловечивается и возводится на более высокую ступень гносеологической шкалы, однако разрушение мифа приводит к замене его другим, а не к торжеству его антипода – рациональности. В двадцатом веке на смену фашистскому «мифу XX столетия» пришли новые формы массового, по сути мифологического сознания. Мифы советского периода (классовая борьба; коммунизм и др.), были заменены противоположными (культ потребления, культ демократии; культ науки и технического прогресса и др.). В данной связи важно отметить еще одну требующую внимания особенность исторической универсализации: большинство неохотно принимает к сведению, что полюбившиеся истории противоречат действительности: ведь жить в мире фантазий и безоговорочно верить выдумкам и легендам удобнее. Как совершенно резонно подчеркивает М.И. Лыскова, «исторические факты постепенно стираются из памяти, а легенды продолжают жить на протяжении тысячелетий»³⁹.

Исторические произведения являлись мощным инструментом формирования исторического самосознания европейцев, поскольку именно через описание истории, предполагающей использование единых стандартов, передавался бесценный цивилизационный опыт античности, обосновывалось

³⁸Гулыга А.В. Творцы русской идеи. М.: Молодая гвардия, 2006. С. 36.

³⁹Лыскова М.И. Исторический китч как источник формирования знания о прошлом // Теория и история. 2006. № 2. С. 86-87.

право на власть правящих династий, подчеркивалось культурное и политическое значение церкви⁴⁰.

Гегелевская концепция философии может считаться первой универсальной концепцией истории, потому что ее высшей точкой является идея всечеловеческой или универсальной истории. Удачные попытки создания универсальной истории связываются с Г. Гегелем, где всемирная история выступает как основная сфера объективного духа, где идея разума как свободы в условиях идеального государства достигает своего практического воплощения. Эта идея представлена лишь потенциально, хотя и составляет сущность человека в естественном состоянии, провоцируя хаос. В то же время процесс всемирно-исторического развития связан у Г. Гегеля с переходом в «духовное человеческое царство», включающее несколько главных этапов развития всего человечества: восточное, античности, христианско-германский мир. Важно подчеркнуть, что Г. Гегель наполнил «идею истории» не только диалектическим, но и всеобщим характером, анализируя опыт истории, выраженный в систематическом историческом знании. Такой багаж знаний может быть использован лишь при том допущении, что речь идет о воплощении «идеи истории» как всеобщей и единой для всего человечества. Г. Гегель с уверенностью пишет о том, что «ни народ, ни правительство из истории никогда не перенимали опыт и не совершали деяний согласно поучениям, которые возможно было бы подчерпнуть из нее». В дальнейших рассуждениях великий мыслитель пытается расшифровать этот тезис: «В каждую эпоху оказываются такие особые обстоятельства, каждая эпоха является настолько индивидуальным состоянием, что в эту эпоху необходимо и возможно принимать такие решения, которые вытекают из самого состояния. В сутолке мировых событий не помогает общий принцип или воспоминание о сходных обстоятельствах, потому что бледное воспоминание прошлого не имеет никакой силы по сравнению с жизненностью и свободой настоящего»⁴¹. Именно поэтому, с развитием информационных технологий, исторический процесс в

⁴⁰Карнаухов Д.В. Латиноязычная историография в интеллектуальной культуре польского ренессанса // Вопросы философии. 2006. № 2. С. 109.

⁴¹Гегель Г. Лекции по философии истории. СПб., 2000. С. 61.

целом приобретает новую качественную определенность в конкретных цифровых носителях. Противоположности, а также борьба между нациями создают базис, на котором, по мнению А.С. Панарина, «(...) выкристаллизовывается диалектически скрытое единство человечества»⁴².

Исторической составляющей в информационном сопровождении универсалистских тенденций особо востребованной становится следующая цитата Г. Гегеля: «(...) Во всемирной истории благодаря действиям людей получают еще и несколько иные результаты, чем те, к которым они стремятся и которых они достигают, чем те результаты, о которых они непосредственно знают и которых они желают; они добиваются удовлетворения своих интересов, но благодаря этому осуществляется еще нечто дальнейшее, нечто такое, что скрыто, содержится в них, но не осознавалось ими и не входило в их намерения»⁴³. Как видим, социальный универсализм может носить неявный характер.

Согласно концепции Э. Трельча, «все порывы романтики нарисовать духовную, вытекающую из бессознательного и поэтому таинственными узлами объединенную и слитную жизнь, все попытки нарисовать ее в этом ее внутреннем порыве – все они были уложены в строгий порядок и обоснованы логически»⁴⁴. Концепция истории по Г. Гегелю вызвала принципиальное несогласие Н.А. Бердяева, который так прокомментировал ее: «Враг личности – общество, а не общность, не соборность. Примером ложного универсализма в этике является Гегель»⁴⁵. Эта цитата показательна в том плане, что иллюстрирует различные аксиологические установки, которые подразумеваются в качестве базиса для реализации потенциального социального универсализма. В свою очередь, П. Сорокин уверенно утверждает: «Всякое регулярно повторяющееся явление не есть объект истории, ибо регулярное повторение исключает всякую историю. (...) В историю вообще, и в частности в человеческую, входят только неповторяющиеся, в своем роде единичные и своеобразные факты. Поэтому всякая историческая эпоха – это нечто вполне индивидуальное, и вся история есть

⁴²Панарин А.С. Философия истории. М.: «Гардарика», 1999. С. 167.

⁴³Гегель Г. Соч. Т. 8., М., 1935. С.27.

⁴⁴Культурология XX век: Антология / под общ. редакцией С.Я. Левит. М.: Юрист, 1995. С. 540.

⁴⁵Бердяев Н.А. О назначении человека // Мир философии. М.: Изд-во полит. литер. 1991. С. 258.

цепь индивидуальных эпох-звеньев, где нет тождества между двумя какими-нибудь звеньями. Античный мир – явление единичное, как единичны средние века и т.д.»⁴⁶. Из этого можно констатировать, что предшествуют две концепции: признание реальности достижения максимального уровня социальной универсальности или позиционирования универсалистских проявлений в качестве локальных. Вполне естественно, что зарубежные авторы по-своему трактовали идею всемирной истории, учитывая особую роль западного мира на протяжении многих столетий. Показательными в этом отношении являются те работы, в которых авторы (М. Собель, Р. Такаки, П. Гилрой, Э. Сэд и др.), невзирая на давление европоцентризма и глобалистских тенденций современности, анализируют противоречивые проблемы социального универсализма, привлекая исторические факты.

Для полноценного освещения информационного обеспечения универсалистских тенденций в историческом прошлом чрезвычайно важен основательный методологический базис, благодаря которому не вырабатывается система исторических понятий, но при этом появляется возможность проникнуть в истоки исторического самосознания. Данное направление анализирует в своих трудах В.В. Копалов, подчеркивая важную роль методологии истории в периодически повторяющейся попытке универсального охвата исторического прошлого. Именно подобная методология «...устанавливает производные принципы или положения, которые, в комбинации с основными, делают возможным изучение данных нашего опыта с исторической точки зрения и придают систематическое единство историческому самосознанию; вместе с тем она выясняет и те методы исторического мышления, которые относятся к ним и благодаря которым известная точка зрения прилагается к изучению данного материала; таким образом, она оттеняет и общее значение исторического метода, и главные его особенности, в соотношении их с объектами исторического исследования... лишь при таких условиях она может установить принципы систематически-объединенного, общезначимого и обоснованного знания о той

⁴⁶Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. С. 517-518.

действительности, которая имеет «историческое значение», и выяснить те методы, которые служат для того, чтобы устранять противоречия между показаниями о ней и конструировать из ее элементов одно историческое целое»⁴⁷. Мы, в целом, солидарны с этой позицией, однако в последние десятилетия наступление постиндустриальной эпохи привело к замене историзма презентизмом, который не позволяет выйти на уровень постижения глубинных истоков универалистских тенденций в истории. Это связано со спецификой презентизма, при котором исторические события и соответствующий им исторический текст рассматриваются как принадлежащие к различным плоскостям и подчиняющиеся, естественно, особым закономерностям. Последовательность и непрерывность, согласно Ф. Артогу, являются качествами нарратива, относящимися только к репрезентации исторических моментов, а не к самим моментам⁴⁸. Исходя из подобных посылок можно утверждать, что настоящее поглощает не только прошлое, но и будущее и сводит их к уникальности единственного времени, возвращая философии истории динамизм, не наблюдаемый в структуралистской ее версии. «Этот динамизм в настоящем находится в связи с течением в нем «отдельных, ни коем образом не связанных между собой процессов мутаций и трансформаций»⁴⁹.

Отношения в системе «история-универсализм» складываются драматично, поскольку всегда присутствовали разные точки зрения на принципы отбора фактов исторического прошлого для формирования единой универсальной истории. Трудно согласиться с распространенной в западной науке идеей, согласно которой универсализация в виде современной глобализации представляет собой процесс исторического развития объединенного социального организма, который направлен на достижение его предельной целостности. Дело в том, что подобная точка зрения предполагает наличие в истории определенного целевого предназначения, которое неизбежно ведет к господству

⁴⁷Копалов В.И. Историзм как принцип социально-философского исследования // Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. С. 17-18.

⁴⁸Артог Ф. Типы исторического мышления: презентизм и формы восприятия времени // Отечественные записки. 2004. № 5. 214-225.

⁴⁹Хапаева Д. Прошлое как вызов истории // Франция-Память. СПб.: Изд-во С-Петербур. ун-та., 1999. С. 311.

субъективистского (ангажированного) подхода к отбору фактов в историческом процессе. Суть другой позиции состоит в том, что исторический процесс представляет собой накопление человечеством тысячелетнего опыта, составляющего фундамент объективной общности, целостности человечества в аспекте цивилизации, поэтому смысл истории не стоит искать в какой-либо цели спроецированной на нее. Подобный совокупный опыт копился благодаря множеству взаимовлияний, происходящих на всем достаточно долгом пути исторического развития. Эти процессы в различные исторические периоды разворачивались в искусстве, политике, технологиях и всех других сферах человеческой жизни. Особая роль в этом процессе принадлежит языку, ведь для человечества последствия исторических событий, тянувшихся иногда столетиями, часто были глобальными. В этом плане можно согласиться с Е.Н. Устюговой, которая уверена в том, что на сегодняшний момент называемая нами глобализация – не что иное, как всего лишь эпизод в процессе истории, возможно достаточно своеобразный, как в принципе все в истории⁵⁰.

Представления о непрерывности исторического процесса, связывающего различные исторические события в универсальную систему, провоцируют попытки конструирования исторической действительности на научной основе посредством термина «историческая связь». В свою очередь, наше представление об информационном сопровождении универсального исторического процесса детерминировано тем, что целью подобных действий не может быть социальное моделирование за счет нивелирования социокультурной идентичности отдельных социумов. Естественно, что универсалистское понимание исторической связи выходит далеко за рамки чисто информационного процесса, поскольку предполагает спрессованную общечеловеческую социальную память, которая включает в себя и невербальные источники. Тем не менее, в гносеологической сущности истории заложен большой объединяющий потенциал, способствующий соединению между собою исторических явлений в виде фактов, на котором

⁵⁰Устюгова Е.Н. Глобализация и культура: исторический контекста // Философские науки. 2005. № 12. С. 56-57.

формируются представления о непрерывности исторического процесса. На данных особенностях истории, как науки учебной дисциплины основывался М.А. Барг, достаточно убедительно доказывая, что: «основное понятие воздвигаемой исторической действительности – это совсем не «исторический факт», а «событие», где располагается понимание о причинно-следственной связи. Событие – понятие, довольно сложное, которое включает в себя содержание нескольких индивидуальностей или их действий. Говоря более детально, это содержание двух или более причинно-следственных рядов, это некий «относительный случай»⁵¹. Однако, если основываться только на номотетическом конструировании исторической действительности, то здесь преимущественно используется понятие консенсуса, в котором социальная система раскрываются как разновидность связи исторических элементов. Если дополнять это понятие телеологическим принципом или органической теорией, то постепенно выйдем на понятие эволюции. Комбинация указанных понятий создает особое историческое пространство, с помощью информации принципиальным образом влияющее на современность. Посредством соответствующего информационного наполнения и в истории обнаруживается онтологически гарантированная истина, потому что история представляет собой реальный процесс, который дан не феноменально и не в виде чувств, а в воспоминаниях.

Универсалистский информационный потенциал истории создает условия для потенциального движения локальной истории к общечеловеческому уровню, что свидетельствует о ее универсалистском потенциале, который может быть сокрыт для современников. Реальность истории состоит в том, что она может быть онтологической в качестве реальности мысли, а также той реальности, которая дается мысли, поэтому настоящая история всегда имеет научное обоснование. «То, что дано в истории, ее предмет доступен человеку не со стороны его реального присутствия, а со стороны его возможного домысливания, и, данный лишь как предмет мысли, он предстает имеющему с ним дело

⁵¹Барг М.А. Категории и методы исторической науки. М.: Наука, 1987. С. 50.

(исследователю) со стороны его (предмета) бытия. Это особый род бытия – историческое бытие, или бывание»⁵².

Постижение истории во всей ее универсальной сущности не исключает того факта, что историческое прошлое может пониматься в разных ракурсах. Историю как особый универсально-информационный процесс можно и нужно воспринимать в широком спектре, включающем в себя экономическую и политическую составляющие, которые в широком смысле тесно взаимосвязаны с культурой, взаимодействуя, а также взаимно детерминируя друг друга. Однако исторические знания являются лишь особой, рациональной, осмысленной формой информации, а объем информации, которой оперирует человечество в каждый данный период, определяется информационной технологией. Именно поэтому столь важно определить в системе современного развивающегося сознания принципиальные развивающиеся структуры собственно философского сознания как парадигмальной конструкции, подразумевающие возможности нескольких теорий понимания истории, которые могут быть различны в своих модификациях, однако едины в своем метатеоретическом проявлении. Принципиальное значение здесь приобретает информационное обеспечение того или иного исторического события. Сложность подобного подхода состоит в том, что для научного построения исторической действительности необходима не только достоверная информация, но и адекватное понимание исторического универсума, то есть картина истории будет неполной, если в нее не включить понятие об историческом целом, подразумеваемом, в конечном счете, историю человечества.

В историческом прошлом было много переломных моментов, которые отдельные ученые склонны трактовать как разрыв в универсалистской линии исторического прошлого. На протяжении двадцатого века социальные трансформации и смена социокультурной парадигмы привели к фрагментации истории, поэтому в историческом сознании масс получилось нарушение

⁵² Андреев А.Л., Андреева А.А. Историческое самосознание и философия исторического познания // Теория и история. 2004. № 1. С. 74-75.

преемственности прошлого, настоящего и будущего. В подобных ситуациях жизнь для большинства людей утрачивает исторический смысл, потому что рассмотрение советской и русской вне истории «мировых цивилизаций» в виде «потерянного прошлого», которые пропагандируются средствами массовой информации, приводят к появлению разрыва между поколениями россиян, исповедующими, например, противоположные религиозные позиции. Все это вылилось в идеологический раскол, который затронул, в первую очередь, отношение к отечественной истории. В сознании большинства российских граждан были разрушены долгосрочные цели, что привело к девальвации достоинств прошлого и самой истории, обесмыслившей само существование людей. «Одним из закономерных итогов подобного процесса, – по мнению М.И. Лысковой, – стало пренебрежение к моральным нормам жизнедеятельности общества, утрата уважительного отношения к истории, фактическое отсутствие патриотического воспитания»⁵³, потерянного в результате альтернативного информационного давления. Конец XX века – начало XXI века воспринимается как переломный момент не только нашей страны, но и истории человеческой цивилизации. «Все более явными становятся такие аспекты ее развития, которые не укладываются в сложившиеся представления о всемирной истории, социуме и цивилизации в целом. Исследователи констатируют переход не просто на новый уровень исторического развития, а в новое системное состояние социума»⁵⁴, когда образуются отличительно другие от существующих доселе и признаваемые характеристики социальной эволюции в целом: существенные, всеобщие, необходимые, достаточные

Попытка универсализации исторического прошлого представляет собой своеобразную тотальность истории, которая являет собой открытое целое. Именно перед лицом этой тотальности осознается вся незначительность эмпирического знания, представленного в наборе фактических сведений. С это

⁵³Лыскова М.И. Патриотизм и патриотический китч // Вопросы философии. 2007. № 1. С. 75.

⁵⁴Кондаков И.В. «По ту сторону» Европы» // Вопросы философии. 2002. № 6. С. 8.

точки зрения, универсальность истории понимается как постоянная готовность к восприятию новых фактов. При подобном подходе философский подход появляется опасность обнаружения каждой тотальности в абсолютной имманентности мира. Открытая взору целостность не имеет начала и конца, поэтому она не может быть обозримой историей в ее полной законченности. В этом состоит универсальность исторического прошлого, периодически преподносится как тотальность.

Если подходить к историческому процессу как целостности, то необходимо учитывать роль информационного фактора, рассматривая этот процесс системно, то указанные понятия выступают категориями, которые на разных уровнях описывают единообразный объект, называемый социосистемой. При помощи таких социосистем, исследователи двигаются в сторону раскрытия содержания, формы и динамики развития структур общества на различных исторических этапах, причем историческая память напрямую связана с уровнем информационной обеспеченности.

Еще один немало важный момент, иллюстрирующий информационную роль в историческом познании, заключается в том, что отношение к действительности, в которой собственно раскрывается историческая истина, выступает важной предпосылкой не только универсальной истории, но и исторического самосознания. Поскольку не всегда историческое знание удается отделить от действительного знания. Отношение к действительности не в полной мере раскрывает всех возможностей исторического самосознания, потому что специфика истории проявляется в том, что она, история, неотделима от ее построения, поэтому действительность истории является одновременно ее знанием и осознанием. В.Г. Плеханов подвергает критике позитивистские представления, согласно которым достоверность рассматривалась как соответствие сведений происходящему: «Ведь всякий, кто «судит» о действительности, в сущности, имеет дело со своим представлением о действительности, то есть с построением ее, хотя бы и в самом элементарном

виде, а не с действительностью самой по себе, взятой в ее целостности»⁵⁵.

Едиными, в универсалистском смысле, то есть в своем метатеоретическом проявлении могут выступать те исторические концепции, которые в состоянии определить развивающиеся структуры собственно философского сознания как парадигмальной конструкции. Вот почему так принципиально важно в системе современного развивающегося знания синтезировать возможности нескольких концепций истории, которые могут быть различны в своих модификациях, однако потенциально предполагать единый универсальный базис⁵⁶.

Непрерывность исторического времени в рамках формирования единого общечеловеческого образа истории оказывается только историографической фикцией, которая подменяет собой прерывистость того, что происходило в прошлом непосредственно в исторической реальности. Память социума, выступая репрезентацией событий прошедшего в настоящем, проявляется двояко. «С одной стороны, социальная память воплощает в себе характерные черты исторической и социальной реальности, соединяя разрозненные исторические события и их интерпретации, а с другой – память представляет собой срез исторического процесса в определенный момент времени, что позволяет различным ее элементам сохранять определенную взаимосвязанность между собой»⁵⁷. Данное мнение Д.А. Аникина вполне подходит к иллюстрации различных проявлений универсалистской сущности истории в ее информационном оформлении.

Формирование универсальной истории предполагает учет коренных изменений параметров функционирования социальной памяти, происходящие в результате изменения социокультурной парадигмы. Й. Розен уверен, что кризис социальной памяти получается «...при столкновении исторического сознания с опытом, не укладывающимся в рамки привычных исторических представлений,

⁵⁵Плеханов Г.В. Проблемы теории и практики исторического процесса. М.: Политиздат, 1989. С. 119.

⁵⁶Колмаков В.Ю. Философия истории и возможные парадигмы философствования // Теория и история. 2005. № 3. С. 214.

⁵⁷Аникин Д.А. Типология социальной памяти в глобальном мире // Коллективная социально-историческая память и вызовы современности. Актуальные теоретические очерки: сб. науч. статей. Н. Новгород: Изд-во ВВАГС, 2011. С. 56-58.

что ставит под угрозу сложившиеся основания и принципы идентичности»⁵⁸. Однако, рассматривать последствия данной ситуации в качестве благоприятного базиса почвы для формирования универсальной, общечеловеческой истории не совсем верно, потому что нивелирование социокультурной идентичности с неизбежностью порождает конфликты различных уровней, которые могут со временем перерасти в третью мировую войну.

Универсализация истории в соответствующем информационном оформлении во многом обусловлена статусом исторического знания, которое в идеале выражает специфику социального во всех проявлениях, включая технико-технологическое содержание человеческого существования. Однако научный статус истории не настолько прочен по сравнению с точными науками, чтобы выполнить эту задачу, хотя довольно широко применяется в социальной прагматике и социально-гуманитарном познании.

Проблема универсализации исторического знания в контексте информатизации также связана с тем, что внимание современных историков обращено на выявление отрицательных последствий исчезновения грани между объективной истиной, когда факты подтверждаются ссылками на источник, и субъективным вымыслом, а не на выявлении новых возможностей исторической гносеологии. Историки сохраняют эту двойственность ситуации не только ради сохранения профессионального суверенитета, но также подсознательных опасений потерять статуса историка-идеолога, обладающего особой властью. С нашей точки зрения, расширенная трактовка историчности знания значительно поднимает статус исторического познания, предполагая при этом модернизацию профессии историка. Таким образом, постепенно формируется базис для создания универсальной истории, где значительно расширяются не только методологические, но и гносеологические рамки исторического повествования. «История не знает сослагательного наклонения» – эта крылатая фраза, однозначно, точна, но только с фактологической, а не с научно-объяснительной

⁵⁸Розен Й. Утрачивая последовательность истории (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти) // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. М., 2001. Вып. 7. С. 16.

точки зрения (...)»⁵⁹, поскольку ее может отклонить соответствующим образом поданная информация.

Еще один важный аспект взаимосвязи истории и информации на базе определенного универсального базиса. Впечатление некоего единого исторического вектора, а также неизбежно присущих ему закономерностей связано с культом исторического детерминизма, который проявляется в исторической гносеологии. Для формирования «единого исторического прошлого» необходимо признание того факта, что все некогда происшедшие события имели свои причины, поэтому исторический детерминизм, то есть последовательность причин и следствий в прошлом выглядит с высот современности как логичная, но также единственно возможная. Экстраполяция исторического фрагмента в будущее создает иллюзию прямого социального пути с возможностью определенных отклонений от него. Однако неизбежность признания ведущей роли информационного фактора в истории требует от нас признания того факта, что в момент события всегда имеется альтернативность, а если это событие имеет социальную основу, то есть всегда есть определенный выбор. Тем не менее, умно поданная информация может презентовать историю отдельной цивилизации (а их у А. Тойнби – 21) в качестве универсального, общечеловеческого вектора, который будет иметь аксиологическую наполняемость. Как видим, анализ взаимовлияния в системе история-информация-универсализм вряд ли возможен без постижения особенностей формационного, цивилизационного и глобализационного подходов к историческому прошлому, если их рассматривать как каркас для универсализации истории. Возникает вопрос: «На какой основе – цивилизационной, формационной или другой – возможна универсальность истории?»

Цивилизационная версия исторического универсализма была представлена Н.Я. Данилевским в своей известной книге, где он впервые высказал мысль, что всемирная история – это сосуществование и борьба разных цивилизаций⁶⁰.

⁵⁹Косолапов Н.А. ИМО: верификация научной концепции // Полис. № 2. 2004. С. 178.

⁶⁰См.: Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. 385 с.

Евроазиатские тенденции, а также взаимодействия глобального уровня были описаны О. Шпенглером и А. Тойнби⁶¹. Важно отметить, что культура, по мнению О. Шпенглера, представляет собой антитезу жизни, которая возникает из стремления к самовыражению коллективной цели конкретного социума. «Я вижу вместо монотонной схематичной всемирной истории (...) – писал О. Шпенглер, – феномен множества могучих культур, расцветающих со стихийной силой на лоне своего родного ландшафта. Каждая из них придает своему материалу – человечеству – собственную форму, обладая собственной идеей, страстями, чувствованиями, своей собственной жизнью, волей, собственной смертью»⁶². Согласно К. Ясперсу, тотальность истории проявляется в раскрытом целом. Находясь непосредственно напротив этой тотальности, эмпирическое знание в полной мере ощущает свою незначительность фактов и сведений, таким образом, тотальность, в свою очередь, всегда готова к принятию новых фактов. Философия допускает, что тотальность может разрушиться в абсолютной имманентности мира при соответствующей информационной поддержке.

Формационный подход представляется наиболее перспективным с позиций реализации потенциальной универсализации социального пространства, потому что в нем изначально заложена идея развития. Более того, подобная методология однозначно позиционирует не только определенный вектор развития, но и представляет его аксиологические параметры. Даже противники формационного подхода вынуждены признать, что выдвинутые критерии и сам подход имеет научное обоснование. При использовании цивилизационного подхода. «Концепции задумывают одиночки; разработка и верификация их – дело больших научных коллективов. Но пока иной ответ не предложен, марксистская парадигма истории (...) будет сохранять, а быть может – и наращивать свою притягательность»⁶³. Однако в современном мире со временем пересматривается то отношение к истории, которое представляло ее как обозримое целое. По

⁶¹Макнил В. Меняющийся образ всемирной истории // Время мира. Альманах. Вып. 2. Структуры истории. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. С. 23.

⁶²Шпенглер О. Закат Европы. М., 1993. С.173.

⁶³См.: Системная история международных отношений в четырех томах. События и документы. 1918-2003 / под ред. А.Д. Богатурова. Т. I-IV. М., 2000-2004. 2087 с.

мнению К. Ясперса, пока нет такого конкретного понимания истории, куда были бы включены и мы. «Мы располагаемся внутри не законченной, а лишь вероятной, постоянно рассыпающейся природе исторической целостности. Тем не менее, мы, не имея полноценного знания истории в ее целостности, постоянно намерены получать его в воспоминании, осознавая тот факт, где мы находимся в конкретный данный момент. Картина в общем смысле предлагает нашему сознанию всю нужную для этого перспективу⁶⁴. Разные национальные начала, то есть разное историческое прошлое и разные культуры являли собой уже в очень отдаленном прошлом составные единства, называемые цивилизациями. «Раскрытая целостность не обладает ни началом, ни концом. Она, соответственно, не в силах обозреть всю историю в ее завершенности»⁶⁵. Однако, при анализе особенностей универсалистской сущности истории важно также учитывать тот факт, что в последнее время на первый план выходят цивилизационные процессы, где ведущие цивилизации, в первую очередь западная, заявляют о своих амбициях. Однако этого явно мало для того, чтобы остаться в Истории, ведь важно выработать такую стратегию и тактику, чтобы достойно управлять национальным бытием, не претендуя на особую роль. Важный аспект состоит в том, что сторонники цивилизационного подхода к истории не в полной мере воспринимают принцип развития, что подтверждается Н.А. Косолаповым: «Цивилизационный подход на этот счет более непонятен: он не отрицает развития как такового, но и не ставит его во главу угла, не дает четких критериев его оценки, периодизации»⁶⁶. Следует согласиться, что при цивилизационном подходе рано или поздно исследователь натывается на тупик, однако лишь при использовании методологии, основанной на марксизме.

Геополитический подход к истории создает определенные условия для формирования исторических универсалий, поскольку его сторонники вынуждены периодически обращаться к международному праву, признавая приоритет универсалистского исторического вектора. Вместе с тем, признание особой роли

⁶⁴Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. С. 272.

⁶⁵Там же, с. 274.

⁶⁶Косолапов Н.А. О месте геополитики в эпоху глобализации // Восток (ORIENS). 2003. № 4. С. 131.

геополитических факторов в нашей жизни приводит к отрицанию самой идеи развития. Действительно, если все определяется геополитическими факторами, то история напоминает хаос, где происходит не развитие, а непрерывная смена гегемонов. Историческая практика свидетельствует, что при геополитическом подходе универсалистская историческая магистраль невозможна в принципе из-за соответствующей информационной составляющей, поскольку рано или поздно произойдет столкновение ценностных систем различных социумов, претендующих на доминирование.

Постмодернистский вариант конструирования универсальной истории исходит из некоторого идеального проекта истории, который включает закономерные исторические фазы, носящие всеобщий характер для всех времен и народов. Исторические события в этом случае должны укладываться в соответствующую систему, предусмотренную заранее заданной конструкцией, и только находясь в этих идеальных ячейках, события приобретают особые смыслы, присущие изначальной идеальной схеме, например, формации. Соответственно, можно говорить о том, что от социальной памяти в современном обществе требуется в первую очередь не соответствие исторической действительности, а только навык развлечения потребителя, которому предлагается узнаваемый товар, представленный в виде прошлого. При таком подходе тот же самый исторический факт может не только преобразовываться путем различных интерпретаций в зависимости от того, какие политические предпочтения есть у индивида, оперирующего этим фактом, но также само существование исторического факта подвержено периодическим структурным изменениям, связанных с соответствующим информационным оформлением. Это означает, что конкретное историческое событие, всегда сохраняя свои пространственные и хронологические характеристики, тем не менее, не может восприниматься в качестве настолько факта, который является настолько значимым, что, как правило, выступает в качестве источника социальной и исторической идентификации. Использование максимально продвинутых информационных технологий может не приближать, а также отделить от истинной истории.

Идеи постмодерна затруднили построение универсальной истории в качестве конечной цели, поскольку трансформировали первоначальный смысл информации, усиливая отрицание объективного начала в отношении классического варианта рациональности и исторического познания. Однако указанный подход формировал условия для приобретения историей такого социального статуса, который был бы намного выше традиционного, в значительной степени ориентированного на совершенствование общества различными технологическими способами. Поскольку постмодернисты считают нецелесообразным использование исторического знания для решения конкретных задач, поэтому дисциплинарный статус исторического знания на протяжении длительного периода не подвергался сомнению. По их мнению, негативные последствия прагматически ориентированной науки становились столь очевидными, что стали угрожать самому статусу истории как науки. Вот почему понимание недостаточности сугубо прагматического подхода к научному познанию стимулирует выявление смыслопорождающего характера истории и научной рациональности. «В классическом понимании термин «философия истории» ассоциируется с известной работой Г. Гегеля, в которой нашел отражение рационалистический способ понимания законов истории, как законов проявления высшего абсолютного уровня природы рациональности в целом. Такой гегелевский подход, такое понимание оказало влияние на дальнейшие исследования. В результате рационалистической детерминации возникает своеобразная, развернутая во времени, структура соотношения определенных этапов человеческой культуры, цивилизации, истории в целом»⁶⁷. Далее В.Ю. Колмаков продолжает развивать этот тезис, причем аргументация его во многом согласуется свыше изложенным представлением о статусе истории в унифицированном мироустройстве.

Согласно Г. Гегелю, концепция философии истории выступает в качестве попытки создания целостной исторической картины мира, которая формируется

⁶⁷Колмаков В.Ю. Философия истории и возможные парадигмы философствования // Теория и история. 2005. № 3. С. 212.

на базе рационально детерминированной истории человечества. Однако великий немецкий мыслитель включал в свою концепцию также элементы мистицизма, хотя и базирующегося на рациональной основе. Подобный подход предполагает соответствующие аналогии для дальнейших интерпретаций, отражающих аналогичным образом понятия закономерности исторического процесса, что предполагает различные теоретические модели философского понимания истории с позиций рационализма. Постепенно был сформулирован общий принцип рационалистического понимания истории. Народ, который в состоянии осознать Законы Абсолютного Разума. Способен создать великую культуру, а иначе она возникнуть не может. Современный подход к гегелевской концепции требует корректировки, обусловленной менталитетом конкретного социума. Представители русского космизма например, рационалистическое начало в истории понимают как «проявление космологической организованности человеческой истории»⁶⁸.

Основываясь на идеях М.М. Бахтина, В.В. Лапкин и В.И. Пантин развивают тезис об эпистемологической дуальности исторического факта, как объекта размышлений. Подобный подход обосновывается «принципиальной исторической и социокультурной ограниченностью любого из уже опробованных путей модернизации», которая свидетельствует о неправомерности претензий каких бы то ни было форм модернизации на «подлинную универсальность»⁶⁹. При таком подходе традиции модернизации местных культур, трактующихся вышеуказанными авторами как близкие и взаимодействующие ценности, которые могут войти в универсальную историю, что понимается, как постепенное формирование синтеза поликультурализма. Благодаря универсальной постепенно формируется новый взгляд на современность, если в исторических исследованиях не выдвигать однолинейных схем модернизации, а выявлять комплекс новых подходов очень непростых способов, при помощи которых традиции влияют на настоящее. Итальянский ученый В. Страда вполне справедливо подчеркивает, что

⁶⁸Там же, с. 212.

⁶⁹Лапкин В.В. Геоэкономическая политика и глобальная политическая история. М.: «Олита», 2004. С. 36.

«...наше настоящее, которое обычно принято именовать постмодерным, лучше бы было называть гипермодерным, поскольку оно есть не что иное, как фаза непреодолимой модерности»⁷⁰.

На практике человечество не так часто извлекает уроки из истории, чтобы избежать ошибок, которые в прошлом сыграли фатальную роль. Проблема состоит в том, что даже ученые не в состоянии провести четкие аналогии между прошедшими событиями и современностью, поскольку встречающиеся проблемы намного сложнее и не зависят от нашего желания и возможностей быть подверженными воздействию исторического опыта. Во многом это связано с динамическими изменениями, которым подвержен любой социум, стремительно отдаляясь от своего прошлого и, естественно, все больше от него отличаясь. В этой ситуации простая констатация тезиса о том, что нам нужно учиться на прошлых ошибках, становится проблематичным. Тем более что, по словам А.И. Герцена, «есть народы, жившие жизнью доисторической; другие – живущие жизнью вне исторической; но, раз вступивши в широкий поток единой и нераздельной истории, они принадлежат человечеству, и, с другой стороны, им принадлежит все прошлое человечества (...)»⁷¹.

Пока единое пространство потенциально универсальной истории часто выглядит раздробленным на отдельные элементы памяти, отражающие заинтересованность определенных групп и институтов в конструировании образа прошлого, в наиболее полной мере соответствующего приоритетам, которые сложились в конкретном обществе. Противоречивые тенденции конструирования социальной исторической памяти в состоянии примирить противоречия социума, определяющие границы современного социального устройства государства российского на фоне универсальной истории. Это справедливо по отношению и России.

В результате того, что произошло пренебрежение законами естественноисторического развития, сложилась ситуация, при которой «...явился

⁷⁰Страда В. Глобализация и история // Новая и новейшая история. № 6. 2002. С. 60.

⁷¹Герцен А.И. Русский народ и социализм. Собрание сочинений: в 30 т. М., 1956. С. 322-323.

полный отрыв друг от друга политической теории и политической истории, что, в конечном счете, стало наиболее благоприятным условием для фальсификации истории, в результате чего Россия выступила в качестве страны «с непредсказуемым прошлым». Это позорное клеймо современной отечественной общественной науки может быть смыто лишь на пути воссоединения научной теории и научной истории, восстановления единства научного знания»⁷².

Благодаря современным информационным технологиям часто под видом исторического универсализма часто рассматриваются различные аспекты и механизмы исторической картины и социальной реальности в красивой обертке. Для полноценного обоснования неизбежности универсальной исторической картины необходимо использование различных способов философского осмысления отдельных проявлений исторического процесса. В. Макнил же эту тенденцию прокомментировал так: «Историки начали реагировать – несколько нерешительно – на растущую очевидность взаимодействий на дальние расстояния, что не укладывалось в рамки традиционной научной специализации, и у многих появилось намерение построить более адекватную мировую историю, нежели представляли ее себе (...)»⁷³. Но в тоже время, В.Ю. Колмаков резонно подчеркивает, что «(...) сегодня при формировании новых типов интеграционных процессов в современном мире действительно необходимы соответствующие новые типы философско-исторического мышления, осознания системности исследуемых процессов»⁷⁴.

Сегодня исследование исторического процесса как целостного и системного невозможно без новейших информационных технологий, поскольку такой подход предполагает использование различных понятий, которые в качестве категорий описывают социосистему как единый объект. Посредством подобных категорий философы на различных уровнях раскрывают форму, содержание, а также

⁷²Чуринов Н.М. Совершенство и свобода. Красноярск, 2001. С. 407.

⁷³Макнил В. Меняющийся образ всемирной истории // Время мира. Альманах. Вып. 2. Структуры истории. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. С. 25.

⁷⁴Колмаков В.Ю. Философия истории и возможные парадигмы философствования // Теория и история. 2004. №3. С. 213-214.

динамику развития общественных структур, вплоть до их универсальной законченности. Д.В. Иванов справедливо утверждает, что в каждую эпоху формируется та картина мира, которая «выстраивается из определенного набора моделей и которая приводит данные, что у нас имеются, в комфортную систему объяснений»⁷⁵. Любые данные, по мнению В.Г. Афанасьева, проявляются как информация только в том случае, когда получают требуемое содержание и форма, которые становятся пригодными для управления. Здесь подразумевается не только управление человека самим собой, но также управление технико-человеческими и социальными системами на различных уровнях⁷⁶.

Соответствующим образом поданная информация во многом формирует не только историческую, но и современную картину мира, поскольку основная форма исторической теории включает в себя историзм и целостность как своеобразную мыслительную конструкцию, которая объединяет логическое и историческое в их диалектическом тождестве, а ее реальное наполнение осуществляется ученым в конкретно-исторической действительности. Довольно убедительно данный тезис аргументирован в работах В.Ю. Кузнецова, утверждающего, что история человечества представляет собой «живой полиаспектный процесс динамического изменения всей многомерной культуры в единстве взаимодополняющих друг друга сфер, областей и доминионов, а также синхронного и диахронного ракурсов, в целостности горизонтального и вертикального срезов и линий регионального и глобального охвата всего социокультурного комплекса»⁷⁷. Именно поэтому история должна позиционироваться как целостный процесс, а не как течение отдельно происходящих военно-политических и социально-экономических действий, однако именно так она преподается и подается при помощи СМИ сегодня.

Универсалистский принцип единства теории и истории в ее информационной поддержке проявляется в следующих моментах:

- соответствие определенному естественноисторическому процессу;

⁷⁵См.: Иванов Д.В. Виртуализация общества. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2000. 91 с.

⁷⁶Афанасьев В.Г. Социальная информация и управление обществом. М.: Политиздат, 1975. С. 36–37.

⁷⁷Кузнецов В.Ю. Мир единства. М.: Академический Проект. 2010. С. 31.

- соответствие одному содержанию социальной детерминации;
- следование конкретным теоретическим моделям;
- следование нормам устройства социума и качествам отклонений от этих норм;
- знание законов естественноисторического процесса.

Для универсалистского проекта важно определить, что и почему в естественноисторическом процессе выходит на первый план в виде конкретного исторического объекта. В то же время история формирует «адекватный естественноисторический базис для теории, не возлагая на себя ответственность за обоснование законов»⁷⁸.

Однако исторический универсализм может быть реализован только при условии избавления от его вестернистской версии, где господствует технократический подход. Д. Бентли подчеркивает важный тезис: «Фокусируя внимание на процессах межкультурного взаимодействия, историки могли бы легче распознавать паттерны непрерывности и изменения, отражающие опыт многих народов вместо того чтобы навязывать всем периодизацию, выведенную из опыта немногих привилегированных народов»⁷⁹. Дело в том, что универсализм предполагает гармоничный переход целостности к монолиту, а стремление к следующему этапу формирования новой целостности понимается обществом в качестве определенного исторического периода. Однако в этом случае происходит синхронизация естественных циклов, и тогда общество начинает функционировать до определенного предела как единый организм. В подобной ситуации на первый план выступает проблема поиска актуальных категорий, позволяющих адекватно описать естественную границу длительности функционирования конкретного исторического объекта. Универсальные исторические объекты, таким образом, обладают особой длительностью, выступая в качестве определяющих онтологической проблемы. Это объясняется стремлением подать историю в виде человекоразмерных элементов —

⁷⁸Чуринов Н.М. Совершенство и свобода. Красноярск, 2001. С. 168–169.

⁷⁹Бентли Д. Межкультурные взаимодействия и периодизация всемирной истории // Время мира. Альманах. Вып. 2. Структуры истории. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. С. 173.

универсалий, где «начало» и «конец» выступают как абстракции, апелляции к которым позволяют позиционировать исторически сменяющие друг друга циклы повседневности. Это возможно при соответствующем информационном обеспечении. Именно на этом фоне формируется новая целостность или система отношений конкретных субъектов, которая описывает процесс становления человеческой истории. Информационное воздействие глобального мировоззрения проявляется в появившемся на Западе слогане «мировая история», который якобы должен подтверждать наличие условного геознического единства человечества, то есть его имманентная универсалистская сущность.

Процессы социальной унификации базируются на том факте, что общество в качестве системы базируется на устойчивом противоречии между соответствующим социальным порядком и интересами субъектов и. Ю. Хабермас уверен, что по мере усложнения социальной структуры расстояние между «системой» и «жизненным миром» увеличивается, чему причиной является рост частных интересов. Именно поэтому любой социум, чтобы избежать распада, постоянно вырабатывает новые механизмы регуляции социальных отношений, чтобы сохранить устойчивость базисных составляющих порядка. В результате подобных тенденций возникают новые структуры накопления, которые, согласно Н. Луману, представляют собой девиации или инновации. В качестве обновленных форматов выступают новые проявления упорядоченности возрастающей вариативности социальной коммуникации, которые постепенно внедряются в различные структуры современного общества.

История свидетельствует, что в основе большинства обществ находится одна ведущая система мобильности, которая находилась в эволюционирующих отношениях, поэтому подобные взаимоотношения в системах мобильности имеют коэволюционный характер. Часть из них расширяется, в то время как у других сокращается масштаб распространенности и влияния. Благодаря подобным системам обеспечивается среда, внутри которой каждая система функционирует⁸⁰. Подобные процессы проявляются в киберпространстве, в котором конкретные

⁸⁰Урри Дж. Мобильности. М.: Изд. и консалтинговая группа «Праксис», 2012. С. 141–142.

виртуальные сообщества позиционируются как обеспечивающие интересы субъектов системы мобильностей. Диапазон имеющихся систем мобильности прямо пропорционален богатству общества, а следствием подобных систем мобильности выступает увеличивающееся неравенство между людьми в плане степени доступности к данным системам⁸¹. Именно причастность к социальному универсализму возлагает на историка особую ответственность, ведь, по словам Л.П. Карсавина, «если в тебе есть исторический талант, то ты, будучи единственным, неповторимым моментом всеединства, можешь и должен выразить доступный лишь тебе аспект истории человечества, то есть выразить самого себя»⁸².

Динамика социальных изменений в последние десятилетия подтолкнула к принципиальному переосмыслению всего исторического опыта человечества, что проявилось, в частности, в тезисе «Конец истории», который вынудил по-новому взглянуть на универсалистские тенденции современности. Эти настроения олицетворяет собой американский профессор Ф. Фукуяма объявил о наступлении постисторического времени, когда многие страны переходят на рельсы практического либерализма и демократии. Глубинная сущность социального универсализма проявляется в его работах, где четко указывается на то, что в плане истории мировое противостояние завершилось в пользу Америки. Тем не менее, все чаще известные положения работы Ф. Фукуямы «Конец истории» интерпретируются в том плане, что история закончилась из-за отсутствия исторического противостояния, поэтому современность, основанная на постмодернизме, выступает в качестве альтернативы парадигме историчности. В этой парадигме постепенно проявляется новая историческая универсальность. «Когда историки обращаются к прошлому с глобальной точки зрения и исследуют процессы, которые пересекают границы обществ и культурных регионов, проблемы периодизации становятся даже более острыми. Историки давно осознали, что схемы периодизации, основанные на опыте Западной или

⁸¹ Там же, с. 142.

⁸² Карсавин Л.П. Философия истории. С-Пб., 1993. С. 22.

любой другой отдельной цивилизации, оказывают плохую услугу при объяснении траекторий других обществ»⁸³. Западный мир позиционирует себя в качестве «авангарде цивилизации», подтверждая этот тезис доминированием в экономической сфере. Тем не менее, соперничество ведущих государств, особенно в последние столетия, значительно обострилось, хотя не стоит предвещать войну, поскольку столкновение цивилизаций, предвещаемое С. Хантингтоном может проявляться только в форме имперского противостояния, претендуя при этом на социальную универсальность.

Данное высказывание можно описать следующим образом: «Каждая история имеет логическое завершение, таким образом, не имеет смысла наблюдать в реалиях современности какие-либо исторические противостояния». Следовательно, настоящее на данный момент может выступать, с учетом опыта постмодернизма, как альтернатива парадигме историчности. Референтом такой парадигмы понимается общество с инновационной культурой приватности. Вместе с тем важно подчеркнуть, что человечество не является социальной универсалией, несмотря на то, что это понятие имеет довольно короткую историю, поскольку объем и структура его варьируются по мере формирования основных понятий, отражающих мироощущение времени и пространства.

Важно подчеркнуть, что именно во времена Ренессанса приходит пока смутное ощущение единства этноязыковой, вероисповедной и культурной пестроты огромного мира. Поскольку существует антропологическая общность людей, то хроническая неполнота термина «человечество» мало смущает историков, однако несколько осложняет работу философов. Кроме того, необходимо учитывать еще один важный аспект социальных универсалий. В современных условиях, как никогда ранее, чрезвычайно актуализируется проблема соответствия, соотношения научной теории и научной истории естественно историческому процессу, который призван воспроизводить конкретное общество, будучи способным блокировать чуждое для него влияние.

⁸³Бентли Д. Межкультурные взаимодействия и периодизация всемирной истории // Время мира. Альманах. Вып. 2. Структуры истории. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. С. 171-172.

Историческое содержание заключается не в том, чтобы спроецировать на историю сугубо определенную цель, а в том, чтобы накопить на протяжении всего исторического периода многовековой опыт человечеством, составляющий основу его объективной целостности, который может проявляться как в цивилизационном, так и в культурном смыслах. Концептуализация универсалистских тенденций в истории возможна только при условии соответствующего информационного оформления, которые проявляются как динамика заключенных в нем смыслов. Концепция универсализма исходит из идеи единства многообразия, которая опирается на представления о единстве универсальности, как измерения всеобщности коллективного бессознательного. Дифференциация является одним из источников интеграции, поэтому универсальный реализм включает в себе аспекты монизма, дуализма и плюрализма, зафиксированного на соответствующем уровне.

Становление объединенных социальных образований не должно приводить к поглощению или подавлению установившихся уникальных культур, ведь унификационный взгляд на историю является одним из возможных побочных последствий социальных процессов, не являясь его атрибутивным свойством. Тем более что универсализм на протяжении истории видоизменялся и периодически приобретал формы неоплатонизма, пантеизма Просвещения, немецкого классического идеализма, философии всеединства В. Соловьева и др.

Таким образом, исследование различных концепций социального универсализма в истории предполагает поэтапную расшифровку динамики смыслов, которые отражают конкретный этап социального бытия. В историческом прошлом была заложена амбивалентность социального универсализма, которая проявлялась в различных идеях, синтезировавших в себе различные стороны монистических концепций, на практике и на трансцендентальном уровне.

1.3. Роль информации в формировании европоцентризма как формы универсализации мирового пространства

Одной из начальных стадий универсализации мирового пространства выступает европоцентризм, на примере которого хорошо прослеживается динамика соотношения тенденций дифференциации и интеграции в развитии общества и философии. Европоцентризм представляет собой мировоззренческую установку, согласно которой особый уклад жизни, характерный для Европы, призван служить образцом для всех остальных цивилизаций. Посредством европоцентризма в полной мере проявились попытки реализации идей древнегреческих философов о всеединстве мира, что может быть реализовано на базе глобального синтеза философских знаний, включающих диалектический принцип об ограниченности всякого знания. «Вестернизация означает не столько счастливое уподобление Западу по достижительным критериям «догоняющего развития», сколько разложение органической целостности не западных культур и появление на их месте неупорядоченных конгломератов, превращаемых в свалку технологических и социальных шлаков развитых стран»⁸⁴.

Информационные ресурсы европоцентризма создают условия для нивелирования идентичностей социумов различных уровней. Европейская цивилизация принципиально отличается от других, с которыми она состояла и продолжает состоять в конструктивном контакте, поэтому можно утверждать, что западная цивилизация выходит за пределы Старого света, в котором лежат ее истоки. Европейская цивилизация включает в себя и Америку, являясь сложной реальностью, действующей в прошлом и настоящем. Эта реальность отличается

⁸⁴Панарин А.С. Философия истории. М.: «Гардарики», 1999. С. 42.

от восточной цивилизации, то есть от различных национальных культур, которые традиционно объединяют понятием восточной культуры. Основополагающим базисом европоцентризма выступает свобода, поскольку, по мнению сторонников этой идеологии, свобода является своеобразным критерием. Подобный подход является базисом для историков, философов, политиков, которые любой ценой пытаются оправдать европоцентристское видение человеческого прошлого. Принципиальное значение имели коммуникации, выстроенные на европоцентристской основе, ведь возвращающиеся из зарубежных путешествий люди приносили и распространяли образ чужого края, способствуя динамическим изменениям в уже сложившихся представлениях о другом мире.

Ведущая идея современной вестернистской историографии, так или иначе, связана с неизбежным прогрессом свободы, что позволило направленным на господство (преобладание) европейской нации историкам определить привилегированно-европоцентристское видение прошлого всего человечества. Это определило следующий постулат, что исключительно после завоевания, заселения или открытия представителями Европы, остальной мир присоединился к указанному европейцами вектору истории. В. Макнил справедливо замечает следующее: «Не всегда настоящую, в чем-то исправленную мировую историю было легко конструировать по этим линиям»⁸⁵.

Европоцентризм находится в прямом противоречии с партикуляризмом огромного количества азиатских государств, поэтому все попытки, предпринимаемые Европой для его реализации, часто способствуют росту партикуляристских тенденций, вызывая враждебную реакцию. В условиях информационного давления, оправдывающего насильственную экономическую, политическую, а также социальную унификацию партикуляризм иногда может выступать как здоровое начало. Анализируя этот комплекс проблем, В.И. Стрельченко приходит к важному заключению: «Вот уже в течение более чем 300 лет, несмотря на активное сопротивление природного

⁸⁵Макнил В. Меняющийся образ всемирной истории // Время мира. Альманах. Вып. 2. Структуры истории. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. С. 20.

антропологического и социального «материала», опираясь на убеждение в открытости истины «естественному свету разума», народы Европы практически реализуют замыслы о «природе человека», «естественном праве», «договорном происхождении общества и государства», «природосообразности воспитания» и др.»⁸⁶.

Для понимания роли информации в формировании европоцентристского мировоззрения как наиболее яркого проявления социального универсализма важно отметить, что европейская экспансия, в результате чего оформился современный западный мир, принимала весьма разные формы. Наиболее распространенной формой европоцентризма проявлялась как давление западного образа жизни, которое, тем не менее, отличалась минимальными последствиями для стран периферии, поскольку охватывала исключительно внешние черты. Вторая форма европоцентризма представляла собой максимальное копирование методов хозяйствования и управления, характерных для Европы, которые в то же время не затрагивали политической структуры общества. Третья форма европоцентризма сопровождается комплексным навязыванием социальных форм, характерных для стран Запада, и максимально проявляется там, где выходцы из Европы стали абсолютным большинством, представляя собой максимальную опасность для социокультурной идентичности отдельных социумов.

Европоцентризм не мог бы сформироваться в качестве мировой идеологии без постоянной информационной поддержки, которая проявлялась в прославлении исторического пути тех народов, которые ориентировались на Запад. В этом плане европоцентризм стал апофеозом воинствующего регионализма, который претендует на обобщение мирового опыта и предстает в качестве универсалистского статуса. Информационные ресурсы максимально работали на расширение европоцентризма до уровня вестернизма, что было вызвано глобальным расширением межцивилизационных и межкультурных взаимодействий. Информационная составляющая сыграла принципиальную роль в формировании социокультурного пространства Европы. Это происходило,

⁸⁶Стрельченко В.И. Рациональность и гуманистические идеалы образования // Credo New. 2006. № 1. С. 37-56.

начиная с эпохи Возрождения, и определялось давлением буржуазно-индивидуалистического меньшинства против сакральной власти. Например, весь XIX век характеризовался возрастающей агрессией демократических сетей против сложившегося миропорядка, который олицетворял собой, в частности, Священный союз. Доказательством этому являются и коронованный генерал Наполеон Бонапарт и Февральская революция 1917 года в России, свергнувшая последнюю законную власть в Европе. В этом отношении можно говорить о том, что информация породила европоцентризм.

Несмотря на то, что европейская цивилизация представляла собой историческую реальность, часто европоцентристские тенденции в современном мире претерпевали серьезные трансформации. Однако европоцентристская аргументация, распространенная сегодня, не очень отличается от периода колониальных войн, по-прежнему опираясь на мощный информационно-медийный потенциал, хотя европейская наука серьезно эволюционировала. Тем не менее, социальные основы обществ Европы изначально имели под собой важную основу, выступающую как принцип универсализма, поэтому идея европоцентризма носила амбивалентный характер, ведь приходилось прикрывать экспансистские притязания ведущих европейских государств псевдогуманистическими тезисами. Однако утверждение в Европе принципа равенства шло трудным путем, ведь в индивидуалистическом обществе действия индивида направлены в первую очередь именно на то, чтобы превзойти других. Именно в европоцентризме более всего ощущается раздвоение человечества, поскольку Европа в состоянии была продемонстрировать громадные интеллектуальные достижения и материальные успехи.

Постепенно сформировавшийся европоцентристский взгляд на мир, выражавший исключительно интересы европейской элиты, изначально носил односторонний характер, поскольку ограниченная европоцентризмом социальная система не имела потенциала к развитию. Более того, настоящий прогресс абсолютно враждебен европоцентристской социальной системе, поскольку она, решая свои внутренние проблемы, с позиций человечества воплощает

социальный, культурный и антропологический регресс. Тем не менее, импульсы к изменению мирового пространства в сторону универсального пространства не могут прийти от элиты, ведь любые перемены поставят ее первенствующее положение в этой системе под угрозу, ведь она способна менять декорации, но не суть социального развития.

Ложность европоцентристского мифа понимали известные русские мыслители. В частности, Н.А. Бердяев, развивая идеи Ф.М. Достоевского, К.Н. Леонтьева и В.В. Розанова, показывает угрозу, которую он несет не только социуму, но и личности. В своих рассуждениях Н.А. Бердяев приходит к вопросу: «Много ли есть онтологически реального, – в биржах, банках, в бумажных деньгах, в чудовищных фабриках, производящих ненужные предметы или орудия истребления жизни, во внешней роскоши, в речах парламентариев и адвокатов, в газетных статьях? Повсюду раскрывается дурная бесконечность, не знающая завершения. И чем более общественность делается пустой и бессодержательной, тем сильнее ставится диктатура общественности над человеческой жизнью»⁸⁷.

Индивидуалистическая цивилизация с ее демократией, материализмом, техникой, способствует снижению психического строя личности, провоцируя всеобщее смешение разных культур. Укреплению европоцентризма способствует мощная информационная обработка масс, которая способствует формированию химер и симулякров, превращающих человеческую жизнь в фикцию и провоцируя однородную примитивизацию бытия.

Выдающиеся западные интеллектуалы, в лице Т. Адорно, А. Тойнби, Г. Маркузе, Х. Ортеге-и-Гассета, Э. Фромма, О. Шпенглера, М. Хайдеггера, К. Ясперса, Ю. Хабермаса в своих работах анализировали особенности европоцентристских проявлений в различных социальных ракурсах, подчеркивая при этом примитивную стандартизацию потребностей примитивного человека, который предпочитает не полноценную духовную жизнь, а стремится к обладанию материальными вещами.

Динамичное развитие глобализационных процессов стало серьезным

⁸⁷См.: Бердяев Н.А. Новое средневековье. Размышление о судьбе России и Европы. М., 1991. 22 с.

испытанием для европоцентристской универсально-исторической модели, сложная картина которого не вписывалась в принятые универсально-исторические схемы, ведь европейская философия истории постепенно приобрела спекулятивный характер и дисциплинарно отграничилась от исторической науки⁸⁸. Универсально-историческая перспектива, основывающаяся на европоцентрическом видении истории, имела изначальные связи с реальными политическими процессами и событиями мировой истории. Империя, к примеру, представляет собой специфический политический и культурный феномен, который появился значительно ранее, чем принятие христианства европейскими государствами в эпоху средневековья, и смог получить важное философское осмысление, во многом благодаря универсальным взглядам на историю.

Необходимо отметить некоторые особенности проявлений европоцентризма, которые не позволяют этой идеологии превратиться в практический социальный универсализм. Во-первых, европейцев не интересует классическая геополитика, которая отражает отношения с другими странами. Во-вторых, любой анализ социальной ситуации сводится к вестернистской аксиологической шкале. В-третьих, фанатичная приверженность Европы принципу соблюдения законности не позволяет ей полностью трансформировать страны, с которыми она вступает в какие-либо отношения.

Европоцентризм, заключающий в себе теории модернизации и догоняющего развития, игнорирует тезис о невозможности механического переноса каких-либо элементов в социальную систему других стран. Бесперспективность сложившейся западноцентричной цивилизационной модели, которая часто оскорбляет достоинства не западных народов, становится все более очевидной. Таким образом, получается, что западные народы проживают в истории свою собственную жизнь, а не западные лишаются права на собственную историю и собственное будущее. Опасность подобной ситуации заключается в том, что чужое историческое прошлое приводит к отчуждению способа бытия для

⁸⁸ Дильтей В. Введение в науки о духе. Собрание сочинений в 6 т. Т. 1. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. С. 365-389.

большинства народов мира. А.С. Панарин в данной связи вполне резонно подчеркивает: «(...) даже наших детей, обреченных либо на статус маргиналов и париев прогресса, либо на статус западников, с расистским презрением не принимающих во внимание «туземную» мораль, историю и культуру»⁸⁹.

Хотя европоцентристские идеи формировались исключительно на принципах прав и свобод человека и гражданина, однако все чаще эта составляющая современного социального универсализма информация нарушается внутри самой Европы. Кроме того, появляется и другая опасность: чрезмерное расширение Европы приведет к тому, что она потеряет свои культурные отличительные особенности, поскольку сегодня не наблюдается сплоченности должного уровня. А также, возникает вопрос о способности ЕС самостоятельно и сплоченно действовать, потому что не менее половины европейских государств отражают и поддерживают интересы США, чем свои собственные. Суверенитет многих стран находится не на должном уровне, поскольку они не в состоянии защитить свою автономию.

Европоцентристские модели осмысления мировой истории, подменяющие сложную картину мировых глобализационных процессов традиционным единством западного мира и приемлемыми для него схемами⁹⁰ следуют изначальной логике взаимосвязей между империей и универсальной историей. В этом отношении традиция взаимодействия имперской идеологии и универсально-исторической перспективы способна объяснить актуальную современную проблему несоответствия европоцентристских концепций глобализации и их реальных картин историческими предпосылками, чем и занимаются по преимуществу современные западные СМИ. Империя как особый политический и культурный феномен, который можно рассматривать в качестве одной из первых практик универсализма, как известно, появилась задолго до христианизации европейских государств, а позже получила соответствующее философское обоснование благодаря универсальному взгляду на историю.

⁸⁹Панарин А.С. Философия истории. М.: «Гардарики», 1999. С. 19.

⁹⁰Soder H.P. From universal history to globalism. What are and for what purposes do we study European ideas / H.P. Soder // History of European Ideas. 2007. № 33. P. 76-80.

Принципиальной составляющей европоцентристского мифа является концепция «общечеловеческих ценностей», к которым в западных странах относятся крайне щепетильно. Европоцентризм представляет собой такую позицию идеологии и ценностей, в которой Европа призвана олицетворять собой всю цивилизацию и культуру Запада, возводя Европу в центр любого события. Еще со времен античности происходит провозглашение значимости европейского человека, как человека обладающего высоким уровнем культуры и цивилизации в противопоставление всем другим людям, как варварам, которое продолжалось вплоть до середины XX века. Социальная основа традиционных западных обществ базируется на идее имманентности прав и свобод, которая рассматривается как некое универсалистское начало. Она трудно завоевывала признание, потому что действия, направленные на выживание любого социума, предполагают соперничество с другими. Именно поэтому принцип равенства утверждался в Европе параллельно с эволюцией европейских вероучений. Социальные трансформации последних десятилетий затронули и европоцентризм, который в современном мире реализуется из результатов современных открытий в Европе, а не только посредством усвоения опытным путем иных культур. Данная тенденция позволяет говорить о параллельном развитии знания в нескольких парадигмах, что создает платформу для более полной универсализации социального пространства. Исторически сложившиеся, ярко выраженные эгоистические интересы потребительского общества, сегодня выступают под прикрытием «общечеловеческих ценностей», которые только подтверждают наличие на Западе двойных стандартов. Мы наблюдаем явное противоречие: формирование универсалистских тенденций, в основе которых лежат «общечеловеческие ценности» неразрывно связано с наступлением на пресловутые свободы, а также подавлением индивидуализма в современном европейском мире.

Свою аксиологическую систему западные общества стараются тщательно оберегать, используя при этом самые недостойные приемы для трансляции своих ценностей всему остальному миру. Подтверждением этому является тот факт, что

в современных европейских странах существуют темы, которые объявляются абсолютно запретными для дискуссий. Естественно, что под эту категорию попадают факты из истории 20-40-х годов XX века, которые нелицеприятно характеризуют идеологию и политику европейских стран: «Мюнхенский сговор», массовые бомбардировки англо-американской авиацией мирного населения Германии, варварские бомбардировки японских городов. За попытки объективного исследования подобных страниц истории ученому в современной Европе грозит до 7 лет тюремного заключения, не говоря уже о полном остракизме. Как видим, информационное сопровождение играет принципиальную роль не только в становлении европоцентристских тенденций, но и в сохранении европоцентризма как идеологии. Информационное оформление истории в этом случае носит изначально искаженный характер, поскольку опирается на вестернистскую аксиологическую шкалу. Здесь все чаще «(...) предлагается дилемма: происходит либо свертывание (сжатие) бытия истории к одному сохраняющемуся событию и воспроизводству тотальности (постистория Г. Гегеля), либо же происходит полное общее восстановление энергии истории неименуемого (М. Хайдеггер). Всеобщность, из активизаций неименуемого – конечная модуляция опыта истории, где набор перспектив (которые уже никаким образом не отсоединить от ретроспективы) закрывается. По всему открываются другие»⁹¹.

Методы европоцентризма носили разнообразный характер, например, после второй мировой войны при помощи «плана Маршалла», предназначенного, в частности, для побежденной Германии, которую возрождали в качестве постоянного врага России. Можно отметить, что американская помощь способствовала возвращению многих стран в экономическое и политическое пространство Европы. Информационная обработка европоцентристскими мифами различных народов мира значительно усилилась. Эти цивилизационные различия сохраняются как присутствие тысячелетнего прошлого, поэтому их нельзя игнорировать, опираясь на глобализм, а также допустить их перехода в состояние

⁹¹Куксо К.А. Фигуры народа: генеалогия исторического агента // Credo New. 2006. № 2 (46). С. 52.

конфликта, хотя в реальной жизни конфликты всегда возможны. «Только сознание различий может сделать так, что возможности сотрудничества, то есть возможности совместимой и конструктивной глобализации, одержат верх над противоположными»⁹².

Современная мировая практика доказывает, что универсалистские претензии европейской науки на особый статус значительно усилились, несмотря на кризис европоцентристской идеологии и явную несостоятельность выступления в роли консолидатора народов мира. Проблема состоит в том, что положительных примеров трансформации не западных социумов по европейскому образцу пока не встречалось. Можно говорить только о более-менее успешных попытках строительства общества по типу запада практически с нулевой отметки, хотя «(...) мы не имеем утвердительного ответа, подтверждающего саму возможность позитивного взаимодействия культурных систем цивилизаций, различных по своему происхождению и взаимообогащающих друг друга»⁹³. Опасность европоцентризма как концепции, претендующей на универсализм, состоит также в том, что методы внедрения европоцентристских тенденций в последнее время приобретают характер информационного тоталитаризма. О перспективах реализации концепции социального универсализма, избавленного от пороков европоцентризма, М. Хайдеггер отмечает следующее: «Настоящий принцип упорядоченности обладает своим предметным содержанием, сквозь упорядочение которое не обнаруживается, но в нем уже предполагается»⁹⁴.

Серьезным испытанием для традиционной универсально-исторической модели стало динамичное развитие тех вестернистских процессов, сложная картина которых не вписывалась в принятые универсально-исторические схемы. Это обусловлено тем, что европейская философия истории постепенно приобретала спекулятивный характер, поэтому дисциплинарно позиционировалась от исторической науки, а она отошла от поиска смысла и

⁹²Страда В. Глобализация и история // Новая и новейшая история. 2002. № 6. С. 61.

⁹³Иноземцев В.Л., Кузнецова Е.С. Глобальный конфликт XXI в. Размышления об истоках и перспективах межцивилизационных противоречий // Полис. 2001. № 6. С. 136.

⁹⁴Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1993. С. 52.

сосредоточились на поиске фактов. Причина этого заключалась в том, что истоки европейского универсалистского сознания были тесно связаны с опытом существования больших гетерогенных политических и культурных миров – империй.

В современных условиях удержание социосистем происходит с помощью информации. «Но одновременно информационные потоки являются серьезным трансформирующим фактором. Информационно выстраивается то, что должно привести к последующим измерениям»⁹⁵. Универсализм, базирующийся на европоцентризме, не имеет перспективы, поскольку в его основе располагается примитивный антропоцентризм. Надеяться, что идея безграничной свободы и господства над природой может стать основой для объединения человечества, куда входят, кроме европейских, еще более древние и самодостаточные цивилизации, вряд ли стоит. Основная причина сложившейся ситуации заключалась в том, что истоки европейской универсальной размерности сознания были тесно связаны с опытом существования больших гетерогенных политических и культурных миров – империй, поэтому Европейский союз, по сути, представляет собой попытку возвращения в исторический периоды временной победы глобальных тенденций в Европе. Современные проблемы во многом детерминированы тем фактом, что Европа не в состоянии объединить даже родственные страны.

Можно заключить, что вестернистская модель мироустройства не имеет перспективы, поскольку Европа испугалась гармоничного универсализма, который проявляется в настоящем едином, перепутав его с «тотальностью», хранящей внутри присутствие единого. Поскольку в нем мерещится одинаковое, которое является не безопасным для идеи, несущей в себе множественное и различное. А еще тотальное было понято исключительно как тождественное, хотя «(...) тотальность сохраняет свое единство как в едином, так и в различном, как в себе, так и в ином. (...) Тотальное подчиняет форме бесформенное. Европа знала только одну форму – тотальность сознания. В погоне за множественным она

⁹⁵Почепцов Г.Г. Информационные войны. Новый и инструмент политики. М.: Алгоритм, 2015. С. 41.

потеряла единое и отказалась от культуры, построенной на единстве самосознания»⁹⁶.

Благодаря информационному давлению, европейцам удавалось длительный период поддерживать культ европоцентризма. Не смотря на то, что субъектом вестернизации считалась незначительная часть человеческого общества, она смогла обеспечить должный контроль над всем остальным миром и проистекавшими в нем событиями. Во многом это объясняется тем, что в процесс вестернизации в той или иной степени вовлечены все европейские народы, включая Россию. В информационном плане европоцентризм является базисом для глобализации, хотя между ними наблюдается существенная разница.

Во-первых, традиционная европейская экспансия всегда имела четкую направленность, которая отражалась не только объектами колониального процесса, но и субъектами его.

Во-вторых, европейская глобализация наиболее полно проявлялась в виде колониальной системы, формирование которой не являлось спонтанным процессом.

В-третьих, европейцы жестко контролировали всю мировую периферию, предупреждая потенциальные угрозы для Запада, в то время как современная глобализация провоцирует региональные конфликты.

В-четвертых, европейское давление на остальной мир на протяжении предыдущих столетий резко отличалось от современной глобализации, ведь европейцы подчеркивали контролируемый характер сущности европоцентризма, делая недвусмысленными представления о ее направленности и ее движущих силах.

Французский философ Ален де Бенуа своей работе «Против либерализма» отразил основные системные положения, где на высоком теоретическом уровне освещена современная европейская культурная ситуация. Бенуа критикует либерализм, поднимает вопросы морали и нравственности, говорит о социализме и анархизме, а также высказывает свое мнение касательно современной

⁹⁶Гиренко Ф.И. Метафизика пата. М., 1995. С. 102-103.

европейской культуры и ее месте в системе либерально-капиталистических ценностей. Даже такой ярый сторонник социального универсализма, как Дж. Сорос, вынужден признать, что общество потеряло свои ориентиры, поскольку в распахнутом обществе современности не находится институтов и механизмов, которые бы несли ответственность за его сохранение, несмотря на это наблюдается четкое сохранение политической воли к их производству. Сегодня европоцентризм потерял свой изначальный потенциал, о чем свидетельствует примитивизм информационного потенциала.

Стремление к социальному универсализму как определенной гарантии равенства особенно проявляется в неевропейских народах в последние десятилетия. Это обусловлено углубляющейся пропастью не столько между богатыми и бедными людьми, сколько между европейскими странами и теми, кто стал объектом их давления. Иллюстрацией к данной теории является неуправляемая миграция, которая сметает на пути любую национальную государственность и демократию, грозит превратить человечество в систему новых супер этносов. Эти тенденции являются явными признаками очевидного заката Западной Европы, выступавшей некогда образцом всего белого христианского этноса.

Крупнейший мыслитель начала XX века Л. Тихомиров предлагал ввести научное употребление понятие «жизнеспособность государства», отказавшись от понятий «прогрессивный» и «реакционный». Это, по мнению Л. Тихомирова, обусловлено отношением критерием жизнеспособности, поскольку государство всегда опирается на массовую силу, в то время как сами по себе демократические институты являются только формой.

Современная Европа принципиально не изменила своей экспансистской сущности, ведь укрепление европейской цивилизации было обусловлено наступлением на различные социумы. Тем не менее, идеологи современного европоцентризма прибегают к прямой агрессии, пытаясь выступать под лозунгом «общечеловеческих ценностей». Парадокс состоит в том, что объединенная Европа стремится стать субъектом, но тем не менее пока этого не получается в

универсалистском мироустройстве, поэтому постепенно происходит потеря Европой своей идентичности. Следовательно, здесь интереснее и ярче всего покажутся тенденции, которые нарисуют красочную картину серьезных разногласий в странах «золотого миллиарда». Потухшая звезда Европы с локомотивом в виде США не принимается множеством европейцев⁹⁷. Важно подчеркнуть, что кризис Западного мира детерминирует цепочку кризисных явлений во многих сферах своего влияния, охватывая большую часть человечества, то есть мы вправе отметить, что данный кризис носит всеобщий характер. Д. Куликов анализируя традиционные, основополагающие структуры современного общества, подчеркивает: «Политкорректность – это такая нормировка человеческого поведения, существующая в современном светском либерально-демократическом обществе, поддерживающая состояние того, дабы это общество пребывало в покое и необремененности мышлением. Кто эту норму поведения нарушает, тот хам, грубиян и дикий варвар. Его нужно срочно перевоспитать или превратить в маргинала или устранить каким-либо другим образом»⁹⁸.

Согласно позиций социального универсализма подчеркиваем, что для современного европоцентристски настроенного человека, независимо от его реального социального статуса, характерно довольно абстрактное восприятие себя в качестве абсолютной ценности, поэтому свою деятельность и даже свою жизнь индивид оценивает посредством совокупности вещей, которыми он обладает. Стремление к обладанию внешними признаками детерминировано тем фактом, что достоинство личности определяется исключительно внешними факторами, обуславливая поведение индивида в конкретных социальных структурах. Вот почему, в конечном счете, люди ориентируются не на идеалы, а на идолов, провоцируя появление новых форм личностных противоречий, которые особенно заметно трансформируют общества, сравнительно недавно приобщившиеся к «цивилизованной» Европе. Папа Бенедикт XVI справедливо

⁹⁷Лактионова Н. «Остальгия» // Литературная газета. 2006. № 41. С. 4.

⁹⁸Куликов Д. Антимиф. Очистить себя от лжи о самих себе // Однако. 2013. август-сентябрь. С. 43.

заметил: «Запад уже не относится к себе, как к любимому, в нем исчезло духовное начало и риск потери собственной идентичности тоже очень велик»⁹⁹.

Постепенно массивная концептуальная критика, которая развернулась вследствие кризисных тенденций в западных обществах, а также распространения философско-культурологических, востоковедческих и социально-антропологических исследований привела к видоизменению сущности европоцентризма. Теперь очевидно почему одной из важнейших задач современного мира является выработка единых, универсальных принципов, согласно которым может происходить дальнейшее, более благополучное существование человечества.

Принципиальное противоречие между идеологией универсализма и европоцентризмом состоит в том, что индивидуализация как ведущая черта западного стиля мышления и действия приводит к фрагментации окружающей действительности. Это связано с тем, что индивидуализированное массовое общество постоянно является источником формирования эгоистических индивидов, способных думать исключительно о себе самом, постоянно провоцируя фрагментацию общества, поскольку такой индивид даже личные события воспринимает только как совокупность эпизодов, практически не связанных между собой. Из этого следует иллюзия множества жизней, которые якобы проживают многие люди на Западе, воспринимая фрагментацию окружающей действительности как должное, поскольку целое недостижимо и с трудом конструируется особыми усилиями сознания. Опасность такого подхода, по меткому изречению В.Г. Федотовой, состоит в том, что, «совокупность эпизодов становится не только историей личной жизни, в которой, в лучшем случае, имеется «биографическое разрешение системных противоречий», но и историей самого общества»¹⁰⁰.

Кризис европоцентризма во многом связан с теми ограничителями, которые эта идеология накладывает на историческое прошлое, значительно сужая его до

⁹⁹Носенко В. Толерантностью исламизм не одолеть [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.isra.com/lit-29854.html>.

¹⁰⁰Федотова В. Г. Факторы ценностных изменений на Западе и в России // Вопросы философии. 2005. № 11. С. 5-6.

ведущих европейских событий. «При этом такие идеи способны не только объединять, но и разъединять сообщества. То же самое понятие свободы имеет совершенно разный смысл для различных политических и социальных сил, каждая из которых спланирует одних и противопоставляет их другим. Идеи получают различную форму выражения – лозунга, символа или жеста, произведения искусства, они могут быть навеяны традицией и лежать в основе сложившихся установок (гештальтов)»¹⁰¹. Европейская философия, к сожалению, не сохранила в себе оптимистического начала, поэтому современный человек Запада – это нечто, придавленное бессмысленностью бытия, затерявшееся в бесконечной Вселенной. Эту ситуацию Р. Коллинз описал с позиций античной философии: «стратегические позиции Аристотеля оказались действительно оправданными как в свое время, так и на протяжении всей остальной истории. Многие школы, которые противостояли друг другу распались, после них осталась лишь малая толика последователям Аристотеля. То концептуальное обмундирование, которое появилось во время интеллектуальных действий – один из наиболее плодотворных моментов из тех, что довелось обозреть философии западного направления на протяжении нескольких поколений, продемонстрировавшее свою значимость в боях, весьма отнесенных от протяжения жизненной линии Аристотеля»¹⁰². Однако все более явно проявляется нравственное онемение и духовный распад, о котором первым заговорил еще Ф.М. Достоевский. Технологические успехи человека над природой все чаще кажутся сомнительными, потому что антропоцентризм становится все более парадоксальным, ведь пресловутая свобода человека все больше превращается в различные формы зависимости.

Информационные ресурсы на утоление материальных потребностей человека все сильнее приковывают его к определенному кругу самоценного увеличения только внешней сферы жизнедеятельности, что ведет к культивированию все более разнообразных наслаждений и связанных с ними

¹⁰¹Лезгина Д.В. Интерактивная классическая теория поколений // Credo New. 2006. №2 (46). С. 148.

¹⁰²Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: «Сибирский хронограф», 2002. С. 170.

бессмысленных желаний. Подобная тенденция все чаще провоцирует наращивание исключительно материальных потребностей, которые делают человека пленником собственных ощущений.

Сегодня вестернизация воспринимается многими людьми как вторжение западной культуры в другое, самодостаточное цивилизационное пространство, что неизбежно вызывает реакцию отторжения. Кризис западного экспансионизма все чаще вызывает сопротивление культурной агрессии и порождает колебания «универсалистского развития», а оно, в свою очередь испытывает то моменты соединения, то моменты дробления. Исследователи в связи с этим делают вывод о том, что в таком случае «национализм, социализм и фундаментализм обусловлены не столько деятельностью «противоцентра» самого по себе, сколько ассиметричным взаимодействием центра и «противоцентра» и представляют собой ответ последнего на попытки данного конкретного центра модернизации установить мировую гегемонию»¹⁰³. До начала эпохи глобализации социальная универсальная уже имела перспективу, которая основывалась на христианском видении истории, уже имела прочные связи с событиями мировой истории, включая реальные политическими процессами.

Новые открытия в науке, затрагивающие самые существенные свойства бытия (ритмичность, неопределенность, синергия и другие), требуют соответствующего пересмотра многих канонов традиционного европоцентризма, поскольку традиционные аргументы в пользу этой концепции уже не срабатывают, как в эпоху колониализма. Все чаще критически рассматривается роль, которую присвоила себе в истории Европа, причем сомнения в безальтернативности европоцентризма высказывают даже видные европейские идеологии.

Ведущей идеей, которая подпитывает идеологию европоцентризма является концепция свободы, которая по-разному проявляется в различных политических течениях. Она, например, не занимает центрального места в консерватизме,

¹⁰³Лапкин В.В., Пантин В.И. Геоэкономическая политика и глобальная политическая история. М.: «Олита», 2004. С. 209-210.

потому что свобода в этом случае подчинена конкретной цели. Вот почему свобода в понимании консерваторов всегда означала наличие определенных ограничений, выступающих в качестве предварительного условия. Имеется в виду тот порядок, при котором свобода обеспечивается не в полной мере. Консерваторы уверены, что в обществе деятельность людей должна быть свободна от вмешательства со стороны внешних факторов, осуществляясь в определенных условиях, где порядок основывается на исторически сложившихся традициях. Подобные идеи, которые сформировались в эпоху господства европоцентристских тенденций, опирались на определенный базис, где ведущие векторы развития человечества были обусловлены принципами международных отношений, которые приняли великие державы Запада. В этом случае западные авторы писали всю историю человечества, опираясь при этом на методологические принципы, характерные для Запада, и, естественно, в интересах Запада. Однако в современном мире западноцентристский миропорядок потерял свою притягательную силу, а рассуждения об однополярном миропорядке в лице США потеряли всякий смысл. Мир становится полицентрическим, однако на Западе сохраняются силы, которые уверены в превосходстве своих ценностей, и они не в состоянии принять эти новые реальности. В современном мире со стороны субъектов глобализации наблюдается стремление объявить о том, что либерализм победил окончательно, что проявилось в синтезе нескольких направлений: универсальный характер прав человека; демократия в политике; рыночная экономика. Подобный подход дал основание засвидетельствовать о «конце истории».

Преодоление универсалистских тенденций в современном мироустройстве предполагает отказ от жестких бинарных оппозиций в контексте преодоления жесткого антропоцентризма, который характеризует западноевропейскую философскую традицию. Однако в последнее время набирает силу и альтернативные европоцентристской идее тенденции. В частности, важным условием понимания социальной структуры универсалистского общества выступает осознание механизмов действия информационно-технологической

духовности, которая во многом оптимизирует социальные отношения. Устойчивое развитие общества предполагает подобный подход, поскольку он основывается на глобальном или антиглобальном векторе развития общества, а также для формирования «(...) естественного, космосоответствующего совершенства общества, которое олицетворяет гармонизированное пространство существования индивида»¹⁰⁴.

Постепенно западный мир постепенно начинает ощущать неудачную попытку своих цивилизационных усилий, не осознавая пока достаточно серьезной опасности, которая исходит от периферии. Принципиальное значение в этом плане играет информационное обеспечение господства европоцентристского взгляда на окружающий мир.

Таким образом, европоцентризм выступает в качестве максимально полного воплощения универсалистских идей в обществе, иллюстрируя универсалистские претензии и амбиции сторонников вестернизма, которые разделяют все человечество по субъект-объектному принципу. Тем самым они препятствуют разработке тех универсальных принципов, которые гарантируют взаимовыгодное использование положительного опыта отдельных социумов, что является следствием не достаточно высокого уровня информационной культуры.

¹⁰⁴Колмаков В.Ю. Духовно-информационная тектология культуры // Теория и история. 2004. № 3. С. 138.

1.4. Современная глобализация как попытка реализации идеологии универсализма

Глобализационные процессы во многом обусловлены появлением новых информационных технологий, поэтому протекают неравномерно. В современном мире универсалистские тенденции проявляются в виде глобализации, что предполагает новую парадигму мышления, где глобализация представляет собой процесс производства и обмена, в котором капитал в виде электронного сигнала освобождается от пространственных, материальных, социальных ограничений на локальном и государственном уровнях. Достижение этого уровня возможно только потому, что на определенном этапе информационные факторы стали господствовать над вещественными. В этом случае рассмотрение глобального человечества в качестве определенного шанса, который предлагает качественно другие категории для восприятия эпизодически расположенного мира, обладающего самобытностью, а также в определенном смысле самодостаточностью составных частей этой целостности. Важно подчеркнуть, что в глобальном многообразии можно увидеть единство и, наоборот, в единстве – многообразии. Глобализация в современном мире не только раздвигает территориальные рамки, стремясь к охвату всего земного пространства, ведь процессы подобного расширения встречались и ранее, насчитывая сотни лет с эпохи великих географических открытий.

Представление о социуме как относительно автономном или изолированном пространстве каждого отдельного социокультурного ареала, на первый взгляд, исключает общекультурное единство на базе любой универсалистской идеи, поскольку несет в себе принципиальную фрагментарность различных социальных компонентов. Более того, глобальная стандартизация, обусловленная информатизацией, объективно ведут к размыванию этнополитической идентичности. Сопrotивление глобальной модернизации затрудняется значительным сужением возможности государств в современном мире, что обусловлено рядом причин: а) нивелирование ведущих качеств государственных

институтов власти; б) развитие международно-правовых норм; в) засилье гуманитарных технологий; г) региональные военные интервенции. Параллельно с этими процессами значительно снижаются барьеры между устойчивыми различными социальными пространствами, в первую очередь, этнополитическими и правокультурными. При этом, по мнению В.Н. Волкова, «универсалистские идеи современной глобализации в подобных обстоятельствах преобладают над культурным ядром национальной идентичности, которое под ее воздействием проявляется как составляющая общегражданской идеологии, хотя и сохраняется на уровне фольклорных особенностей»¹⁰⁵.

Так, в глобальном мире возможности распространения универсалистских идей резко расширяются, поскольку они реализуются при помощи новейших информационных технологий. СМИ, имеющие национальный характер, вытесняются интернациональными, которые способствуют оперативной смене власти, если она не устраивает сторонников вестернистской универсализации. Таким образом, в современном обществе нарушается естественная функция СМИ, проявляющаяся в поддержании стабильности политической системы общества.

Глобализм как универсалистский проект во многом базировался на тех же информационных началах, что и коммунизм, хотя современные информационные технологии позволили обеспечить ускоренное его проникновение в массы. Сходство этих двух идей наблюдается также в том, что инициатором реализации идеи глобализма как высшей точки социального универсализма выступает Запад. Информационная составляющая глобализации во многом напоминает соответствующие этапы коммунистической пропаганды, что особо ярко проявлялось столетие назад: и те, и другие ссылаются на объективную глобальную социальную взаимозависимость, хотя сегодня сюда добавляется концепция «открытого общества».

Современная социальная универсализация включает в себя различные этапы. Сегодня процесс интеграции государств рассматривается в качестве

¹⁰⁵Волков В.Н. Либерально-демократический проект десовернизации отечественного политико-правового порядка // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2011. № 5 (19). С. 18.

инструмента глобализации. Однако проблема состоит в том, что подобный подход приводит к излишней политизации всех проявлений социальной солидарности, поэтому формой его реализации его может стать только создание государств-империй. Однако в современных условиях империи представляются анахронизмом, поэтому крайние проявления социальной универсализации под прикрытием концепции «открытого общества» часто воспринимаются как покушение на суверенитет общества и личности.

Унификация является не атрибутивным качеством глобализации, а выступает как одно из побочных последствий глобализационных процессов – наиболее желаемое и предсказуемое. Распространение феномена глобализации в мировоззрении все большего количества людей связано, непосредственным образом, с появлением новых социальных процессов, значительно усиливающих размещение глобализационных процессов в мировоззрении людей в мировом масштабе.

Отсутствие у различных авторов единства в выборе исходной аксиоматики при исследовании социального универсализма в виде современной глобализации обусловлено различием в восприятии сущности глобализационных процессов, принципиально деформирующих современное мировое устройство. Значительное количество различных, часто конкурирующих между собой представлений о глобализации, которые встречаются не только в научных трудах, но также на практике свидетельствует о многообразии концепций о глобализационных процессах в истории и в современной жизни.

Теоретики глобализации (Р. Робертсон, Б. Бергер, Э.Д. Смит, А. Аппадурай, С. Хантингтон и др.), концентрирующие свое влияние на различных проявлениях этого процесса, в качестве одной из основных социальных единиц анализа подобны измерениям выделяют порождаемые глобальной коммуникацией или «воображаемые сообщества» (Р. Робертсон) представляющие собой многомерные миры, создаваемые социальными группами в глобальном пространстве. «Сегодня существует большая неопределенность относительно будущих моделей

государственного управления и направления политики безопасности»¹⁰⁶.

Относительно того, что происходит некое внедрение в процесс глобализации на уровне философско-методологическом, как следствие наблюдается переосмысление многих составляющих, касающихся проблем формирования общечеловеческого бытия. В частности, В.К. Егоров уверен, что «то самое общечеловеческое», которое распознается как отобранное кем-либо и как-либо, нечто универсальное и принимаемое за образец, – это смерть (исчезновение) культуры, цивилизации человечества, в противном случае предполагающее усредненность, при этом исключаящее в свою очередь многообразие и многотворчество, составляющее сущность культуры, что признается основным источником развития ее»¹⁰⁷. Далее В.К. Егоров говорит о небезосновательности опасений, которые высказываются на различных уровнях по поводу глубины и интенсивности глобализационных процессов, отмечая основные «болячки» глобализации: усреднение культуры, нивелирование этнических особенностей, шаблонизация, формирование глобальных управленческих структур и т.п. Разворачивая свою аргументацию, В.К. Егоров доказывает, что подобная универсализация представляет собой трагедию всех землян, потому что такому «общечеловеческому» противится сама природа человеческой культуры. И в конечном итоге В.К. Егоров обосновывает свое видение современных глобализационных процессов, особо подчеркивая, что глобализация, как естественный процесс, способна не только сделать мир единым, но также в состоянии сформировать универсальную культуру. «Глобализация – не универсализация и мультикультурализм, а межкультурализм... утверждение, что мы сейчас живем в одном мире, является социологически непротиворечивым только в отношении экономических и геополитических процессов»¹⁰⁸. Скрытая сущность подобного подхода – это пропаганда неизбежности ухода с исторической арены суверенных государств, а также потеря ведущего требования

¹⁰⁶Калдор М. Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. С. 354.

¹⁰⁷Глобализация и перспективы современной цивилизации // Сборник научных трудов под общей редакцией А.Т. Горяева. М.: КМК, 2005. С. 98.

¹⁰⁸Там же, с. 104.

демократии, которое заключено во властном суверенитете социума. «Глобализация, в конце концов, это процесс, включающий не только фрагментацию и эксклюзивизм, но в равной мере интеграцию и включенность. Бок о бок с политикой партикулизма возникает новая космополитическая политика, основывающаяся на таких целях, как мир, права человека или энвайронментализм»¹⁰⁹.

Условно, можно выделить несколько направлений информационного сопровождения современной глобализации.

Первое направление трактует глобализацию как процесс модернизации, который сопровождается процессами социальной трансформации. При таком подходе глобализация является следствием лавинообразного распространения мирового рынка и засилья новейших информационных технологий. Например, В. Федотова в своих работах утверждает, что этот процесс связан с победой идеи экономической свободы в глобальном масштабе, хотя он в большей степени касается не западных стран. Для экономистов глобализация представляет собой в первую очередь формирование единого экономического пространства. М. Делягин выделяет в глобализации особенности процесса формирования общемирового финансово-информационного пространства, которое создается на базе принципиально новых, преимущественно компьютерных технологий¹¹⁰. Подобный подход к глобализации обусловлен порождением всемирной информационной связи, а также тесными связями с мировым рынком. Кроме того, важной составляющей глобализации является продвижение посредством рекламной деятельности высокотехнологичных продуктов. Обратной стороной глобализации выступает все углубляющийся огромный перепад в уровнях жизни различных слоев населения и разных стран.

Второе направление. Для сторонников этого направления на первый план выдвигается процесс создания единой экономической системы путем интегрирования национальных экономик, где информационная составляющая

¹⁰⁹Калдор М. Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. С. 351.

¹¹⁰См. Делягин М. Глобализация // Глобалистика. Диалог. М., 2003. С. 183-185.

играет ведущую роль. Например, для А. Уткина универсализация в виде современной глобализации выступает как «объединение экономик разных национальностей в одну общемировую систему»¹¹¹. Особое внимание в научной литературе уделяется сравнительному анализу понятий «глобализация» и «интернационализация». Если, по мнению Г.Х. Шахназарова эти понятия являются тождественными¹¹², то для Ю. Шишкова глобализация представляет собой пространственную характеристику интернационализации хозяйственной жизни социума, а интеграция представляет собой «самую пиковую на этот день точку абсолютно той же интернационализации»¹¹³. А.П. Бутенко справедливо ставит вопрос: все авторы, которые пишут о глобализации, представляют ее в виде «формы интернационализации хозяйственной жизни на сегодняшний день, о которой собственно, велись разговоры в течение всего XX века»¹¹⁴, хотя в наличии имеется много определений этого феномена.

Третье направление. Для представителей этого направления глобализация позиционируется как исключительно политический процесс, включающий в себя объединение различных государственных структур в единое целое. Например, С. Марков особо выделяет те составляющие глобализационных процессов, которые относятся к политическим институтам¹¹⁵. А. Панарин видит в глобализации «процесс становления единого взаимосвязанного мира, к которому народы и государства подошли неодинаково подготовленными в экономическом, военно-стратегическом и информационном аспектах»¹¹⁶.

Свой подход к глобализационным процессам современности предлагает Х. Барлыбаев, для которого критерием периодизации глобализации выступают ступени социокультурной зрелости человечества, проявляющиеся, в частности, как уровни развития материальной культуры. Пытаются подвести черту под

¹¹¹Уткин А. Глобализация: процесс и осмысление. М.: Логос, 2001. С. 175.

¹¹²Шахназаров Г. Глобализация и глобалистика – феномен и теория // Proet Contra. Осень 2000. Т. 5. № 4. С. 185.

¹¹³Шишков Ю. О гетерогенности глобалистики и стадиях ее развития // МэиМО. 2001. № 2. С. 57-60.

¹¹⁴Бутенко А.П. Глобализация: сущность и современные проблемы // Социально-гуманитарные знания. 2001. № 3. С. 3.

¹¹⁵Марков С. Глобализация политических институтов // Глобалистика. Диалог. М., 2003. С. 198-199.

¹¹⁶См.: Панарин А.С. Искушение глобализмом. М.: Из-во «Эксмо», 2003. 416 с.

многочисленными дискуссиями В.П. Ващекин, И.А. Мунтян, А.П. Урсул, которые как бы аккумулируют основные определения глобализации, излагая собственное концептуальное видение глобализационных процессов современности, для которых глобализация – это:

- 1) определяющая тенденция очередного этапа универсализации постиндустриально-информационного общества;
- 2) необратимый в принципе, однако обратимый в частности диалектический процесс возрастания целостности мира;
- 3) информационная взаимосвязанность в виде интернетизации основных сторон жизни современного мира;
- 4) процесс становления единой экономики, в основе которой выступает господствующая финансово-кредитная сфера;
- 5) мироустройство, где транснациональные отношения постепенно превращаются в конкретные механизмы решения внутренних проблем человечества, формирующегося в качестве единого организма;
- 6) стратегический проект, который реализует человечество с целью активного воздействия на стихийные процессы мирового развития.

М.В. Шарко согласен, что глобализация позиционируется как насущная проблема современности, которая представляется «выигрышем временного над пространственным и непосредственно людей, которые охраняют время и средства, над теми, кто сегодня охраняет государственную власть и пространство»¹¹⁷. Отсюда следует его вывод о необходимости регулирования стихийных глобализационных процессов, а также придания им более-менее организованного характера.

С. Дубровский предлагает компромиссный вариант трактовки современных глобализационных процессов, для которого глобализация проявляется в четырех основных аспектах: 1) интеграция в мировую экономику национальных экономик, состоящих из лидеров, середняков и аутсайдеров; 2) интеграция в мировую среду

¹¹⁷См.: Шарко М.В. Политические процессы Японии: традиции и современность. М.: Научная книга, 2004. 216 с.

национальных сред обитания, которые предполагают локальную ответственность за то, в каком состоянии находится мировая среда обитания; 3) интеграция стран с позиции политики в мировое сообщество с мондиалистскими механизмами управления; 4) интеграция в единое мировое пространство национальных информационных пространств¹¹⁸. В этом плане можно утверждать, что глобализация выступает как «...камуфляжная форма идеологии глобализма, которая использует объективные тенденции мирового развития для обоснования приоритетов эгоистических национальных интересов «грандов» современных международных отношений, оправдания политики гегемонизма в мировых делах»¹¹⁹.

Полноценное понимание информационной составляющей в современных универсалистских процессах предполагает учет двух направлений развития современного человечества: глобализма и глобализации. Глобализация аккумулирует прогрессивную общечеловеческую, тенденцию к интеграции, которая осуществляется в целях создания единого мирового сообщества. Глобализм «предопределяет (выражает) модель преобладания (властвования) – как политического, так и экономического, цивилизации запада, то есть той социальной структуры, что настойчиво преподносится под флагом США»¹²⁰. Практика последних десятилетий показала, что для современной мировой цивилизации максимальные угрозы несет идеология глобализма, которая базируется на заинтересованности Запада в навязывании своих ценностей всему миру.

Специфика информационного сопровождения глобализационных процессов проявляется в идеологическом наполнении, отборе и интерпретации сообщенных фактов. При помощи СМИ постоянно предпринимаются попытки навязывания определенных ценностно-мировоззренческих представлений, поэтому современную глобализацию необходимо рассматривать как процесс становления

¹¹⁸Дубровский С.В. Глобальная пирамида как результат исторического развития, характеристик социума и состояния среды // ОНС. 2002. № 4. С. 173-182.

¹¹⁹Вашекин Н.И., Мунтян М.А., Урсул А.Д. Глобализация и устойчивое развитие. М., 2002. С. 76-77.

¹²⁰Балахонский В.В. Глобализация и глобализм в контексте угроз современной цивилизации // Глобализация: Pro et Contra: Материалы Международной конференции «Глобализационный вызов истории на рубеже тысячелетий: приоритеты российской культуры и искусства». СПб.: Астерион, 2006. С. 33-34.

искусственной универсализации посредством целенаправленного информационного давления. Что в данном случае может выступать ведущим инструментом достижения доминирующего положения в системе международных отношений.

Значительная часть философов, ученых и практиков придерживается того мнения, что глобализация представляет собой путь исторического преобразования совокупного общественного организма, который направлен на достижение его предельной целостности. С таким подходом не соглашаются те авторы, которые видят в подобных концепциях признание наличия в истории какого-то целевого предназначения.

Подобные процессы имели место в разнообразных частях человеческого существования, по-разному проявляясь в разные периоды истории. Эти процессы, тянувшиеся столетиями, часто имели грандиозные для человечества, претендуя на глобальность. Предельно точно эту ситуацию выразила Е.Н. Устюгова: «В данный момент времени, так называемый процесс глобализации лишь часть (период) процесса истории, тем не менее, однозначно и качественно своеобразный, как все к чему имеет отношение история»¹²¹. Естественно, что такая глобализация имеет перспективы только при наличии лидеров, выступающих в качестве субъектов этого уровня социальной универсализации, роль которых сегодня выполняют США. Народ США превозносится как особая общность, выступающая в качестве самого социально активного элемента мирового сообщества, несмотря на отсутствие исторического базиса и соответствующих традиций. Отличительной чертой такой глобализации выступает агрессивность, благодаря которой субъект глобализации настаивает на своем антиисторизме, продолжая стремиться к субъективному идеалу «свободы», социально-историческая реализация которого в состоянии рождают сверх власть. Понятно, что подобные претензии на социальный универсализм в виде современной глобализации вызывает множество вопросов. К.С. Гаджиев

¹²¹Устюгова Е.Н. Глобализация и культура: исторический контекст // Философские науки. 2005. № 12. С. 56-57.

справедливо подчеркивает: «Парадоксом представляется то, что Америка, которая существует в мире всего примерно 300 лет, взялась учить, как и на каких принципах должны жить народы, культуры, цивилизации, которые старше ее на несколько тысячелетий. При всех ее экономических и технологических достижениях, все же весьма проблематично, а вернее, просто непостижимо, что американская модель, сформировавшаяся в специфических геополитических и общественно-исторических условиях примерно последних полутора-двух веков, может быть принята в качестве примера для подражания китайцами, индийцами, цивилизации которых существовали на две-три тысячи лет раньше, чем родились Христофор Колумб и Америго Веспуччи, еще во времена похищения дочери финикийского царя Европы»¹²². Действительно, практика последних десятилетий свидетельствует, что универсализм, который презентуют США, не носит естественного характера и может называться агрессивным, потому что эта страна не в состоянии что-либо позитивное предложить миру.

Противоречия в осмыслении феномена глобализации в значительной степени обусловлены тем фактом, что отдельные понятия, с помощью которых традиционно обозначались взаимосвязи между конкретными государствами, включающие хозяйственную и культурную деятельность, в современном мире подменяются термином «глобализация». В результате происходит смешение многих близких, однако не тождественных понятий («интернационализация», «интеграция» и др.). Отраженные данными понятиями явления обозначают широкий диапазон разнообразных связей, фиксируя, по сути, сам факт выхода на международный уровень внутренних процессов, которые раньше были ограничены национальными рамками. Тем не менее, в социальной сфере между этими явлениями наблюдаются принципиальные различия, которые особо проявляются: 1) в условиях их возникновения; 2) в социально-исторических функциях; 3) в диапазоне охвата субъектов; 4) в глубине взаимосвязей между конкретными субъектами и др.

¹²²Гаджиев К.С. Заметки о метаморфозах либеральных ценностей // Вопросы философии. 2008. № 5. С. 26.

Одним из самых опасных следствий современной глобализации является не экономическое и даже не социальное обобществление, а игнорирование специфики вливающихся в новый мега-социум обществ. В частности, одним из следствий современной универсализации является глобализация мыслительного процесса, когда человек начинает проявлять лояльное отношение не к государству, а непосредственно к объединению, в которое он входит (этническое, религиозное и т.п.). В глобальном мире многие люди не несут никаких обязанностей по отношению к своей стране, в которой родились, поэтому подобная смена лояльности подрывает общественную солидарность. Вместе с тем, позиционирование глобализации как процесса, стирающего все государственные, национальные, религиозные и этнокультурные границы и формы является несколько упрощенным. Поскольку глобализация формирует базис общечеловеческой материальной и духовной культуры, то следствием ее является отказ страны или всего народа от различных типов идентичности (национальной, государственной и религиозной). В итоге представители конкретной социальной группы превращаются в космополитов. Таким образом, подобная глобализация приходит к своей закономерной стадии, когда усиливаются конфликты, связанные с борьбой за влияние и власть, за политико-экономические преимущества. Более того, как справедливо подчеркивает Ф.Х. Кесседи, «...попытки стереть различия в экономической, политической и культурно-религиозной сферах являются одной из причин совершения террористических актов»¹²³. В этом состоит один из основных парадоксов современного социального универсализма в виде глобализации. Подобная ситуация ведет к неопределенности ведущего вектора глобализации как универсалистского процесса во многом спровоцирована информационными потоками, приобретающих целенаправленный характер при помощи СМИ, Интернета и т.п. Ситуация усугубляется тем, глобализация представляет собой не только процесс, имеющий объективный характер, но и процесс, который не в меньшей степени опирается и на субъективные факторы, то есть на деятельность

¹²³Кесседи Ф.Х. Философия истории Фукидида и современность // Вопросы философии. 2005. № 7. С. 133.

человека, стремящегося реализовать свои планы. Открывающиеся возможности глобализации могут быть использованы и уже используются определенными социальными группами не в интересах гуманизма и социальной справедливости. «Навязываемая миру тоталитарная идеология глобализации отрицает любую коллективную идентичность: национальную (космополитизм), религиозную (экуменизм), социальную (индивидуализм), семейную (однополость) и даже в перспективе – человеческую (клонирование)»¹²⁴.

Информационное признание закономерности глобализации несет в себе попытку поиска объективной универсалистской основы в глобализационных процессах современности, которая, к сожалению, выступает механизмом для укрепления частных интересов отдельных стран. Вот почему современная глобализация аккумулирует в себе потенциальные конфликты, которые заложены в агрессивности субъектов глобализации, они же, исповедуя социал-дарвинистские концепции, расширяют свои возможности за счет беднейших. «Глобализация – это еще и исключение из экономических процессов 80% мирового населения. Глобальный мир – это система связи 20% населения планеты. (...) Локализация становится обратной, темной стороной глобализации. Локальный человек останется локальным навсегда»¹²⁵.

Можно выделить определенные особенности влияния информационных ресурсов на становление современного универсалистского мирового сообщества.

Во-первых, становление и утверждение глобального мира не стоит путать с его американской версией, хотя в современных условиях именно эта форма универсализации навязывается сегодня человечеству посредством СМИ, в то время как настоящая глобализация должна иметь абсолютную возможность принимать участие в процессе формирования и развития нового мироустройства.

Во-вторых, благодаря особой роли СМИ, базирующихся на современных информационных технологиях, либеральная глобализация начала формировать наднациональные органы власти и управления, которые, не будучи избранными

¹²⁴Евтушенко Е.А. Пассионарная теория этногенеза Л.Н. Гумилева: осмысление и попытка применения // Красноярск, 2014. С. 293.

¹²⁵Кудашова И.В. Кризис политики в процессе глобализации и локализации // Теория и история. 2004. № 3. С. 188.

законным образом, проводят политику монопольного управления мировым сообществом.

В-третьих, в нынешнем проявлении глобализация активизируется в направлении разрушения суверенных национальных государств и национальных сообществ, тем самым предоставляя шанс исключения элит из системы национального контроля.

Можно утверждать, что глобализация, которая реализуется в современных условиях в форме подчиненности субъективным интересам «избранных», ведет «(...) к исчезновению национальных культур, которые до настоящего времени являлись основой цивилизационного различия человечества»¹²⁶. Этот вариант социальной универсализации активно пропагандируют СМИ и Интернет. Можно констатировать, что современная форма универсализации находится за рамками естественной интеграции социумов, поскольку она тесным образом связана с насилием и в этом проявляется главная опасность глобализационных процессов на практике. С этой точки зрения глобализация может позиционироваться как война мировой финансовой олигархии против остального не западного мира. Отсюда следует, что глобализация, как она разворачивается сегодня, будет постоянно порождать проблему насилия, потому что субъективная сторона глобализации предполагает насильственную реализацию интересов мировых транснациональных корпораций, финансовой олигархии, составляющих политической и экономической элиты США и Западной Европы.

Таким образом, современная глобализация, которую нам ежедневно презентуют СМИ в качестве близкой к идеалу социальной системы, довольно активно реализуется в современной мировой практике в интересах отдельных субъектов. Современный проект универсализации в виде глобализации свидетельствует о навязывании определенных цивилизационных моделей, скопированных с вестернизированных обществ, и о внедрении этих моделей с

¹²⁶Кирвель Ч.С., Стрельченко В.И. Глобализация образования и социальные стратегии современности // Диалог поколений и культур в контексте глобализации: Материалы Международной конференции «Конфликт поколений в контексте информационной глобализации». СПб., Изд-во Политех. ун-та, 2007. С. 233-238.

незначительными и не затрагивающими сущности процесса отклонениями в конкретные государства и народы.

Несмотря на то, что процесс стандартизации является обязательной частью любой социальной унификации, однако на практике в конкретной глобализации встречаются некоторые отличия, потому что, насильственное преодоление национальной самобытности в каждом конкретном случае имеет свою специфику, ориентируясь при этом на общеобязательный образец. Тем не менее, максимально допустимое разнообразие этносов заключается в темпах приобщения к «вестернистскому идеалу», то есть каждый народ привносит в этот глобальный мир свою собственную специфику только в том случае, если принимает вестернистскую аксиологическую шкалу.

Под влиянием глобализации происходящие преобразования функционального характера, касающиеся наличия человеческого фактора в процессе информатизации общества. Дело в том, что владение информацией на любом этапе жизнедеятельности дает возможность открывать новые перспективы, а уверенность во всем происходящем наделяет человека умением прогнозировать и анализировать информацию, что создает условия для захвата власти. Главное отличие социального универсализма и современной глобализации состоит в том, что современные глобализационные процессы носят во многом амбивалентный характер, соединяя в себе не только естественные стремления социумов к единству, но также произвольные установки субъектов глобализации. Несмотря на то, что глобализация открывает большие перспективы в сферах экономики, политики, информации и коммуникации, параллельно с этим посредством информатизации нарастают определенные опасности. В таком качестве глобализация решительно меняет ход исторических событий, превращая историю из естественного процесса в процесс искусственный, управляемый в нужном для Запада направлении. Базисом глобальных концепций мирового развития выступает социал-дарвинизм, который является методологической и идейно-теоретической основой любой универсализации, рассматривая общество в качестве структур с определяющей биологической составляющей. В качестве

своеобразного базиса для современной универсализации вступала капиталистическая система можно, являясь более глобальной в охвате человеческого пространства, чем любая империя прошлых времен, поскольку ей подчиняется весь так называемый «цивилизованный мир».

Главная особенность подобных субъектов глобализации состоит в том, что они не только самостоятельно определяют политику центра, но также держат в своих руках экономические судьбы стран периферии. Далее Дж. Сорос в своих «47 тезисах о глобализации, в частности, отмечает: «41. Лагерь противников глобализации находится в оппозиции с международными финансовыми учреждениями. Последние, включая Всемирную торговую организацию (ВТО), подчинены цели создания и сохранения глобальных рынков. У нас нет других столь же эффективных институциональных механизмов для преследования тех общественных целей, которые выходят за рамки компетенции рынка. Это одностороннее развитие вызывает закономерные протесты. В то же время фундаменталисты-рыночники, которые в настоящее время имеют большинство мест в Конгрессе США, угрожают международным финансовым учреждениям с противоположного направления»¹²⁷.

Информационная основа глобализации тесным образом связана с распространением ценностных и культурных стандартов, которые институционально выражены в международных доктринально-правовых документах. Именно поэтому в своей сущности мировые преобразования либерально-демократической стандартизации оснащены довольно сложной и многоступенчатой структурой. В этом качестве они могут выступать в роли императивов развития социальных институтов не только политического и юридического направлений, но и этнополитического процесса, а также выравнивания процедурных рамок формирующихся институтов власти государственной и их легитимации посредством международных политических и общественных неправительственных организаций. Здесь роль информационных

¹²⁷См.: Сорос Д. Открытое общество. Реформируя глобальный капитализм. М.: Некоммерческий фонд «Поддержки культуры, образования и новых информационных технологий», 2001. 458 с.

технологий трудно переоценить, ведь конечным результатом подобной информационной глобализации является полная унификация систем правовых национальных государств. На этом этапе происходит нивелирование суверенных особенностей государственной власти и построение качественно других форм идентичности граждан, как заключительного акта подобной глобальной либерально-демократической модернизации. Эта, более глубокая сторона глобализации, которая, естественно, не афишировалась СМИ, поскольку большинство информационных ресурсов находятся в руках субъектов, задающий вектор всем глобализационным процессам.

Посредством современных информационных технологий глобальная социальная реальность размывает границы национальных культур, угрожая этническим, национальным и религиозным традициям, и входящим в их состав этносам, что актуализирует закономерный вопрос относительно перспектив прогрессирующей гомогенизации социумов, а также возможности их гармоничного сплава. На современном этапе реализации глобализационных тенденций происходит только изменение контекста существования конкретных культур, поэтому в современном мире на первый план выдвигается проблема стабилизации во взаимоотношениях социумов. Эту ситуацию В.А. Мамонова вполне справедливо комментировала следующим образом: «Разновекторное направление глобализационного процесса (...) реализуется преимущественно на уровне национальных государств и цивилизационных образований»¹²⁸. Это означает, что глобализация в нынешнем ее виде все-таки носит очаговый, локальный характер и не может пока позиционироваться в качестве социального универсализма.

Здесь стоит заметить, что хаотизация универсалистских тенденций носит условный характер, поскольку ведущий вектор – упразднение какой-либо идентичности – остается ведущим и не вызовет противодействия в среде, олицетворяющий ядро субъектов современной глобализации. Тем не менее, они продолжают реализовывать свои идеалы на уровне социальной универсализации.

¹²⁸Мамонова В.А. Глобализация в пространстве культуры: векторы развития // Credo New. 2006. № 1. С. 38.

Более того, как уже отмечалось, никакого единства в методах, например, экономической универсализации, быть не может, поскольку в основе культуры свободы западного мира стоит «свободный рынок». Как показывает исследование, проследить последствия современной универсализации возможно только на уровне материально-финансовых ресурсов и расширения диапазона свобод, вплоть до узаконивания педофилии и т.п. Соответствующую обработку общественного мнения проводят СМИ.

Неоднородность протекания глобализационных процессов в социокультурной, экономической и политической сферах, что предполагает исследование глобализации как нелинейного интеграционного процесса, то есть на синергетическом уровне. Именно поэтому выявление уровня влияния субъектов современного процесса глобализации на формы проектирования современной модели мироустройства требует соответствующего информационного обеспечения. Кроме того, механизмы реализации субъективных интенций различных социальных групп предполагают возможные сценарии ближайших метаморфоз, когда можно спрогнозировать несмотря на внешнюю хаотизацию процессов в результате реальных «победителей» и «проигравших», конкретных глобализационных процессов. Тем более, что современные информационные технологии ускоряют процессы массовизации человеческого сообщества. Несмотря на то, что процессы глобализации и массовизации являются сторонами одного потока, они все-таки по-разному влияют на сохранение идентичности социума, поскольку глобализация деформирует пространство и время, чем бросает вызов культурным, этно-национальным и прочим традиционным идентичностям. Массовизация же может проявляться посредством СМИ как локальный процесс и в большей степени зависит от конкретных условий, а также менталитета и сложившихся традиций в конкретном обществе. Здесь уживаются социально-универсалистские тенденции, которые прикрываются воинствующим национализмом. Посредством СМИ пока удастся осуществлять этот неожиданный синтез. Красноречивым в этом плане представляется слоган, настойчиво продвигаемый в Украине периода

президентства Ющенко: «Украина возвращается домой – назад в Европу!». Однако здесь наблюдается не воля всего народа и даже не в лице олигархов, которые владеют СМИ, настойчиво обрабатывающих народ в этом направлении.

Информационные потоки все больше внимания уделяют справедливости разнообразных постмодернистских сценариев: о смерти субъекта; о возможности как смысловом поле идентичности; о проективной идентичности; об игровой идентичности. Именно благодаря СМИ глобальные трансформации в их антропологическом преломлении, подтверждают постмодернистские объяснения глобализационных тенденций в человеческом сообществе. Массовая же культура приобретает все более глобальный характер, не имея препятствий на пути формирования всечеловеческого облика культуры. По справедливому замечанию Т.С. Воропая: «Масскультура не только обесмысливает поиск идентичности, она делает проблематичной ту самую личность, которая могла бы быть этой идентичностью озабочена¹²⁹.

Формирующееся глобальное сообщество предполагает генезис социальных институтов в такой степени, насколько оно соответствует потенциальному «мировому сообществу» (У. Бек), которое, согласно мнению субъектов современной насильственной глобализации создает принципиально новые коммуникации социального пространства. Однако в этом случае размывается социальная идентичность общностей, которые влились в новый мегасоциум, а система ценностей выступает как чрезвычайно подвижная и неустойчивая. Подобные тенденции провоцируют возникновение различных субкультур, которые появляются в результате соответствующей политики культурного плюрализма, обладающие, наряду с положительными чертами, негативным потенциалом. Эти отрицательные последствия проявляются, в частности, в дроблении социального пространства на определенное количество фрагментов, которые его составляют, то есть в потере целостности. Однако это не противоречит идеалам социальной универсализации, поскольку локальные

¹²⁹Воропай Т.С. Между глобализацией и масскультурой (несколько фрагментов об идентичности) // Философские науки. 2009. № 10. С. 12.

культуры в условиях глобализации, по сути, представляет особенности их коренного преобразования или нивелирования. На этом базисе формируются антиглобалистские движения. Это означает, что появившееся в американской глобалистике понятие «культурная глобализация» противоречит современным реалиям, что подчеркивает в своей статье В.Е. Салдина: «Вместо культурной глобализации следует признать сложный и неоднозначный процесс формирования глобальных культур, как правило, берущих начало от национальных и региональных»¹³⁰. Именно такое разногласие интересов, касающееся вопросов социальных различий, С. Хантингтон позиционировал как «столкновение цивилизаций»¹³¹. Естественно, что проявиться в полной мере эти процессы смогли только в условиях использования самых современных информационных технологий, которые, с одной стороны, способствуют сохранению лучшего культурного опыта, а с другой – навязывают чужие, неприемлемые стандарты. Вот почему актуализируются исследования локальных цивилизаций, выступающих не столько в качестве определенных уникальных общностей людей, компактно проживающих на определенной территории и периодически занимающихся экспансией (А. Тойнби), или сталкивающихся между собой (С. Хантингтон), сколько количество совокупностей конкурирующих моделей развития в основных сферах общественной деятельности. На этой основе определяются факторы, потенциально способны определять вектор развития глобализационных тенденций. Однако в существующих цивилизационных моделях развития окружающая среда и отсутствие единства человечества выступают в качестве главных препятствий на пути социального универсализма, поэтому любая «(...) деятельность предстает в виде взаимодействий между социальными обществами, экономическими, политическими, социокультурными системами в глобальном масштабе, которые трактуются как глобализация»¹³².

¹³⁰Салдина В.Е. Глобализация культуры: основные составляющие и тенденции развития // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования: 2010. № 6 (14). С. 354-356.

¹³¹Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. 1994. № 1. С. 33-48.

¹³²См.: Выходец Р.С. Глобальная геополитика и глобалистская парадигма теории международных отношений: предметная область, теория и методология / Р.С. Выходец // Новые горизонты глобального мира: сборник научных трудов. Балт. гос. техн. ун-т. – СПб., 2015. – С. 208-213.

От информационного оформления конкретного проявления идеи универсализации зависит, насколько конкретные проявления современной глобализации могут рассматриваться в качестве движущей силы перехода от одного общества к другому, формируя социальные объединения более высокого уровня. Из этого следует, что глобализация представляет собой переходный этап от модерна к постмодерну, от индустриального к постиндустриальному общественному порядку. Глобализация в подобных концепциях может выступать в виде конкретного исторического феномена, который обладает определенными экономическими, социальными, коммуникационными и т.п. параметрами. Однако более важным представляется то, что благодаря СМИ, Интернет и другим современным информационным технологиям постепенно сформировались представления, согласно которым глобализация выступает в облики некоего обобщающего символа перемен и расширения коммуникационных сетей. Одним из важнейших параметров этих перемен является беспрецедентное возрастание скорости информационного потока, а также качественное преобразование места и значения знаний и технологий. В этом плане вполне резонным представляется замечание А.А. Гамзаева, согласно которому процесс глобализации, «находясь в петле тесной взаимосвязанности с информатизацией, меняет лицо современной цивилизации, структуру ее производственных отношений. Все более отчетливо вычерчиваются контуры наступающего общественного социума – информационного общества»¹³³. Вместе с тем, процесс глобализации сопровождается усилением роли общества в регулировании процессов в таких областях, как: экология, демография, разоружение, наука, продовольствие, медицина. Трудно не присоединиться к важному тезису В.А. Кушелева: «...условием глобализации, а, тем самым, условием все большей трудности жизни

¹³³Гамзаев А.А. Глобализация и информационное общество // Глобальная безопасность и устойчивое развитие гецивилизаций: материалы Международной научной конференции. Санкт-Петербург, 18-19 ноября 2011 г., Балт. гос. тех. ун-т. С-Пб., 2012. С. 38.

общества на планете становится крайне важный обязательный процесс самоорганизации самого социума»¹³⁴.

Под влиянием неконтролируемых глобальных тенденций изменяется форма деятельности человека, провоцирующая соответствующие изменения на уровне общества, то есть, таким образом, формируется новая глобальность бытия, однако она основывается на изначальном традиционном потенциале. В этом состоит изначальная амбивалентность глобализации, ведь сложность в постижении глобализации обусловлена особенностями формирования глобального мировоззрения. Более того, с этим связана также противоречивость восприятия глобализации как формы универсализма.

Адаптация господствующей ныне модели глобализации, которая рассматривается в качестве базовой, иллюстрирует сложившееся соотношение национального и исторического элементов в этой однополярной глобализации и сводится только к максимальному приспособлению к конкретным условиям различных государств и народов. Однако выработка универсалистской парадигмы на новой социальной основе сегодня проводится как проявление самобытности местных объектов глобализации, что возможно непосредственно только в тех рамках, в которых они расцветивают универсальную парадигму в локальные, региональные оттенки. «Иллюзии конца второго тысячелетия рассеялись, и с началом третьего открывается новая историческая эра, пока неясная и непостижимая. История глобализации и глобализация истории выливаются в эпилог, в котором куда больше вопросов, чем ответов»¹³⁵. При этом, современному миру навязывается тезис либеральных экономистов и интеллектуалов, согласно которому глобализация представляет собой несомненный прогресс человечества в направлении к единству, достигаемому посредством разрушения идеологических, языковых, экономических и иных барьеров. Однако практика последних десятилетий показывает, что защитники глобализации заботятся не столько о духовном единстве человечества, сколько о

¹³⁴Кушелев В.А. Глобализация – современная форма организационной революции // Глобализация: pro et contra: Материалы Международной конференции «Глобализационный вызов истории на рубеже тысячелетий: приоритеты российской культуры и искусства». СПб.: Астерион, 2006. С. 225.

¹³⁵Страда В. Глобализация и история // Новая и новейшая история. 2002. № 6. С. 61.

превращении своих собственных ценностей в универсальные. Подобная глобализация является порождением не государства и социальных институтов, а информационных технологий, а также универсальных структур, денег, коммуникаций.

Принципиальное противоречие глобализации, порождаемое информатизацией, состоит в том, что максимально наиболее полно информационное сопровождение глобализации в политической области выражается в постоянной апелляции к общественному мнению, которое все чаще является предметом разного рода манипуляций. Современные политики, базируясь на новейших информационных технологиях, используют универсалистский характер современной глобализации, все больше отрываясь от своей традиционной задачи, которая состоит в защите интересов нации.

Однако, не решив, а усугубив существующие проблемы, современная глобализация добавила новые, которые так или иначе были детерминированы претензии субъектов глобализации на всеобщий, заранее заданный плановый универсализм. В этом проявляется начало новой эпохи, где социальные изменения будут нарастать в геометрической прогрессии, ведь сбой в сложных социальных системах приводит к более серьезному резонансу, чем в ограниченных социальных системах. Опасными признаками несовершенства социального универсализма в виде современной глобализации являются акты терроризма, а также технические и экологические катастрофы, экономические и финансовые кризисы. Отдельную угрозу представляют компьютерные вирусы, опасность которых также стремительно возрастает в состоянии резонанса¹³⁶.

Субъекты современного этапа глобализации при помощи мощных информационных ресурсов, раскрывают стремление сторонников вестернизма использовать возможности народов, населяющих страны периферии, и навязать им свое собственное видение мира в качестве оптимального. Важно подчеркнуть, что, например, для американцев главным было не осознание своей

¹³⁶Отчуждение человека в перспективе глобализации мира / Под редакцией Б.В. Маркова, Ю.Н. Солонина, В.В. Парцвания // Сборник философских статей. Выпуск 1. СПб.: «Петрополис», 2001. С. 5.

цивилизаторской роли в жизни этих народов, а уверенность, что развивающиеся страны повторяют путь западных стран как первопроходцы. Понятно, что американцы никогда искренне не интересовались происходящими в мире событиями, потому что роль первопроходцев не предполагала глубокого осмысления сложившихся культурных традиций, поэтому они всегда были довольно избирательны в коммуникационных средствах с этим внешним миром и рассматривали его как набор потенциальных дивидендов.

Подобная ситуация порождает множество альтернативных моделей, максимально отражающих этнические, религиозные и прочие особенности, иногда принимая радикальные формы. Глобализация резко усиливает тягу к конструированию локальной идентичности, которая угрожает национальной государственности, что проявилось в появлении даже специального термина «глокализация». Это понятие в максимальной степени характеризует амбивалентность социальных стратегий общественных единиц, который часто помимо своей воли втягивается в глобализационные процессы. При таком подходе предпринимаются попытки сведения всего многообразия разнообразных идентичностей к простой дихотомии: «глобальное-локальное», ведь не все идентичности могут легитимизировать свое существование при помощи общего исторического прошлого, которое предполагает связь с другими социальными группами. Дифференциацию и распад исторических общностей провоцирует децентрализация идентичностей, которая в свою очередь вызвана не простой, а общей, переориентацией их с уровня национального государства на локальный уровень, а более глубинными процессами, обусловленными реальными универсалистскими тенденциями современности.

В ряду различных проявлений современной глобализации особую роль играет Интернет, который также необходимо рассматривать в качестве важного инструмента глобализации, и указывать на связи между различными информационными ресурсами. Современные Интернет, СМИ и глобальное телевидение базируются на серьезной поддержке разного рода манипуляций, когда люди, не имея естественного места обитания, позиционируют свою

общность при помощи компьютерных сетей, и все чаще. Проблема состоит в мозаичном культе сегодняшней сетевой интеррелигии и интеркультуры, посредством которых происходит снижение противостояния между локальным и универсальным в социальном развитии. В этом плане можно говорить, что ведущей чертой современного социального универсализма является релятивизм, который угрожает уже не отдельным этносам, но и всему человечеству, поскольку оно постепенно теряет свою духовную сущность. При максимально широкой по содержанию и социально-временным горизонтам трактовке глобализации, которая предстает как процесс становления реальной целостности человеческого мира не только во всех материальных ее смыслах, но и в духовном понимании целостности. Так понимаемая глобализация охватывает внутренний мир социума и человека, а потому неизбежно включает психологические, идеологические и культурные компоненты, не ограничиваясь только планетарным, физическим, социальным и когнитивным пространством. В данной связи актуализируется проблема информационного обеспечения глобализации посредством истории, которая в этом случае выступает оправданием использования всех доступных человеку средств до максимального приближения к пониманию необходимости строить свою деятельность, признавая единство мира во всех отношениях, от духовных до экологических. «При таком понимании глобализации она предстает достаточно жестко детерминированным, почти неизбежным процессом, хотя и развивающимся сложно, через чередование прорывов и откатов, взлетов и падений»¹³⁷.

Глобализация в политико-стратегическом смысле – это процесс формирования социальной общности, где устанавливаются фактические нормы жизнедеятельности, которые претендуют на приоритетность над государственными и внутривосточными нормами. В этом случае государствоцентричные институты и окружающая жизнедеятельность общества разрушаются в пользу построения отношений, которые образовались между

¹³⁷Косолапов Н.А. О месте геополитики в эпоху глобализации // Восток (ORIENS). 2003. № 4. С. 139.

субъектами, организовавшими свою деятельность не только на международном уровне, но и в истинно глобальном контексте.

Международное пространство сегодня подвергается глобализационному давлению, которое, в частности, проявляется в том, что сетевая структура начинает приобретать «третье измерение» и трансформироваться в иерархическую структуру, пронизанную «вертикалью» глобального регулирования, правовых норм, систем безопасности. Глобализация, и все процессы, которые возникают благодаря ей, испытывают на прочность и адаптивность такие моменты как: модели поведения, относящиеся к традиционным, образ жизнедеятельности и способы видения мира, а еще ценности, ориентации и предрассудки, давно закрепившиеся в массовом сознании.

Глобализационный этап социальной универсализации провоцирует постепенное развитие постиндустриального способа производства, при котором постоянно увеличивается доля продукции, получаемой в результате интеллект-интенсивного производства, а соответствующие технологии становятся основой новых производительных сил. Они же основываются, соответственно, на интеллектуальных способностях человека, что повышает востребованность формирующегося креативного класса. «Непосредственным продуктом интеллектуального производства являются знания – фундаментально-теоретические и прикладные»¹³⁸.

Анализ проявлений сущности современной глобализации в ее информационном оформлении дает основания утверждать, что мир далек от реальной универсалистской основы. Более того, социальные группы теряют свое место в системе культурных ценностей, постепенно превращаясь в «массу», для которой культурная традиция представляет собой прошлое, которое никак не связано с настоящим и будущим. Современный мир выступает во всей своей плюралистичности и фрагментарности, что, как известно, характерно для эпохи

¹³⁸Трубицын О.К. Обоснование необходимости развития сетевых технологий управления // «Общество знания; философия, управление, образование». Материалы III Сибирского философского семинара (Всероссийской научной конференции с международным участием). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2013. С. 59.

постмодернизма, однако это не противоречит ее универсалистской сущности. Пока сущностные контуры глобализации носят довольно аморфный характер, однако на протяжении многих лет наиболее развитой в плане смыслополагания и охвата временного горизонта была универсально-историческая перспектива. Она сформирована в рамках Европейской общности, которая базируется на средневековом христианском понимании истории с его видением единства человеческого рода и трансцендентального божественного смысла истории. Потом была продолжена секуляризованная новоевропейская идея прогресса, объединяющая мировую историю при помощи соответствующих концепций философии истории.

Если последние глобальные процессы рассматриваются в политическом плане, то подобного нельзя констатировать по отношению к социальной сфере, когда в результате глобализации огромное множество трудящихся стали жертвами современных информационных технологий, имеющих далеко идущие последствия. В этом случае все более осязаемыми представляются отрицательные плоды ускоренной глобализации, проявляющиеся во все больших масштабах, которые видны в неравенстве доходов, и резко возросшей остроте конкурентной борьбы. Борьба различных социальных групп приводит к росту чувства незащитности, а также озлобления, связанного с несправедливостью жизни, ощущением сверхэксплуатации. В современном мире чрезвычайно важно не поддаваться внешним глобальным эффектам, которые якобы свидетельствуют о неизбежности универсалистских процессов именно в виде современной глобализации – важнее попытаться раскрыть внутреннюю логику ее. Попытка универсализма в виде глобализации состоит в том, что нарушается естественная среда обитания человеческого сообщества, разрушая границы. В этом состоит ведущий тренд современности, который несет в себе современная универсализация в глобальной форме. Все это осуществляется для того, чтобы удовлетворить неумное стремление мировой элиты к господству над большинством планеты, ведь в экономическом плане они приобретают все, в то время как остальные – самое скромное содержание. Понятно, что подобное мироустройство не может быть устойчивым; более того,

оно несет в себе разрушение не только сложившегося социального порядка, но самой человеческой сущности. К сожалению, информационные ресурсы глобализации позволяют разрушить и фундаментальную науку, а также осуществить демонтаж производства, что вполне соответствует логике универсализма, в какой форме он ни проявлялся бы.

Таким образом, анализ различных проявлений информационного обеспечения универсалистских тенденций в истории неизбежно подводит нас к информационному базису глобализации как формы универсализации. Глобализация аккумулирует в себе не только принципиально новые возможности, но и принципиально другие риски, чьи последствия потенциально предстанут весьма значительным, поэтому она не является автоматическим процессом, который завершится бесконфликтным и идеальным миром. Можно заключить, что глобализации не удалось привести мир к мультикультурализму, когда бы все национальные культуры взошли бы на свое определенное, равноправное место среди прочих культур в общемировой системе; мы наблюдаем унификацию культур, то есть их единое усреднение. В самой сущности глобализации имманентно закладывается опасный конфликтный потенциал, вызывающий ответную реакцию, проявляющуюся в повышенной потребности этносов в самоутверждении, а также сохранении своего образа жизни и национальной картины мира. Подобное стремление зачастую принимает повышенно агрессивную форму абсолютного неприятия масштабных преобразований в социальном пространстве и в данном случае огромному процессу размывания границ в противоположность ставится социокультурная закрытость, которая базируется на гипертрофированной гордости своей самобытности. Возрастает уровень насилия на этнической и национальной почвах, что приводит к многочисленным этнорелигиозным конфликтам, а также проявлению националистических маневров в политике и, в свою очередь, к увеличению региональных фундаменталистских движений. Более того, чрезвычайно актуализируются проблемы терроризма и национально-освободительных войн все также актуальны. Все вышеприведенное можно объяснить как вид специфической

реакции на процесс глобализации¹³⁹.

Информационное сопровождение глобализации создает условия для установления культурной однородности во всемирном масштабе, которая начинается с социальной массовизации. Однако более тщательно разработана технологическая составляющая информатизации, а гуманитарная – еще ожидает своих разработчиков¹⁴⁰. Главным фактором современного многополярного мира выступают культурные противоречия между различными цивилизациями, которые проявляются в социальном расслоении. В условиях глобализации необходима новая философия – философия взаимопонимания, предполагая выход на диалог Восток-Запад, Север-Юг. В.Л. Иноземцев подчеркивает, что современные социологи часто обращаются к глобализации, как ранее философы обращались к Богу, «когда все иные доводы и доказательства оказываются бессильны»¹⁴¹. Д. Къеза выразился еще более определенно: «производство ненужных вещей, сверхпотребление и злоупотребление природными ресурсами приводит к кончине экологических систем. А это уже не борьба между победителями и проигравшими, это борьба против наших детей»¹⁴². Действительно, социальный универсализм в форме глобализации не имеет внятных перспектив.

Адекватное понимание современных форм социального универсализма предполагает различение понятий «глобализация» и «интернационализация», хотя некоторые ученые рассматривают последнюю в качестве предглобализации, то есть определенного исходного этапа «(...) перемещения капитала и товаров, людей и мыслей, заложивший задатки целостности глобального мира, который, точно также подвергся деформированию процессами глобализации»¹⁴³.

Появление подобных совокупных социальных соединений не должно привести к разрушению существовавших до этого самобытных форм социальной структуры. Если учесть историческую практику интернационализации, то

¹³⁹Соколов К.Б. Глобализация культуры – благо или новая проблема? // Вестник Библиотечной Ассамблеи Евразии: Научно-практический журнал. 2009. № 1. С. 23-27.

¹⁴⁰Муксимова Х.В. К вопросу правового обеспечения информационной безопасности // Credo New. 2012. № 1. С. 151.

¹⁴¹Иноземцев В.Л. Вестернизация как глобализация и «глобализация» как американизация // Вопросы философии. 2004. № 4. С. 58.

¹⁴²Къеза Д. Мощная атака на Россию // Литературная газета. 2006. № 47. 22-28 ноября. С. 3.

¹⁴³Володин А.Г., Широков Г.К. Глобализация: истоки, тенденции, перспективы // Полис. 1999. № 5. С. 83.

гуманитарная составляющая включает в себя большую совокупность проблем, связанных с соблюдением свобод граждан и конституционных прав в области информационной деятельности, которое обеспечивает духовное обновление общества. Естественная универсализация представляет собой глобализацию, где гуманитарная составляющая играет принципиальную роль, поэтому ее перспективы пока не просматриваются. Тем более, что этот, более высокий уровень современной универсализации, вряд ли возможен без соответствующего информационного сопровождения.

Глобализация представляет собой процесс, в котором вещественный капитал, превращенный, благодаря информационным технологиям, в электронный сигнал, позиционирует себя в качестве освободившегося практически от каких-либо известных нам ограничений: пространственных, материальных, социальных, как местного, так и государственного уровня. Если подобные тенденции представляют собой победу времени над пространством, то в выигрыше остается элита, которая контролирует передвижение капитала, часто возвышаясь над государственной властью.

На смену доктрине «конца истории» пришла неорасистская концепция «конфликта цивилизаций», вызывающая из прошлого духов колониальной эпохи. В эпоху холодной войны по обе стороны занавеса говорили о «двух системах», а не «двух цивилизациях» или «культурах». Однако сегодня мы наблюдаем гражданскую войну между богатым Севером и бедным Югом, толкуемую не в экономических, а в культурных или цивилизационных терминах, то есть, по сути, в расистском ключе. А. Щипков утверждает, что перед нами новый, третий тоталитаризм¹⁴⁴.

Исследуя проблематику последних десятилетий, мы пришли к выводу о том, что глобализация выдвинулась вперед и заняла передовые позиции общественного познания, поскольку глобализация, основанная на все возрастающей степени взаимосвязанности процессов и явлений, в

¹⁴⁴Щипков А. Апгрейд теории тоталитаризма [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://lgz.ru/article/-38-6431-25-09-2013/apgreyd-teorii-totalitarizma/>.

интегрированном виде включает в себя качественно новые условия общественного бытия. В изучении различных аспектов глобализации ученые пытаются найти ответ на насущные проблемы современности, очертить основные тренды формирующегося общественного будущего.

Новейшие информационные технологии позволяют СМИ довольно убедительно проповедовать тезис о безальтернативности современной глобализации. Однако этим субъекты глобализации отсекают все надежды на построение более справедливого мироустройства. В историческом плане, на наш взгляд, глобализация является новой формой универсализации, выступая как продолжение мондиализма в истории, «сущность которого сводится, в конечном счете, к постулированию неизбежности полной планетарной интеграции, перехода от множественности государств народов, наций и культур к униформенному миру (...)»¹⁴⁵. Региональное социокультурное единство может стать реальным спасением от разрушительной унификации, которую несет в себе глобализация, поскольку эта устойчивая социальная единица, как правило, избавлена от опасностей национальных, религиозных и т.п. движений.

Можно отметить еще одно отличие двух форм универсализации – вестернизации и современной глобализации, – что было детерминировано самими субъектами подобных форм универсализации, а также возможностями, которыми инициаторы этих процессов располагали. Постепенно формировался сложный социальный перелом, который постепенно сопровождал глобальный мир «...от управляемой вестернизации начала XX века к хаотической глобальной конкуренции хозяйственных, социальных и культурных моделей, характеризующей его последние десятилетия»¹⁴⁶. Однако надо отметить общепризнанный факт, оказывающий большое влияние на эти явления общественной жизни, согласно которому глобализационные тенденции современности реализуется в двух основных контекстах: культурном и цивилизационном. Сравнивая особенности прежней европоцентрической

¹⁴⁵Пфаненштиль И.А., Пфаненштиль Л.Н. Россия и глобализация: проблемы и перспективы // Культура информационного общества. Красноярск, 2003. С. 64-65.

¹⁴⁶Иноземцев В.Л. Вестернизация как глобализация и «глобализация» как американизация // Вопросы философии. 2004. № 4. С. 62-63.

глобализации с особенностями глобализационных тенденций современности, позволительно заключить, что существующие между ними определенные отличия свидетельствуют о сложности выработки единого универсалистского базиса для потенциального человечества.

Таким образом, информационный базис глобализации как формы универсализации выступает в виде различных проявлений информационного обеспечения универсалистских тенденций в истории. О закономерности глобализационных процессов, как особой форме универсализации, то есть исторически необходимого процесса, можно говорить только в разрезе возможности максимального использования лучших достижений всех цивилизаций другими народами. Именно поэтому, в современном мире от западных лидеров требуется более глубокое научное понимание сущности глобализационных процессов и понимание глобализации международных отношений как объективного процесса, иначе мир будет состоять из конфликтующих социальных образований, которые не могут сосуществовать со всеми остальными, провоцируя конфликты различных уровней.

Таким образом, глобализационные процессы современности свидетельствуют об усложнении социальных связей различных уровней, а глобализация выступает в качестве важнейшего фактора интенсификации современной человеческой деятельности. Используя новейшие информационные технологии, она является универсальным детерминантом, стимулирующим основные элементы современного социального бытия.

Выводы по первой главе.

Проанализирован феномен универсальности как концепт, обладающий полиаспектностью в проблемном поле социальной философии. Универсалистская тенденция может выступать в качестве интерпретации современных социальных процессов, которая проявляется в структурных трансформациях, а также изменении базовых оснований социальной солидарности; включая причины, сущность и следствия универсализации мирового пространства. Кроме того,

универсальное выступает в разных формах и на различных уровнях как многосторонность и многофункциональность целого (его индивидуальность и автономность), поэтому сама категория «универсальное» определяется как максимально полное единство общего, особенного и единичного.

Концептуализация проявлений социального универсализма в истории играет важную роль для выявления смыслов и их динамики, которые заключены в разворачивающихся, исторически видоизменяющихся универсалистских тенденциях, приобретающих формы неоплатонизма, философии всеединства В. Соловьева и т.п. Выявлены исторические предпосылки гуманистического универсализма, представленные идеями древнегреческих философов о всеединстве, а также работы, где предпринимаются попытка доказательства единства бытия и мышления, которые сформировали парадигму универсализма, на основе чего уже постепенно вырабатывались основные принципы универсализма, то есть идеи всеединства, расположившиеся на базе всеобщего сущностного изоморфизма.

Вестернизацию как своеобразную форму универсализации мирового пространства, можно рассматривать в качестве информационного обеспечения глобализации как следующей, более высокой формы универсалистских тенденций в истории. Феномен универсальности проявляется в качестве концепта, обладающего полиаспектностью в проблемном поле социальной философии. Альтернативой традиционным формам философии выступает универсально-синтетический реализм, представляющий парадигму универсального философского синтеза знания. В новой же методологии универсальная совокупность вещи заключается в том, что признается всеобщность связей, которая лишена нивелирующего начала, характерного для универсалистских тенденций прошлого. Основания универсализации мирового пространства представляют собой не эманацию целого, а выступают как определяющие это целое, несмотря на то, что принципы видения этого целого могут серьезно различаться.

Концепция универсализма исходит из идеи единства многообразия, которая

опирается на представления о единстве универсальности как измерении всеобщности коллективного бессознательного. Дифференциация является одним из источников интеграции, поэтому идеи универсального реализма сочетают вместе следующие составляющие: аспекты монизма, дуализма и плюрализма. Одной из начальных стадий универсализации мирового пространства выступает европоцентризм, на примере которого хорошо прослеживается динамика соотношения тенденций дифференциации и интеграции в развитии философии. Процессы глобализации ставят перед современной наукой множество вопросов, главным из которых все-таки является проблема потенциальной возможности единой истории человечества. Для того чтобы найти ответ на этот непростой вопрос важно учитывать специфику интерпретационной сущности истории, формат и рамки которой закладываются культурной средой носителя исторического сознания.

Глава 2. Информационное сопровождение универалистских тенденций

2.1. Информационное обеспечение универсализма: реальные и виртуальные проявления

Важной особенностью нынешней универсализации мирового пространства является ее прямая обусловленность информатизацией и информационными технологиями, порожденными информационной революцией. Все это создало условия для парадигмального сдвига, суть которого выразилась не столько в количестве и скорости обращения информации, сколько в приведении к образованию сетевого общества с собственными субкультурами, формирующего при этом мощные по воздействию определенные средства виртуализации.

Подобные тенденции обусловлены тем фактом, что в XIX веке доминирующими рассуждениями в международной политике были национальные расхождения, которые связаны с территориальными определением нации. В XX веке их сменили идеологические расхождения между левыми и правыми, и они также были привязаны к территории. Можно утверждать, что расхождение между космополитизмом и партикуляризмом не определимо в территориальных терминах, хотя каждый отдельный партикуляризм имеет свои собственные территориальные претензии.

Универсалистские тенденции современности трудно рассматривать в качестве проекта, который предназначен для единого мирового правительства. Наиболее распространенное понятие о праве гражданина мира, предложенное И. Кантом, базируется на предпосылке федерации суверенных государств, поскольку право гражданина мира являлось набором правил, одобряемых всеми членами федерации.

Политические образования, привязанные к конкретной территории (от муниципалитетов и национальных государств до континентальных организаций) часто действуют в рамках набора общепринятых правил и в соответствии с определенными стандартами международного поведения. Гарантировать

выполнение прав человека и гуманитарного права могут только международные институты. «Подобно тому, как все больше признается вмешательство государственных властей в семейные дела для прекращения домашнего насилия, точно так же похожий принцип получил бы применение и в глобальном масштабе»¹⁴⁷.

Исчезновение социальной реальности является ведущей теории постмодерна, однако она, потенциально исчезая, постоянно конструируется в формах, самых неожиданных для конкретного общества. В этом плане представляется справедливым представление о различном понимании социальности, которое вводится Д.В. Ивановым. Различные формы социальных структур могут проявляться как различные формы взаимодействия, поэтому они значительно различаются по степени социальности, сложившейся в традиционных обществах. Такие феномены как антисоциальность возникают именно на этом фоне, то есть на уровне потоков, которые развиваются в сетевом пространстве. Координация взаимодействия, которая соответствует сетевому пространству, соответствует типу координации на основе селекции, не будучи связанной с традиционным смыслом нормативности¹⁴⁸. Понятно, что социальная практика в современном мире проявляется в различных формах социальности, которые во многом детерминированы пространством потоков.

Ресурсы социального субъекта в условиях подвижности социальной среды постоянно обновляются, что во многом связано с определенной ориентацией во внешней информационной среде. Нарастание интенсивности информационных потоков актуализирует проблему устаревания информации, поскольку обновление информационных ресурсов происходит с нарастающей интенсивностью. Новые социальные мобильности в этом случае обеспечиваются соответствующими информационными потоками. Именно поэтому информатизация приобретает широкое социальное звучание, оказывая воздействие на самые различные сферы жизнедеятельности общества. С этой

¹⁴⁷Калдор М. Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. С. 368.

¹⁴⁸Иванов Д.В. Актуальная социология, веселая наука в поисках злых истин // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. № 2–3. С. 57–58.

точки зрения информатизация общества проявляется в качестве социотехнического процесса. Подобный процесс составляет содержание перехода к информационному обществу от нынешнего индустриального.

Особенности информационного обеспечения универалистских тенденций проявляются в появлении симулякров, которые являются следствием хаотического взаимодействия вещей. Подобная ситуация детерминирована особым эффектом времени, которое утрачивает свой традиционный линейный характер, предъявляя нам призрачные копии объектов, а не их реальности. Если исходить из определения, согласно которому симулякр представляет собой знак явлений эмпирической реальности. В современном мире мы можем даже говорить о симулякре как неполной актуализации конкретных проектов, поэтому снятие законов, присущих этим явлениям, приводит к изменению их облика. Более того подобные трансформации достигают столь высокого уровня, что появляется возможность симулировать эти явления, способствуя постижению их смысла в виде набора знаков. Подобные симулякры в социальной сфере свидетельствуют не только о неполной актуализации эмпирической реальности, но также о попытке радикализации проектов, альтернативных традиционному порядку существования социальных объектов.

Ж. Бодрийяр описывает «симулятивное псевдобытие», фиксируя неподлинность действительности. Эти положения развивают тезис о семантической гипертрофии варьирования коммуникации (Н. Луман), подтверждая тот факт, что резкое увеличение сети коммуникаций ставит под сомнение человекоразмерную темпоральность. Информационные потоки, подпитывающие современные коммуникации, своими потоками приносят хаос в действительность общества, дезориентируя его. В условиях гипертрофированной социальной реальности общества постепенно обретают неподлинное бытие, утрачивают связь друг с другом.

Эволюция социальной формы деятельности связана с потенциальным уничтожением рациональной системы отношений, поскольку базисом их является увеличение потока информации, который представляет действительность. Дело в

том, что традиционная социальная форма деятельности в современном мире трансформируется настолько, что ставит под сомнение существование традиционных социальных структур, потому что частота информационного ускорения становится несоразмерной социальному бытию. Можно предположить, что проблема социального информационного ускорения во многом обусловлена интенсивностью социального взаимодействия, хотя во многом справедливо и обратное утверждение.

В.Е. Кемеров уверен, «что основное противоречие в проблеме социальной формы деятельности, обусловлено несоответствием между общезначимыми образами объекта восприятия и перспективами его углубленного освоения, намечающими нефиксированные тенденции его бытия»¹⁴⁹. Здесь на первый план выступает проблема «установления различий между общезначимой (интерсубъективной) и социальной формой представлений об объекте»¹⁵⁰. Поэтому чрезвычайно актуализируется вопрос о сущности понятия «социальное». Дело в том, что современные общества проявляются двояко: как общезначимая форма деятельности субъекта и как конструирование формы деятельности.

В современном мире чрезвычайно высокой является динамика становления социальности, поэтому социальная форма деятельности все чаще отрицает саму себя. Именно поэтому рефлексия социального сегодня включает два момента: становление деятельности, которая ведет к структурированию социального (Э. Гидденс) и общезначимые формы, выступающие в качестве социальных структур.

В то же время М.Н. Эпштейн акцентирует свое внимание на основном законе истории, в котором, по его мнению, «все больше проявляются диспропорции между развитием отдельного социума и социально-технологическим развитием человечества, для которого пока не существует пределов во времени, ведь каждое общество обязано аккумулировать в себе

¹⁴⁹Кемеров В.Е. Метафизика – динамика: к вопросу об эволюции метафизики // Вопросы философии. 1998. № 8. С. 59–67.

¹⁵⁰Там же, с. 59–67.

знания предыдущих веков»¹⁵¹. Вот почему все ведущие течения (марксизм, экзистенциализм, постмодернизм) концентрируются на решении ведущей проблемы, связанной с растущей диспропорцией между человечеством и человеком, которая формулируется как «царство абсурда», «гибель реального», «царство симулякров» и т.п.¹⁵² Именно поэтому резко актуализируется проблема отчуждения, которая возникла в XIX веке, и проявляется сегодня как проблема утраты реальности, поставленная в XX веке.

Сегодня мы можем наблюдать две тенденции, прокладывающие себе путь в социальных и мировоззренческих установках и указывающих пути преодоления социального кризиса.

Первая тенденция состоит в том, что наука как особая форма человеческой деятельности стремится к восстановлению с непосредственным субъектом этой деятельности – человеком. В этом плане она соотносится с человеческими качествами и потребностями, которые выражаются не только в виде социальных результатов, но и непосредственным образом. Подобного результата можно достичь на пути максимального усиления роли человека как субъекта научной деятельности. Вместе с тем, стоит отметить, что надежда на технические средства познания теряет то значение, которое придавалось ему на первых этапах научно-технической революции. При этом наука все чаще вторгается не только в социальную, но и в индивидуальную жизнь человека. Она существенным образом преобразует социальную жизнь, стремясь подчинить ее новым стандартам, которые не встречались ранее. Человек в единстве его социальных и биологических качеств становится одним из основных объектов научного познания, играя существенное значение в этом процессе. Наличие ряда специфических правил и запретов, которые встречаются в гносеологии, обусловлено требованием человеческих особенностей и условий исследования. Влияние этих факторов выражается в том, что они существенно деформируют многие нейтральные орудия познания, например, эксперимент, активно

¹⁵¹Эпштейн М. Информационный взрыв и травма постмодерна // Информационное общество: экономика, власть, культура: Хрестоматия: в 2 ч. / сост. В. И. Игнатъев, Е. А. Салихова. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2004. Ч. 2. С. 183–195.

¹⁵²Там же, с. 184.

вторгающихся в него, и представляющих подобные орудия как объективно необходимые. Благодаря этим факторам наука становится все более зависимой от социума, то есть «социологизированной», однако вместе подобная связь человека и науки все чаще индивидуализируется, приобретая личностный характер, однако теряя при этом свои анонимно-отчужденные формы.

Вторая тенденция отражает более общие процессы, которые обусловлены необходимостью социально-этического и гуманистического регулирования науки, что подразумевает управление ведущими научными направлениями не только в национальных и региональных, но и глобальных масштабах. Имеется в виду не только институционно осуществляемое регулирование, но также общественно значимое действие социально-этических и гуманистических принципов, которые выполняют регулятивную роль в науке на уровне сознания и самосознания ученых. Здесь наблюдается нечто новое, которое выражается иногда как радикально противоположное тому, что наука и общество знали до этого. Философски это можно обозначить как мировоззренческая ориентация науки и ученых.

Подобная ситуация связывается с внутренними изменениями а также с новым пониманием места и роли науки в системе современной культуры. В сфере методологии науки это выражается, например, в отказе от объединяющих возможности научного познания неопозитивистских установок и ориентаций. «Последняя тенденция наиболее отчетливо обозначается сегодня в ходе критики так называемого сциентизма, абсолютизации научно-технического подхода в решении основных человеческих проблем, противопоставляемого социальному и гуманистическому»¹⁵³.

На понимание универалистских тенденций в современном мире влияет также неоднозначный характер связей и отношений, господствующих в человеческом обществе, поскольку естественнонаучные проблемы, приобретают ныне не только новые параметры и масштабы, но также новое качество. Об этом

¹⁵³Фролов И.Т. Социально-этические и гуманистические проблемы современной науки // Человек-наука-гуманизм: к 80-летию со дня рождения академика И.Т.Фролова; Ин-т философии РАН. Наука, 2009. С. 208-209.

«свидетельствуют... глобальные проблемы, которые в своем развитии резко обозначили недостаточность любого научно-технического решения, взятого вне широкого мировоззренческого контекста, отвлекающегося от социальных и гуманистических аспектов и сторон этих проблем»¹⁵⁴.

Проблема исследования универсалистских тенденций состоит также в том, что господствующее течение политологической мысли всегда обращено к существующей системе государственного управления, поскольку оно обеспечивает реальную форму легитимации этой системы. В то же таким образом создается базис для предоставления рекомендаций о том, как действовать внутри этой системы. Нормативный же подход к политологии базируется на ведущем влиянии человеческого фактора. «Они останавливаются на том допущении, что люди сами творят собственную историю и могут выбирать свое будущее, по крайней мере, в каких-то определенных рамках, которые можно анализировать»¹⁵⁵.

Постсовременное неприятие реализма во внешней политике проявляется в том, что образ будущего описывается как неомедиевизм или анархия. «Сторонники данного направления мысли признают, что новые войны нельзя понять, используя старые термины, но в то же время они не в состоянии выявить в новых войнах какую-либо логику. Они трактуются в смысле гоббсовской «войны всех против всех». Этот образ является, по сути, отчаянным средством выйти из положения, признание нашей неспособности анализировать глобальные события»¹⁵⁶. Дело в том, что новые войны могут рассматриваться в качестве доминирующего цивилизационного столкновения, где сверхдержавы могут быть созданы вновь не на основе идеологии, а культурной общности.

Например, С. Хантингтон, выступая культурным релятивистом, сомневался в отношении глобальной универсализирующей миссии. Он полагал, что США не имеет больше потенциала, чтобы играть роль глобальной державы, поэтому их

¹⁵⁴Фролов И.Т. Социально-этические и гуманистические проблемы современной науки // Человек-наука-гуманизм: к 80-летию со дня рождения академика И.Т.Фролова; Ин-т философии РАН. Наука, 2009. С. 210.

¹⁵⁵Калдор М. Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. С. 355.

¹⁵⁶Там же, с. 356-357.

задача состоит в защите западной цивилизации в универсалистски настроенном мире. С. Хантингтон уверен, что права человека является чисто западным феноменом, поэтому не стоит навязывать западные политические ценности тем обществам, где они не приживутся. Однако, если США выполняют задачу сбережения западной культуры внутри самой страны, то это может проявляться в качестве разновидности глобального апартеида, где относительно гомогенные цивилизации, сплоченные «сверху» стержневыми государствами, становятся хранителями международного порядка, то есть путем взаимной конфронтации помогать друг другу сберечь чистоту соответствующих цивилизаций. Таким образом предлагается некая форма «блоковой политической мобилизации на основе эксклюзивной идентичности»¹⁵⁷. По мнению С. Хантингтона, великие мировые цивилизации «должны держаться вместе или же они погибнут поодиночке. В нарождающейся эпохе, столкновения цивилизаций представляют величайшую угрозу во всем мире, и международный порядок, основанный на цивилизациях, - самая надежная мера предупреждения мировой войны»¹⁵⁸.

Большую проблему для С. Хантингтона представляет тот факт, что в мусульманском мире нет стержневого государства, способного следить за порядком, то есть проект С. Хантингтона требует постоянного врага. Именно поэтому отсутствие ведущего мусульманского государства обуславливает хрупкость всей теоретической системы в целом, в основе которой геополитика. Цивилизационная безопасность обеспечивается стержневыми государствами, что «... имплицитно, дает основание для легитимности цивилизационных блоков»¹⁵⁹.

Моделировать государственные образования можно даже в том случае, если игнорировать изменения отношений между государством и обществом. «Для объяснения конкретных феноменов (...) приводятся такие, по-видимому, случайные события, как рост населения или урбанизации. Однако здесь не ставится вопрос о сути государственного управления, о том, как меняется

¹⁵⁷Калдор М. Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. С. 359-360.

¹⁵⁸Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. 1994. № 1. С. 532.

¹⁵⁹Калдор М. Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. С. 361.

характер политических институтов и дается мало объяснений тому, как от сегодняшней неопределенности мир переходит к новому цивилизационному порядку. Предполагается, что способом обеспечения порядка является защита территории цивилизаций, однако это предположение игнорирует сложность форм насилия, которое не считается ни внутренним и ни внешним, ни публичным и ни частным»¹⁶⁰. Именно поэтому, по мнению Р. Каплана: «Карта мира уже никогда не буде статичной. Будущая карта в определенном смысле «последняя карта» - в определенном смысле «последняя карта» - будет постоянно видоизменяющейся репрезентацией картографического хаоса, в каких-то районах благоприятного или даже продуктивного, а в каких-то насильственного. Поскольку карта все время будет меняться, ее можно будет обновлять, как сообщения о погоде и ежедневно передавать через Интернет в те места, где есть надежное электроснабжение или собственные генераторы. К этой карте будут все меньше и меньше применяться те правила, которыми дипломаты и другие политические элиты вот уже несколько веков упорядочивают мир. Решения главным образом будут исходить изнутри самих культур, подверженных действию этих решений»¹⁶¹.

Перспективы иметь государственное управление во многом зависят от эссенциалистских допущений в отношении культуры. Если даже игнорировать геополитические решения, которые обосновывает С. Хантингтон, и отталкиваться от государствоцентричных допущений прошлых времен, все равно трудно сегодня сформировать универсалистские альтернативные формы власти на глобальном уровне. В этом случае в качестве образца рассматривается холодная война, выступающая своеобразным водоразделом между насилием и хаосом: «Весь мой опыт говорит о том, что у нас нет некоего генерального решения этих проблем. Мы здесь ничего не контролируем. Общества становятся все более многочисленными и сложными, а поэтому идея того, что глобальная элита вроде ООН сможет проектировать действительность «сверху», не менее абсурдна, чем

¹⁶⁰Калдор М. Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. С. 362.

¹⁶¹Kaplan Robert D. The Ends of the Earth. P. 337.

идея того, что благодаря политической «науке» хоть какие-то из этих проблем могут быть решены научным путем»¹⁶².

Анализируя универсалистские тенденции современности, важно учитывать границы между теми, кто поддерживает космополитические гражданские ценности, и связанными партикуляристскими, эксклюзивными, иногда коллективистскими политическими позициями.

Современный этап универсализации подтверждает возрастание статуса информации не только по отношению к знанию, но и к социальным трансформациям. Это свидетельствует о формировании неоднозначной тенденции, характеризующейся преобладанием взгляда на «внешнюю» сторону сущего в общественном сознании, что особенно проявилось в распространении «картины мира», предложенной М. Хайдеггером.

Сегодня понятие информационного общества и обозначаемые им изменения в жизни людей объясняются обращением к экономическим категориям, к структуре занятости, к публичной сфере, к языкам коммуникации, к новоявленным технологическим процессам. Однако гетерогенность предметного поля исследования дополняется парадигматической нестыковкой существующих подходов: постиндустриализма, неомарксизма, глобализации, рефлексивной модернизации, постмодернизма и пр. Например, всемирное соперничество за «толерантность», располагающееся в рамках обширных тенденций омассовления, однозначно ведет к постепенному абстрагированию социального индивида. Процессы глобализации и информатизации общества довольно тесным образом взаимообусловлены и поэтому неизбежно оказывают воздействие друг на друга. При этом такое влияние носит синергетический характер, что в результате подтверждается усилением этих процессов.

Наиболее наглядно универсальность современной глобализации в ее реальных и виртуальных формах выступает в интенсификации человеческой деятельности, которая взаимосвязана с другими, являясь универсальной последующим критериям: элементам, факторам, связям и т.п. В контексте

¹⁶²Kaplan Robert D. The Ends of the Earth. P. 436.

глобализации социальный универсализм воспринимается как результат усложнения межкультурных связей, где изначально подразумевается равенство всех партнеров цивилизационного процесса.

Современная глобализация, являясь одной из форм универсализации, усиливает представления о том, что окружение человека становится все более абстрактным, что для его описания предполагаются соответствующие абстрактные понятия, трудно формулируемые в конкретных формах. Кроме того, с развитием общества происходят важные изменения в мировоззрении человека, а также усложнение общественных отношений и взаимосвязей, и эти трансформации не всегда удается конкретизировать в адекватных понятиях. Необходимо уточнение понятия «универсализм» по отношению к глобализационным процессам современности, которое должно подчеркнуть новую смысловую нагрузку объединительных тенденций современности.

Основным фактором, формирующим человека начала XXI века, выступают медийные коммуникационные технологии, потому что социальный субъект становится реально значимым только тогда, когда участвует в максимальном количестве медийных коммуникаций. Другими словами, статус данного субъекта во многом зависит от уровня его информированности. Дело в том, что широкоформатное поле медийной сети постепенно превращается в неотъемлемый атрибут современной жизнедеятельности, который являлся частью философской традиции, начало которой было заложено в работах Э. Гуссерля, а также разрабатывалось А. Шюцем и Т. Лукманом¹⁶³.

Методологическим базисом изучения особенностей проявления личности медийной социальной сети стала феноменология, потому что именно здесь господствует установка на множественность реальностей, где реализуется социальный субъект. Более того, основные процедуры, характерные для феноменологического подхода, а также соответствующие механизмы моделирования пространственно-временного потока сознания являются основой

¹⁶³См.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: «Медиум», 1995. 336 с.

для формирования создания социальной медийной сети. При помощи таких механизмов субъект воссоздает реальность на уровне ее intersubjectности, поэтому она становится достоянием любой субъективности, обладающей объективным по отношению к индивидуальному сознанию характером.

В течение последних десятилетий все более ощутимо проявляется кризис европоцентристского подхода к мировому сообществу, что нанесло ощутимый удар по целостной картине мира. Причину этого, как отметила Л. Стародубцева, стоит искать в безысходной ризоме, которую представляет собой современное знание: «...аморфно увеличивающуюся массу знаний, в которой из каждой точки, также как и множество тысячелетий тому назад, не прекращают литься обвинения и негодования по поводу утраченной мудрости в познании целого. Помимо этого, познание, в свою очередь начинает страдать «методологическим анархизмом», когда «все можно сравнивать со всем»»¹⁶⁴.

Процесс исследования универалистских тенденций современности затруднен тем, что они развиваются параллельно в двух плоскостях: реальной и виртуальной, что во многом инициировано информационной революцией. Неизбежное апеллирование к использованию массовых технологий обусловлено практическим расширением универалистского пространства, с одной стороны, и средств коммуникаций – с другой. Так по мнению Д.В. Иванова «жизнедеятельность социума в современном мире характеризуется преобладанием и предпочтением акта коммуникации над содержанием транслируемого материала, что свидетельствует о феномене виртуализации общества»¹⁶⁵.

Современные процессы развертывания информационной цивилизации предполагают всестороннее исследование особенностей информатизации, а также учет специфики проявления их в общественной жизни. В основе подобных тенденций лежат социальные трансформации, характеризующие современную действительность. Полноценное исследование глобализации, как очередного

¹⁶⁴Стародубцева, Л. Взгляд Линкея, или мир сквозь линзы умозрений // Вторая навигация: Альманах. Запорожье: Дикое поле. 2006. № 6. С. 195.

¹⁶⁵См.: Иванов Д.В. Виртуализация общества. Версия 2.0. СПб.: Петербургское Востоковедение. 2002. 91 с.

универсалистского этапа в мировой истории, предполагает более основательный социально-философский анализ именно информационной составляющей этих неоднозначных процессов. Особую роль в этом процессе играют виртуальные процессы, которые все в большей степени сопровождают современную социальную действительность.

Виртуальность является фундаментальной неклассической характеристикой реальности, характеризуя способность бытия потенциально содержать в себе бесконечное количество возможных миров, которые не наблюдаются одновременно, однако могут обнаруживаться при определенных условиях. В разрезе универсальности виртуальность может позиционироваться в качестве одного из гипотетических вариантов действительности. По мнению А.Д. Московченко, всеобщая виртуализация сознания в условиях множественности социальных фрагментов приведет к разрушению фундамента человеческой культуры, а, следовательно, к возникновению сервисно-технологического человека.

Универсалистские тенденции современности характеризуются тем, что сегодня происходит формирование воображаемой реальности при помощи новейших электронных средств, которая представляет собой жесткое дисциплинарное поле производства ангажированной массы. Любое общество находится под глобальным контролем безымянной сетевой власти, названной Ги Дебором «обществом спектакля», когда каждая жизненная драма, включая войну, преподносится как публичное зрелище.

Исследование особенностей информационного обеспечения универсалистских тенденций предполагает анализ различных коммуникационных уровней с позиций онтологии, то есть форм бытия социальных систем в условиях постнеклассической рациональности. Без подобного подхода не удастся отделить симулякры от реальных социальных процессов, как в истории, так и в современной действительности.

Анализ глобализации как наиболее значительной универсалистской тенденции современности показывает, что многие современные универсалистские

процессы носят виртуальный характер. Переход к информационному обществу, по мнению А.В. Ольшанской, характеризуется двумя противоречивыми процессами: значительное возрастание роли информации в социальной жизни сопровождается попыткой подчинения информационных потоков конкретным экономическим и политическим властным структурам. Подобная амбивалентная ситуация приводит к тому, что истолкованная по заранее заданным параметрам информация замыкает человека в определенном ценностно-мировоззренческом пространстве, в котором формируются условия для потенциальных конфликтов, ведь информационные потоки имеют четкую направленность на конкретного человека или соответствующую социальную группу. Попытка реализации универсалистских тенденций, например, в форме современной глобализации демонстрирует многослойность реальности, которая состоит из множества реальностей, детерминирующих друг друга. Целостность здесь возвращается через понимание трансрациональной природы этой всеобщности¹⁶⁶.

Особенность современных универсалистских процессов состоит в том, что глобальные информационные технологии, значительно расширяя диапазон коммуникаций, повышает степень социальных реализаций. Однако при этом перед обществом возникают новые проблемы, которые, предполагая решение посредством специальных наук, значительно выходят на высокий, обобщающий уровень общефилософского характера. Концептуализация подобных подходов значительно усложняет весь диапазон социальных связей, что позволяет использовать открывающиеся возможности в реальном или виртуальном пространстве. Дело в том, что превращение формирования сознания в выгодный бизнес является профессиональной болезнью всех пиарщиков, потому что решение реальных проблем при помощи видоизмененного сознания связано с большими трудностями. В результате государство теряет адекватность, что заметно, в том числе, на примере различных социальных институтов.

Виртуальные проявления универсализации в виде глобализационных процессов современности являются прямым следствием действительности массовых

¹⁶⁶Калмыков А.А. О виртуалистической природе коммуникации // Философские науки. 2007. № 8. С. 76-77.

технологий, различных коммуникационных устройств, влияющие на жизнедеятельность всего человечества. Исследование особенностей информационного обеспечения универсалистских тенденций предполагает разграничение симулякров и реальности, что вряд ли возможно без учета специфики неклассической картины мира. Ключевыми моментами неклассической картины мира выступают: 1) наблюдающаяся в масштабах Мегалактики барионная асимметрия Вселенной – подавляющее преобладание частиц над античастицами; 2) различные версии антропного принципа, непосредственно увязывающие четкое взаимное соответствие фундаментальных физических констант и возможности возникновения жизни и разума; 3) наличие универсальных и всеобщих эволюционных закономерностей когерентной взаимосогласованности и самоорганизации. По мнению В.Ю. Кузнецова, они «проявляются в самых различных областях и сферах действительности – в неживой и живой природе, в социокультурных механизмах и структурах»¹⁶⁷.

Для понимания сущности реальных и виртуальных особенностей современной глобализации как претензии на универсализацию мирового пространства важно учитывать неравномерность этих процессов, что обусловлено множеством глобализаций, которые с неодинаковой интенсивностью разворачиваются на локальных уровнях. В данном отношении более справедливо было бы говорить не о наличии центра и локальных окраин, то есть периферии глобализации, а о существовании разных ее центров и, соответственно, разных ее периферий. Внутри самой глобализации располагается первичная радикальная дифференциация, разделяющая человечество на глобализованную и локализованную части. Это означает, что существует заметное меньшинство, активно участвующее в глобализационном процессе, которое пользуется всеми благами и отрицает негативные стороны универсализма. В то же время подавляющее большинство, составляющее вторую часть человечества, как справедливо подчеркивает итальянский ученый, испытывает на себе в первую

¹⁶⁷Кузнецов В.Ю. Мир единства. М.: Академический Проект, 2010. С. 24.

очередь негативные результаты глобализации, будучи прикованным к своему партикулярному миру¹⁶⁸.

Одновременно с формированием универсалистских тенденций в мировоззрении человека, в его деятельности появляются новые черты, меняющие общество и формирующие глобальность его бытия. Сложность постижения универсалистских тенденций современной глобализации во многом объясняется противоречивостью определения этого явления, а также тем, что распространяются новые социальные процессы, обусловленные универсализацией мировоззрения максимально большого количества людей, которые усиливают развитие глобализационных тенденций. Однако, по мере развития общества, а также мировоззрения человека, растет количество общественных отношений и взаимосвязей, а также усложняется человеческая психика. Это приводит к тому, что все более абстрактными становятся представления о событиях, происходящих вокруг человека, поскольку многое довольно трудно сформулировать и выразить в конкретных формах. Вот почему для адекватного понимания окружающего мира все чаще используются абстрактные понятия, которые усиленно распространяются Интернетом и различными новейшими средствами информации, способствуя проявлению возвышенных или низменных сторон человеческой природы. Вместе с тем, необходимо подчеркнуть, что новейшие информационные технологии не могут создать нового человека, лишенного своей идентичности, тем более, что полноценная реализация интересов любого народа может состояться в рамках определенной цивилизации. Подобный подход учитывает трансформацию массового сознания общества, что во многом обусловлено формированием его в условиях различных моделей мира. Информационные фильтры в этом случае выполняют несколько функций: обрабатывающую, синхронизирующую, направляющую информационные потоки. Современная практика доказывает, что модель мира может полноценно реализовываться только с помощью СМИ, а также неофициальных каналов информации. Именно на этом базисе формируются

¹⁶⁸Страда В. Глобализация и история // Новая и новейшая история. 2002. № 6. С. 59.

и реализуются многие либеральные концепции, которые универсализируют мировое пространство.

Осмысление антагонистичности процессов международной интеграции предполагает использование различных концепций, в частности, например, марксистское учение выступило в качестве противоположной формы организации мирового пространства. Тем не менее, ученые и практики знают, что исторически идейно-смысловой контекст марксизма берет свое начало от христианского миропонимания о единстве людей, опирающегося на коллективистский базис. Более того, марксистско-ленинский лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» имеет свои истоки в христианских постулатах, серьезно трансформированных в современном мире. Современная насильственная форма экономической и политической универсализации на базисе вестернизма является альтернативой добровольному сближению народов на основе сотрудничества и взаимопомощи стремления. Историческая практика свидетельствует, что в период господства советской власти значительно ослабились этнонациональные основания ментальности восточных славян, что было связано с настойчивыми попытками в качестве новой исторической общности создать советский народ. Постепенно установка на самоотверженное служение коммунистическому идеалу, который является антиподом индивидуалистического типа развития, характерного для Запада, приобрела слишком буквальное значение. Этому способствовала манипуляция сознанием в ходе изощренной информационной войны, в рамках которой действительность современного европейского потребительского мира была выдана за осуществившийся идеал. Подобные трансформации в понимании универсалистских тенденций привели к расколу в среде ученых. В частности, французский философ А. Бенуа критически расценивает явление глобализации, опасаясь, что она погубит разнообразные национальные культуры и убьет национальную идентичность¹⁶⁹. Его мнение в той или степени разделяют Дж. Сорос, Р. Гюнтер и другие западные исследователи социальных трансформаций, и подтверждают серьезными фактами, что глобализация сопровождается

¹⁶⁹Бенуа А. де. Против либерализма. СПб.: Амфора, 2009. С. 175.

нарастанием хаотичности человеческого бытия. Это в свою очередь раскрывает (обнажает, усугубляет) проблему упрочнения существующего на сегодняшний день равновесия духовной жизни человека, взаимосвязи подобного развития с мировоззрением.

Многие истории противоречат действительности, однако значительная часть общества предпочитает жить в мире мифов и безоговорочно верить выдумкам и легендам. Не меньшее значение имеют и стереотипы. Ю. Манько вполне резонно отмечает важный аспект: «...расхожим клише антисоветской пропаганды новоявленных дипломированных «историков» постсоветской России, которые на протяжении последних 20 лет... остается – «расстрельный» 1937 год, как будто бы за 70 лет Советской истории ничего другого не происходило»¹⁷⁰.

Различные направления социальной универсализации конца XX – начала XXI веков имеют общую черту: посредством всего комплекса коммуникаций социальное пространство не просто объединяется в какой-либо традиционный коллектив, а создают новые, часто виртуальные комплексы. Реструктуризация международного пространства сегодня выступает в качестве главной отличительной черты и функции глобализации, сущность которой заключается не только в формировании новых социальных подпространств, обладающих нетрадиционными параметрами, но также в определении вектора развития мира.

Полноценная картина современного глобального мира может быть получена не только посредством использования традиционных параметров, характеризующих территориальный охват, но также и по особенностям организации в рамках этой системы подпространств, оформившихся раньше. В «периферийном» местоположении пространства мира процессы глобализации претерпевают изменения, находясь непосредственно под влиянием увядания среды обитания, а также невозможности воздействия на демографические процессы. Поскольку стабильность мирового порядка в первую очередь зависит от устойчивого развития каждого общества в отдельности, социальная

¹⁷⁰Манько Ю.В. Исторические спекулянты и спекуляции [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://credonew.ru/content/view/904/62/>.

универсализация именно в виде интернационализации предполагает гармоничное сосуществование народов, максимально уплотняя при этом контакты между регионами.

Государства, согласно «реалистической» парадигме, являются единственными законными субъектами мирового процесса, поэтому система международная стандартно представляется в качестве совокупности государств, которые, тем не менее, отличаются своими силовыми возможностями. Даже либеральная критика реалистической парадигмы не в состоянии противопоставить что-либо альтернативное государство-центрическому подходу, тем не менее, пытается трансформировать эту картину мира, размывая ее при помощи различных искусственных социальных структур (международные режимы и т.п.). Вот почему государство по-прежнему остается основным объектом социально-философского анализа, несмотря на то, что различные современные западные концепции пытаются противопоставлять государственные и общественные интересы.

В результате глобализации появляется новая реальность, включающая также виртуальные процессы, где принципиальное значение имеют новейшие информационные технологии. Сложность полноценного исследования особенностей информационного обеспечения универсалистских тенденций состоит в том, что они в истории проявлялись не только в реальных формах, но также могли приобретать виртуальные черты:

- 1) восприятие информации в качестве одной из ведущих экономических категории;
- 2) формирование информационного рынка, а также информационного бизнеса дает основания говорить об информационной экономике;
- 3) информатизации общества приобретает всеобъемлющий характер, поскольку проявляется использование информатизации во всех контекстах жизнедеятельности личности;

4) возрастающая «цифровизация» техносферы, а именно увеличение объемов продвижения цифровой техники и технологий прилично за границы информационной сферы общества;

5) глобализация информационной среды всего мирового сообщества посредством соответствующих сетей связи, включающих информационно-телекоммуникационные компьютерные сети, а также телевидение;

6) рост шансов для увеличения всего круга (творческих и интеллектуальных) способностей индивида при помощи различных средств информатики, в первую очередь, современных компьютерных технологий;

7) становление другого, информационного миропонимания и мировоззрения, приводящее к значительным изменениям в современной научной картине, что актуализирует новые методы научных исследований;

8) появление новой проблематики, которая обусловлена информационной безопасностью.

Социальный универсализм современного уровня в значительной степени детерминирован информационным фактором, что невозможно вне высоких информационных технологий, поскольку посредством которых формируются многие важнейшие интересы человека, общества, государства, да и, в конечном счете, всей мировой цивилизации. Более того, целенаправленное формирование посредством внутренних и внешних источников информационной сферы в состоянии наносить серьезный ущерб интересам конкретных социальных групп, что подтверждали конкретные исторические периоды. На уровне современных информационных технологий создаются условия как для консолидации населения вокруг благих или деструктивных действий. Примером могут выступать многочисленные «цветные революции», которые, как свидетельствуют многочисленные факты, готовились по конкретным сценариям. В качестве наиболее характерного примера может выступать Украина, где в максимальной степени проявляются угрозы для информационной безопасности социума.

Согласно А.И. Ракитову, информатизация общества, представляет собой процесс динамично увеличивающегося употребления информационной техники

для изготовления, переработки, сохранения и распространения информации. В настоящий период процесс информатизации создает условия для формирования – информационное общество как новой общественной структуры, которая олицетворяет собой в первую очередь преобразования в сфере социальных и экономических отношений, а не только на уровне производственных структур. Усиление универалистских тенденций на базе новейших информационных технологий сопровождается совокупностью методов и технических механизмов сбора, обработки и передачи информации, что значительно увеличивает объем знаний людей, развивая при этом их возможности по управлению социальными процессами. В то же время компьютеры и другие информационные средства не в состоянии изменить социальный процесс, который в этом случае приобретает новые формы благодаря открывшимся техническим возможностям, хотя специфика информационных технологий в подобном подходе раскрывается неполно. К появившимся за последние десятилетия технологиям относятся социальные сети, форумы, программы обмена мгновенными сообщениями, электронная почта, которые предоставляют инновационные возможности для коммуникации, а именно способность преодолевать те ограничения пространства-времени, которые невозможно преодолеть с помощью традиционных форм коммуникации.

В рамках современного технологического развития остро проявилась следующая проблема: имеющиеся способы и инструменты преобразования смысловой информации в некоторый текстовый вид не позволяют в полной мере отразить изначальный смысл, что приводит к его искажению и невозможности дальнейшего использования. Соответственно, знание, фиксируемое в знаках искусственных и естественных языков, тоже оказывается под влиянием данной проблемы. Данная проблема имеет существенное влияние на социальные коммуникации в IT среде, одной из которых является манипуляция индивидуальным и массовым сознанием при помощи средств массовой коммуникации в сети интернет. Всемирная паутина создала иллюзию пространства, основанного на свободном общении, априори воспринимающемся

человеком, но нельзя не отметить, что средства массовой информации и коммуникации, основанные на использовании IT технологий, все чаще несут в себе львиную долю недостоверной информации, недосказанных фактов и т.д.

Единые и универсальные моменты соединения мира значимым образом взаимообусловлены с местными и региональными; разнообразные картины мира и существующие представления постоянно пересекаются друг с другом, пытаются выразить реальное единство мира, которое неизбежно сложнее любых теоретических философских моделей. Историческое прошлое человечества с этой точки зрения должно восприниматься не как упорядоченная совокупность отдельных военно-политических и социально-экономических событий, а в первую очередь и особым образом в качестве живого многоаспектного процесса динамического преобразования всей многоаспектной культуры в единстве различных, взаимоопределяющих сфер. По мнению В.Ю. Кузнецова, происходит взаимопроникновение синхронного и диахронного подходов, «...горизонтального и вертикального видения и линий глобального и регионального объема всего, что входит в описание социокультурного комплекса»¹⁷¹. Отсюда следует, что мир все равно должен обладать целостностью, несмотря на фрагментарность и противоречивость картин мира. В свою очередь, фрагментарность и противоречивость картин мира может выступать как прямое следствие теоремы К.Ф. Геделя, в которой утверждается, что невозможно создать теорию, обладающую одновременно полнотой и непротиворечивостью. Здесь мы говорим о целостности другого рода, которая может быть осуществлена только на соответствующем онтологическом уровне посредством использования новейших информационных технологий, порождающих не только реальные, но и виртуальные коммуникации.

Прогнозы ведущих футурологов вынуждают готовиться к потенциальным проблемам, которые были следствием «сетевого тоталитаризма». Опасность безграничной социальной универсализации состоит в том, что одной из целей, которую ставят перед собой ее идеологи, состоит в установлении нового

¹⁷¹Кузнецов В.Ю. Мир единства. М.: Академический Проект, 2010. С. 31.

мирового порядка, сформированного на принципах всеобщей относительности, что несет в себе гибель культур. И.Б. Гасанов уверен в том, что в современной обществе «...человек фиксирует окружающий мир в своем сознании в виде различных образов, которые могут не точно, либо вовсе неверно отражать действительность окружающую его. При этом создаваемые в человеческом сознании образы в значительной степени определяют его поведение. Отсюда следует, что поведением человека можно управлять, формируя в его сознании нужные образы-представления, поддерживая одни, затеняя другие»¹⁷². Трудно не согласиться с этим, тем более что имеется множество примеров, подтверждающих обострение проблемы виртуализации по мере универсализации окружающего пространства. Здесь возникает опасность, о которой М.Г. Делягин говорит следующим образом: «Происходит резкое снижение ответственности, потому что когда вы работаете с виртуальными мирами, то забываете о существовании реального мира. У вас, с одной стороны, резко растет эффективность, скачкообразно растут ваши возможности, с другой стороны, у вас резко падает ответственность»¹⁷³.

Постепенно создается принципиально новая виртуальная «оболочка» предстоящего развития, которая отличается во всех ее основных чертах от существовавших ранее форм международных отношений. В этом случае, «...глобализацию можно определить, как процесс организации в единое системное целое множества пространств, возникших в разное время, составлявших сферу международных отношений и занимающих «нишу» от субгосударственного (внутристрановые регионы) до глобального уровней современного мира»¹⁷⁴.

Сторонники насильственной универсализации мирового пространства, опираясь на современные информационные технологии, используют множество методов для реализации своей идеи, чему подтверждением служат цветные

¹⁷²См.: Гасанов И.Б. Национальные стереотипы и «образ врага» // Психология национальной нетерпимости. М., РАУ. 1994. 40 с.

¹⁷³Делягин М. Глобализация как стержневая проблема грядущего мирового развития. «Круглый стол» в редакции «Международная жизнь» // Международная жизнь. 2000. № 11. С. 7

¹⁷⁴Косолапов Н. Россия: территория в пространствах глобализирующегося мира // Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 7. С. 14.

перевороты в различных странах, где максимально используется сетевая идеология и политика. На современном этапе государство является соперником сетей, поскольку сети изначально ориентированы на отдельные фрагменты социальной действительности, в то время как государство по определению, по своей природе, истории, территории, может быть только суверенным. Однако современное западное государство, находясь в постоянном противостоянии т.н. «гражданскому обществу», теряет свои первоначальные функции, что свидетельствует о кризисе национальной государственности классического типа и о заметном смещении от модерна к постмодерну всей западной цивилизации. Эта тенденция все острее проявляется не только на уровне онтологии, но и в гносеологии. Дело в том, что в современных западных сообществах исчезает непосредственное понимание (термин) истины социальной, поскольку истина в своей сущности универсальна, так как не может быть трансформирована как остальные субъекты современной глобализации. С этой точки зрения, можно заключить, что концепция «открытого общества», выдвинутая и обоснованная К. Поппером, направлена против истины, что свидетельствует о неустойчивости подобных общественных конструкций, которые подвержены серьезным испытаниям.

Многие социальные меры носят виртуальный характер, потому, что граждане не всегда способны до конца осознать тот факт, что государство является функцией глобального, а не наоборот. Благодаря этой особенности вся мировая история проявляется как бесконечные изменения в диапазоне всего социального пространства, наполненного политическими, экономическими и силовыми компонентами, которые периодически привязываются к конкретным географическим ориентирам. Новые ориентиры появляются с определенным интервалом, что приводит к перекройке пространства и возникновению новых государств на базе распавшихся предыдущих социальных объединений и появление новых конфигураций различных их частей. В двадцать первом веке мировое сообщество стремится единым взглядом охватить глобальную мировую

панораму, ведь степень осознания процесса универсализации была различной в разные исторические периоды.

Для современной гносеологии характерен переход к новейшей теории познания мира, который сопровождается отходом от «осевого» времени к философско-пространственному осмыслению бытия. Одна из отличительных черт подобной методологии состоит в перенесении событий в пространственный объем, то есть во внутреннее пространство и внутренний контекст. Геогенезис представляет собой новейшую методологическую парадигму, которая предполагает методологическое разделение окружающего мира по функциональному признаку на подпространственные части, включающие геополитику, геостратегию, информационное пространство.

Массовая коммуникация выходит на принципиально новый уровень вследствие универсализации и глобализации коммуникативного пространства. В свою очередь, становление массовой коммуникации неразрывно связано с развитием технических средств, а также с распространением глобальных компьютерных сетей. Подобное пространство сочетает в себе все виды массовой, публичной, межличностной коммуникации, создавая при этом вторую, виртуальную реальность, которая является фактически дополнением существующей действительной реальности, а не выступает копией или просто отражением ее.

За последние несколько лет интернет-ресурсы стали все чаще использоваться в качестве площадки для разжигания политических и межнациональных конфликтов, что особенно ярко продемонстрировала ситуация сложившаяся на Украине. Здесь были использованы новейшие информационные технологии, при которых проблема получения смысла из информации встает действительно остро. Дело в том, что от вида, в котором она передается, стороны конфликта кардинально меняют заложенный в нее смысл, влияя, таким образом, на массовое сознание населения.

Сегодня наблюдается разрыв между знаниями и неосмысленной информацией, который характерен для массовых коммуникаций, использующих

IT технологии. В данной связи Л.И. Рыженко справедливо отмечает: «все более растущий разрыв между массой накапливаемой информации и способностью людей осмысленно использовать ее – одна из основных проблем современного общества»¹⁷⁵. Подобная установка ведет к повсеместной направленности на манипулирование массовым и индивидуальным сознанием из-за неспособности личности и социальных групп противостоять информационному давлению, оказываемому на них постоянно, при помощи современных технических средств.

Предпосылками указанной проблемы можно считать несовершенство средств оформления информации, а также падение минимальной планки для участия человека в процессе накопления информации в интернете. Фактически сам тренд коммуникации с использованием IT среды был направлен на упрощение общения, быстрое получение информации, поскольку предполагалось вхождение в него все большей аудитории, но в итоге это привело к деградации качества накапливаемой информации. В свою очередь этот подход ведет к появлению информации, смысл которой вообще не может быть восстановлен. «Сегодня наблюдается усиление дисбаланса смыслового и информационного компонентов в социуме, с преобладанием именно информационного»¹⁷⁶.

Современная универсализация в виде глобализации во многом обусловлена технологической детерминацией, которая сегодня фактически заменила детерминацию жизни как социальной, так и духовной, исходящую раньше от всеобщего понимания долга, чести и совести, от этических и эстетических регуляторов. Постепенно личность, детерминируемая культурой, превращается во фрагментарный и несамостоятельный человеческий фактор, который управляется техникой. Вот почему современная техника и технологии становятся прерогативой.

Можно утверждать, что для периода глобализации как очередного этапа универсализации мирового пространства ведущим становится человеческий

¹⁷⁵Рыженко Л.И. Сети трансфера технологий, основанные на смысловых экспертных системах // Вестник СибАДИ. 2012. № 2 (24). С. 114-118.

¹⁷⁶Власкин А.В. Проблема утраты смысла и ее влияние на современные информационные коммуникации // Четвертый Сибирский философский семинар «Современная философия в России: междисциплинарные исследования в контексте традиций и инноваций». Омск, 15-17 октября 2014 г. Омск, 2014. С. 164.

фактор в отличие от социально-культурной личности, которая подвержена видоизменениям со стороны культуры, которая принята и стала внутренним достоянием конкретного социума. При этом фактор человека видоизменяется с внешней стороны под влиянием социотехнических систем.

Сторонники универсалистских тенденций, как правило, являясь нынешними сторонниками либерально-демократических, рыночных ценностей, часто говорят о том, что мировые реалии следует принимать вовсе не такими, как они есть в истинном смысле, а какими им следует быть. Другими словами, должен произойти отказ от реального мира в пользу идеального мира, который все чаще проявляется как виртуальный, который формулируется в кабинетах людьми, поставившими своей целью выработку рецептов для того, чтобы осчастливить человечество. При этом упор делается на конкретное преобразование систем ценностей, где располагаются мировоззренческо-парадигмальные конструкции жизнеустройства народов, а не только на смену неугодных Западу политических режимов. Поскольку информатизация в условиях глобализации является во многих аспектах стихийным процессом, то следует признать, что усиление информационных детерминант во многих сферах современного общества, а также интеграция достижений информационной практики в функционирование социальных институтов протекает вне целенаправленного и перспективного управления.

Идеология универсализма предполагает определенный уровень информационной культуры, но не устойчивых знаний. Информация представляет собой мощнейший инструмент формирования знания, но сама по себе она не является знанием, хотя может стать им при определенных условиях, решающим из которых является возможность критической оценки, анализа и селекции информации. Сторонники универсализма уверены, что человеческое мироустройство должно обладать целостностью, несмотря на фрагментарность и противоречивость картин мира, а также несовершенство их отражения в вербальных и невербальных формах.

Проблемы, связанные со свободой поисков истины, теряют свой смысл, когда навязывается единственная, универсальная истины. Без доступа к информации, без включенности в информационные потоки не будет знания, а получение знаний и доступа к информации составляют основу приобретения личностью профессии. Знание, являясь важным ресурсом развития, по мере перехода от индустриального общества к постиндустриальному развивает наши представления о том, как можно использовать его как ресурс развития и механизм управления развитием социальных систем.

Информация и научные знания во все времена выступали ключевыми детерминантами научно и социально-технического прогресса, но никогда ранее в истории человеческой цивилизации не обладали статусом доминирующего фактора технологического, экономического и социального развития. Серьезные успехи в области создания новых информационных технологий напрямую связаны с фундаментальной наукой и прямо пропорциональны очередным открытиям и прорывам в научной сфере, что в полной мере подтверждает социальная практика.

Целостность как ведущая характеристика мировой системы оставалась таковой во все исторические периоды, хотя социальная структура ее периодически могла выглядеть расчлененной по определенным правилам, независимо от внутренних изменений. В данной связи имеет смысл выделить следующую особенность современной социальной универсализации: в различных ситуациях целостность никуда не исчезает, сохраняя свою прежнюю форму. Потребность в системном анализе социальных проблем появляется, когда их масштаб возрастает до такого уровня, что их решение предполагает глобальный подход, становясь дорогостоящими, а также трудоемкими. В этом случае, для обоснования подобных решений, которые выступают в качестве предметов системного анализа, возрастающее значение приобретают рассчитанные на длительный период факторы. Ведущей причиной востребованности учета длительной перспективы выступает стратегический характер поставленных перед системным анализом целей.

Исследование особенностей проявления социального универсализма в современном мире предлагает системный подход. Задачи, которые имеют системный характер, в процессе решения включают следующие процедуры решений: планирование, проектирование, оценка. Потребность системного рассмотрения социальной универсализации как элемента устойчивости общества обусловлена серьезной обеспокоенностью обществ нарастающими тенденциями глобализации, а также перспективами развития цивилизации. Проблема состоит в том, что сторонники социального универсализма навязывают свою аксиологическую систему как единственно верную в своем универсализме, считая ее обязательной для всех народов. В этом случае не учитывает тот факт, что эти универсалистские ценности (права человека; политическая демократия; рыночная экономика) являются искусственным проектом, который создан на базе вестернистского опыта, исторически зафиксированного человечеством в течение последних трехсот лет. Подобная мировоззренческая парадигма оправдывает себя в конкретных политических и социокультурных реальностях, характерных для западно-центристского мира, поскольку выступает базисом для защиты образа жизни, который проявляется в определенной модели жизнеустройства, включающей соблюдение ценностей, принципов, институтов, пригодных только для конкретной социальной системы. Ситуация усугубляется тем, что в неоконсервативно-фундаменталистской трактовке подобная аксиологическая система проявляется как предельно редуцированном виде, имея крайне идеологизированный характер. У всех людей в мире, однозначно, имеется определенный набор ценностей основополагающих, в пример можно взять такие, от которых в зависимость попадает само человеческое выживание. И говорится здесь, в основном об избежании термоядерной войны, о необходимости противостоять различным катаклизмам природного характера, о защите природы – как среды обитания человека и т.д. Но все же, следует отметить, что даже такой ограниченный круг ценностей в понимании различных этносов будет весьма разнообразен. Следовательно, в том случае, когда преобладающее множество стран, вне зависимости от формы политического устройства, полагают

обязательным Киотский протокол и придерживаются его принципов, то США отстаивает позицию противоположности, основываясь на том, что приверженность данным принципам выступает в противовес их национальным интересам. Если для одних стран, человеческая жизнь понимается как высшая ценность, что на законодательном уровне проявляется в виде отмены смертной казни, то в свою очередь другие страны (к примеру, отметим США) придерживаются иной точки зрения, а следовательно отказываются признать человеческую жизнь высшей ценностью.

Информационные ресурсы современной глобализации как одной из форм универсалистской концепции во многом детерминированы идеей единства мира, отраженной в субстанциональной организации материи и проиллюстрированной в известном диалектическом принципе «единство в многообразии», то есть отсюда следует, что в диалектике базисом внутреннего единства, а также взаимодействия составляющих целое частей выступает субстанция. В основе взаимодействия всех его сторон находится субстанция, которая является причиной своей самости, поэтому выступает как интегральная имманентная часть всей целостности. Достижение подобного уровня восприятия социальной универсализации возможно только при наличии соответствующего информационного потенциала.

Значение информации усиливается во всех сферах социального пространства общества, а ее всеобщий характер в современном мире проявляется в информатизации общества, где она во всех сферах кардинальным образом изменяет традиционные формы и методы человеческой деятельности. На современном глобальном этапе универсальность часто воспринимается, понимается как реальный результат усложнения межкультурных и цивилизационных связей, а не в виде некой абстрактной логики развития, поэтому на первый план выдвигается задача преодоления оппозиции цивилизационного и универсалистского подходов к социальным процессам.

Для понимания целостности фрагментарно устроенного мира принципиальное значение приобретает понимание всемирного человечества в виде фрактала, что открывает принципиально другие возможности в вопросах

проявления самобытности и самодостаточности составных частей этой целостности. Только в этом случае просматривается диалектический подход: в многообразии можно увидеть единоборство, а в единстве – многообразие. Тем не менее, антисоциальность глобализационных процессов проявляется, в частности, в неравновесности социального поведения. Дело в том, что сложившиеся ранее поведенческие системы основывались на балансе действий индивида и общества, что и включает в себя цивилизованное поведение. Полноценная характеристика универсализации, а также выделение исторических периодов ее возможны только на базе оценки жизнедеятельности глобализации. Кроме того, предполагается оценка уровня социогенеза и социокультурной зрелости человечества, с позиций представлений о взаимосвязанном и взаимообусловленном мироустройстве.

Возникновение объединенных социумов не всегда должно приводить к подавлению существовавших ранее самобытных форм, о чем свидетельствует анализ соотношения реального и виртуального в универсалистских процессах современности. Вот почему следует утверждать, что негативная унификация представляется одной из возможных последствий процесса глобализации, однако не выступает в качестве ее атрибутивного свойства. Современные глобальные социосистемы настолько проникают друг в друга, что резко усиливают связность мира, доводя его структуру до высокой степени синтеза. Кроме того, глобализация значительно уменьшила информационное и транспортное сопротивление мира, поэтому тактические возможности различных социальных систем могут выравниваться. «Только безразличие (холодность) военного мышления «третьего мира» поддерживает в настоящий момент несбыточную мечту абсолютного преимущества Запада»¹⁷⁷.

Современные социальные универсалии могут проявляться как в реальном, так и виртуальном виде, что непосредственно зависит от того, насколько глубоки процессы информатизации социальной системы, если игнорируются специфика общественной жизни и тип общества. Все более совершенные информационные

¹⁷⁷Письма римскому клубу. Письмо пятое. Социомеханика: постиндустриальный барьер вместо экологической катастрофы / Д. Форрестер. Мировая динамика. М., 2003. С. 349.

симулякры содействуют формированию универсалистских тенденций в мировом пространстве.

Информация играет важную роль в продвижении универсалистских идей современности, показывая преимущество организационных форм процесса объединения человечества, базирующегося на современных информационных технологиях. Анализ различных проявлений информационного обеспечения универсалистских тенденций в виде современной глобализации позволяет заключить, что формирование стратегии информатизации и компьютеризации социальной системы представляется в виде неотъемлемого условия для обеспечения стабильного развития общества.

Таким образом, понятие «универсализм» требует некоторого уточнения по отношению к глобализационным процессам современности, поскольку оно несет в себе новую смысловую нагрузку объединительным тенденциям современности. Процессы информатизации социальной системы способны формировать универсалистские тенденции в виде современной глобализации, которая отличается от предшествующих исторических форм универсализма. Поскольку глобализационные процессы выступают не только в реальных, но и в виртуальных формах, современные формы глобализации воспринимаются как взаимодополняющие аспекты конкретной социальной общности.

2.2. Аксиологические особенности информационного базиса глобализации как формы универсализации

Аксиологический фактор, проявившийся в информационном обеспечении универсалистских тенденций, в значительной степени отражен в этике. Дело в том, что нельзя оценивать тяготение к глобальной этике как нечто, не имеющее достаточных оснований, выступающее исключительно в искусственном плане. Известно, что уже сократовская философия во многом была ориентирована на этот универсальный поиск. В следующие века не всегда осознанное стремление к универсальной этике продолжалось у киников и стоиков, представителей средневековой философии. Однако впервые универсальный характер человеческого разума обосновал Р. Декарт, а высшей теоретической точкой его стал И. Кант. В западной традиции настойчивое стремление к распространению картезианского культа разума по всему миру напоминало универсалистские тенденции в экономике и политике, однако, как сегодня стало понятным, современная западная философия выглядит наиболее универсалистской среди всех философских традиций¹⁷⁸.

Понимание аксиологических особенностей информационного базиса глобализации, выступающей в качестве особой формы универсализации предполагает учет влияния либеральных теорий, в которых свобода выступает в качестве конечной цели любого индивида как конечной единицы общества. Собственный интерес рассматривался как двигатель жизни, поэтому представители современного нелиберального направления часто с ностальгией вспоминают «золотой век».

Востребованность аксиологического фактора в проявлениях различных форм современного социального универсализма во многом обусловлена взаимодействием универсалистских и регионалистских идей XIX – XX веков, что привело к пониманию следующего факта: истинная христианская нравственность

¹⁷⁸ Даллмар Ф. Глобальная этика: преодоление дихотомии «универсализм» – «партикуляризм» // Вопросы философии. 2003. № 3. С. 14.

возможна исключительно в обществе коллективного труда, организованного на мощной научной основе. Сегодня на первый план выдвигается имеющая жизнь концепция объединения вышедшего на свободу труда, правильно организованного жизненного пространства множества народов и преимущества духовности.

Принцип социальной универсализации используется, например, Р. Хеаром в рамках современной этической системы для описания типичной ситуации действия и учета интересов всех людей. Ю. Хабермас и К.О. Апель, развивают этику дискурса, который предполагает использовать в решении моральных вопросов апелляцию к коммуникативному сообществу, которое носит неограниченный характер. В подобных концепциях социальная универсализация представляет собой форму выражения нравственных устоев, претендующих на общеобязательность. Важно подчеркнуть, что в отличие от построений И. Канта, эти теории не предполагают отказ от реализации на практике своих собственных интересов.

В XX веке проблема ценностей в философии воспроизводится в контексте размышлений о подлинном-неподлинном существовании человека. Устойчивым фактором социально-исторической памяти, который приобретает в современном мире особую важность, являются социально-исторические категории, которые не просто ассоциированы с ценностями, но также допускают значительную модификацию образа социального мира. Данный аспект приобретает особую важность в мире, подверженном кардинальным изменениям, поскольку решения принимаются на основе опыта, который может быть не до конца осмысленным. В то же время оперирование категориями, имеющими весомую ценностную нагруженность, часто приводит к искажению реальных отношений. Хотя даже в параметрах нахождения национальных государств все время оставалось много особенных «групп памяти», однако истории, передающиеся в данных группах, продолжали находиться на периферии официальной памяти, представляя собой различные варианты прошлого, картины которого транслировались

государственными СМИ, обеспечивая воспроизводство национально-государственной идентичности¹⁷⁹.

Значение аксиологического фактора в универсалистских тенденциях современности обусловлено тем фактом, что сознание, воспринимаемое как единое целое по отношению к бытию, характеризуется гносеологическими, праксиологическими и аксиологическими функциями, потому оно и есть отражение действительности. Причем ценностный мир субъекта в этой системе играет принципиальную роль, поскольку позволяет выделить понятие нормативно-ценностной общественной практики, где позиционируются три условно разделенных уровня социальной практики: материальный, социальный и духовный. Если материальный выступает как своеобразная материализация знаков, а духовный – в качестве определенных значений этих знаков, то есть как алгоритм социальной деятельности, то социальный уровень – непосредственно упорядочивание этих самых определенных действий в разнообразных нормативно-ценностных совокупностях. Собственно, посредством подобных процедур, по мнению Г. Тульчинского, происходит «личностная социализация как реализация осуществления неких социальных показателей во времени ее развития и преобразования»¹⁸⁰. Для нас важно, что в периоде своей жизни человек принимает участие в разнообразных нормативно-ценностных структурах, следовательно, универсалистские тенденции формируются на этом уровне.

Роль аксиологического фактора в информационной составляющей универсализации не столь однозначно позиционируется в среде исследователей. В первую очередь, проблема проявляется в трактовке аксиологических особенностей информационного базиса глобализации как формы универсализации, поскольку именно через систему ценностей можно доказать амбивалентность процессов глобализации. В свою очередь учет аксиологической составляющей информационного обеспечения универсалистских процессов современности предполагает учет глубинных онтологических истоков. Здесь

¹⁷⁹Комаров В.Д. Актуализация нравственного смысла // Теория и история. 2007. № 2. С. 21.

¹⁸⁰См.: Тульчинский Г.Л. Проблемы осмысления деятельности. Л., 1986. 177 с.

существуют различные мнения. Если для Н.А. Бердяева бытие обладает отрицательной ценностью, то для Ж.-П. Сартра бытие в буквальном смысле представляет онтологический нуль. Понятно, что в этом случае сложно говорить о ценностной направленности тех или иных универсалий, хотя стремление всегда присутствовало в традиционных религиях и философских учениях. Как свидетельствует А. Хамидов: «в плане ценностного отношения к миру Бытия и к миру Небытия философия Брахмана и философия Логоса занимают противоположные позиции, а философия Дао – своего рода срединную позицию»¹⁸¹.

Проблема аксиологического базиса универсализации также тесным образом связана с экологическим фактором. Н.А. Бердяев проанализировал предыдущие учения и предложил выделить два типа людей: «(...) находящихся в гармонии с окружающей средой, хотя эта гармония и относительная, и находящихся в постоянной дисгармонии с окружающей средой, хотя эта дисгармония и не абсолютная»¹⁸². Гармоничность и дисгармоничность в отношениях человека с окружающей средой зависят от степени духовности человека, от соотношения сознательного и бессознательного, цивилизованного и социализованного в человеке.

А.Я. Гуревич уверен, что человек «получает возможность воспринимать и осваивать мир в пределах и ракурсах данных ему его культурой, эпохой»¹⁸³. Как известно, мотивация, смысловые побуждения и ценности несколько притупляют активные действия человека в процессе жизнедеятельности, тем самым ограничивая ее¹⁸⁴. Подобные попытки регулирования могут проявляться на различных уровнях, поэтому между высшими ценностями и трансформационными изменениями когнитивные диссонансы неизбежны. Они усугубляются тем фактом, что информационный базис социальной

¹⁸¹Хамидов А.А. Философия Востока и философия Запада: к определению мировоззренческой валидности // Вопросы философии. 2002. № 3. С. 134.

¹⁸²Бердяев Н.А. О назначении человека. М., 1993. С. 75.

¹⁸³Гуревич А.Я. Школа «Анналов» и проблема исторического синтеза. М.: Индрик, 1993. С. 51.

¹⁸⁴См.: Шаров А.С. Система ценностных ориентаций как психологический механизм регуляции жизнедеятельности человека. Автореферат на соискание ученой степени доктора психологических наук. Новосибирск, 2000. 41 с.

универсализации во многом определяется аксиологическим вектором, который в значительной мере детерминирован сложившейся ментальностью, однако, по мнению Барри В. Джонстона, чем более длительно превосходит определенная ментальность, тем более множественно происходит скопление отклонений¹⁸⁵.

М.Г. Делягин обращает внимание на важные моменты, связанные с аксиологическим фактором универсалистских тенденций. «Если раньше формированием сознания занимались диктаторы и даже многие демократические страны типа США во времена Рузвельта с «фабрикой грез» Голливуда, выполнявшей важную социальную функцию, то сейчас это впервые стало коммерчески наиболее выгодным, наиболее эффективным видом бизнеса. Если раньше этим занималось государство или какие-то отдельные крупные структуры, то сейчас этим занимается любой фабрикант собачьих консервов»¹⁸⁶.

Классический идеал рациональности во второй половине XX века исчерпал свой потенциал и «стало понятным, что природу (а тем более общество) нельзя представить в виде гигантского механизма, составные части которого можно свободно заменять и работой которого можно манипулировать. (...) Понятия традиции, доверия, веры, авторитета, столь враждебные классическому представлению о рациональности, сегодня активно используются для понимания реального познавательного процесса»¹⁸⁷.

Проблемы информационного сопровождения универсальных идей связаны с изменением аксиологических установок, в частности, отношения к прошлому. Это связано с тем печальным фактом, что в современном глобальном мире социальная память уже не обязательно должна соответствовать исторической действительности, а часто для привлечения покупателя представляет собой своеобразный товар в соответствующей упаковке.

Для оформления универсалистского взгляда на мир, требуется мощная информационная поддержка, которая теряет смысл без четко определенного

¹⁸⁵Джонстон Барри В. Экзистенциальная феноменология и социология Питирима Сорокина // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. 2. № 2. С. 37-50.

¹⁸⁶Делягин М. Глобализация как стержневая проблема грядущего мирового развития. «Круглый стол» в редакции «Международная жизнь» // Международная жизнь. 2000. № 11. С. 6.

¹⁸⁷Касавин И.Т., Лекторский В.А., Швырев В.С. Старый и новый рационализм // Диалог культур в глобализирующемся мире. М.: Наука, 2005. С. 86.

аксиологического вектора, который, в свою очередь, опирается на историческое прошлое. Однако представители различных национальных общностей, которые проживают на территории одного государства, выбирают в качестве идеала различные исторические события, наиболее близкие их национальному самосознанию и национальной идентичности. Для современного исследователя исторические события приобретают новые аксиологические нюансы, что детерминировано не только возрождающимся интересом к своей культуре, но также способностью не противопоставлять себя аксиологической шкале другого этноса. Тем не менее, ценности, вдохновляющие целые народы на свершения, даже рискуя собственными жизнями, имеют свойство терять свою изначальную притягательную силу и даже превращаться в свою противоположность. Эта особенность любой аксиологической шкалы в полной мере используется сторонниками универсалистского видения и обустройства мира.

Амбивалентность аксиологической системы проявляется также в том, что универсализация в значительной степени детерминирована экономикой. Мифы о высшей ценности «естественной экономики» подпитывают сторонников западного образа жизни еще со времен А. Смита. Именно в условиях глобализации, как определенного этапа универсализма, основные идеи во многом опираются на так называемую «невидимую руку рынка». Современные сторонники универсалистских тенденций забывают, что «в виде немаловажного соблюдения обстоятельства продвижения А. Смит также видит нравственные позиции общества (...) по сути, показывающие самое государство, основу общества¹⁸⁸.

Ценность представляет собой своеобразную форму проявлений отношения между субъектом и объектом, где свойства объекта подвергаются оценке в соответствии с тем, как они удовлетворяют потребности субъекта. Характеризуя подобные аксиологические суждения, И. Кант подчеркивает, что приятным называется только то, что доставляет наслаждение; а прекрасным – то, что ему

¹⁸⁸Сергейцев Т. Суверенитет и лидерство как проект // Однако. 2012. 17 декабря. № 38 (147). С. 18.

только нравится; хорошим – то, что он ценит, одобряет, то есть в чем он усматривает объективную ценность¹⁸⁹.

Анализируя ценности с универсалистских позиций, важно осознавать, что они являются потребностями общественного субъекта, которые порождаются обществом. Именно поэтому оценка конкретных материальных или идеальных явлений действительности проявляется как общественно значимая, позволяющая человеку свободно ориентироваться в окружающем мире, преобразовывая его в процессе творческой деятельности. Аксиологические свойства социума имеют целенаправленный характер, ведь в процессе его становления осуществляется то, что должно соответствовать цели. Ближе всего социальное единство проявляется в оценке конкретного становящегося явления посредством ценностного подхода, где «целевой подход является одним из эффективных методов познания»¹⁹⁰.

По мнению И.Т. Фролова, комплексное человекознание сосредотачивает мысль на человеческой единственности, уникальности. «Сопряжение единство и единственности бытия в культуре – мощный стимул развития не только «отраслевых» философий, но и гуманитарного знания в целом»¹⁹¹.

Общность базовых ценностей предполагает создание аксиологических групп, которые на макроуровне существуют в качестве нации и территориальных групп, а на микроуровне – семьи.

Именно монополия на информацию создает условия для манипулирования сознанием не только отдельных людей, но также целых социумов. В настоящее время происходит злоупотребление, что реализуется посредством «массовой культуры», индустрии развлечений, монополии на научные знания и научно-технические разработки. Самыми большими возможностями в этом плане располагают различные разновидности организаторов, которые играют роль посредников. В.Н. Сагатовский справедливо характеризует большую социальную группу, где управленцы, финансисты и юристы «(...) не производят ни идей, ни

¹⁸⁹ Кант И. Сочинения в 6 т. М., 1966. Т. 5. С. 211.

¹⁹⁰ Фролов И.Т. Социально-этические и гуманистические проблемы современной науки // Человек-наука-гуманизм: к 80-летию со дня рождения академика И.Т. Фролова; Ин-т философии РАН. Наука, 2009. С. 212.

¹⁹¹ Фролов И.Т. Новый гуманизм // Человек-наука-гуманизм: к 80-летию со дня рождения академика И.Т. Фролова; Ин-т философии РАН. Наука, 2009. С. 394.

продуктов реализации идеальных проектов, поскольку они опосредствуют это производство, распределение и потребление его результатов, осуществляя контроль, способствуя организации необходимых связей, доставляя ресурсы и т.п.»¹⁹². Если частные интересы не совпадают с общими, то наблюдается множество возможностей использования своего положения,

Можно заключать, что основной проблемой организации социальной целостности является проблема соотношения базовых ценностей, поскольку их носители находятся в любых группах. В этой связи на первое место выдвигается вопрос о тех ценностных ориентациях, которые усиливают отчуждение между социальными группами.

Современная глобализация порождает множество социокультурных рисков, поэтому на современном этапе аксиологическая составляющая универсалистских тенденций проявляется довольно отчетливо, что связано со следующими факторами: 1) распространение новых информационно-коммуникативных систем и технологий; 2) диспропорциями в культурном развитии; 3) неравенством в информационно-коммуникативном пространстве; 4) возрастанием значения информационных потоков в социальном бытии; 5) трансформацией моделей этнокультурной идентичности; 6) негативной самоорганизацией и др.

Благодаря тому, что глобализирующийся мир не полностью разрушает разнообразную этнокультурную картину, сохраняется включенность социумов в систему довольно сложных взаимоотношений. Кроме того, углубление взаимозависимости народов в мире не уничтожает такие явления, как: регионализация и локализация в качестве процессов, которые имеют своей целью сохранение социальной суверенности. Вот почему в условиях глобализации ведущая стратегическая задача суверенной политики состоит в создании благоприятных условий для адаптации сообществ к изменившимся внешним обстоятельствам. Именно информационная составляющая должна помочь не

¹⁹²Сагатовский В.Н. Философия антропокосмизма в кратком изложении. СПб.: Издательство С-Петербургского университета, 2004. С. 158.

только избрать соответствующую аксиологическую шкалу, опирающуюся на безграничные возможности информационных технологий.

Культура сверхобщества исторически является британской, англосаксонской. Эта культура выросла на развалинах Британской империи, которая осуществила колониальный проект дважды: после потери США и Канады, заменив их Индией, Китаем, Австралией и Новой Зеландией. Недооценивать эту культуру было бы большой ошибкой. США же не имеют своей имперской культуры, она им была не нужна. Они никогда не защищали всерьез свою территорию от внешнего вторжения, если не считать собственно войны за независимость, никогда не противостояли еще распаду. США шагнули сразу в мир сверхвласти, оттолкнувшись от британской имперской культуры и от краха Британской империи.

В исторической перспективе именно превалирование элементов рыночного фундаментализма и экстремального либерализма в процессе устранения либеральными режимами своих прямых авторитарно-коммунистических конкурентов повлекло за собой рождение идеологии однополярной глобализации, связанной с формированием нового мирового порядка, выраженного в стремлении США поставить под свой контроль мировое развитие менее развитых обществ. Сложившиеся противоречия, согласно законам диалектики, формируют эффект прогрессирующего динамизма, проявляющегося в политических, экономических и культурных изменениях, которые ставят в ситуацию каждодневного выбора целые социумы. Кроме того, Америка является единственной сверхдержавой, политические решения которой весьма связаны с той внутривнутриполитической ситуацией, которая царит в самих США. Основанием внутренней политики служит балансирование достаточно мощного уровня использования населением Американских Штатов Севера. «Чтобы такого не случилось, США совершенно открыто используют все ресурсы Земли, которых они только могут достичь. Именно поэтому созданы планетарного уровня вооруженные силы, базирующиеся на системе военного присутствия во всех

ресурсных сферах планеты, поэтому у них такой флот и такие военные доктрины»¹⁹³.

Полноценное исследование аксиологической составляющей в универсалистских концепциях невозможно без анализа роли США. «Отцы-основатели устыдились бы тех действий, которые Б. Клинтон и М. Олбрайт позволили себе в отношении сербов. Это государство не нападало на США, никоим образом нам не угрожало, не пыталось втянуть в военное соперничество. Тем не менее, мы бомбардировали сербские города, заставляя сербов вспоминать гитлеровскую оккупацию, только за то, что они отказались обеспечить свободу передвижений по своей территории сепаратистов из Косово»¹⁹⁴. Ярким примером здесь может выступать самый значительный террористический акт в истории США. В данной связи П. Дж. Бьюкенен отмечает: «События 11 сентября 2001 года явились прямым следствием интервенционистской политики США в исламском мире, угроза со стороны которого не столь велика, чтобы оправдать наше бесцеремонное и настойчивое вмешательство. Мы ведь республика, а не империя. И до тех пор, пока мы не вернемся к внешней политике, завещанной нам отцами-основателями – воздерживаться от участия в распрях других стран, нам не суждено ощутить себя в безопасности даже в своем собственном доме»¹⁹⁵.

Аксиологические особенности информационных ресурсов универсализации особенно актуализируются при оформлении идеи однополярного мира, потому что эта концепция предполагает соответствующие специфические схемы мирового порядка, правила, нормы, а также механизмы его воплощения. За общечеловеческую часто выдается аксиологическая шкала, на которой посредством пиар-технологий базируется солидарность западных стран. Что предполагало господство американоцентристского мира, где США однозначно определяют скорость развития всего множества государств современности.

Западные социологи и политики выставляют на передний план именно образ жизни Америки, какая бы концепция глобализации, ни предлагалась бы. В

¹⁹³ Александров С. Кто зовет «в поход за демократию»? // Литературная газета. 2006. 4-10 октября. С. 3.

¹⁹⁴ Бьюкенен П. Смерть Запада. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. С. 331.

¹⁹⁵ Бьюкенен П. Смерть Запада. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. С. 332.

результате создается экономический культ, а все остальные мотивации и человеческие ценности тотально обесцениваются. Именно такую глобальную модель проповедают лидеры универсализации в виде современной глобализации, навязывая свою ценностную шкалу всему мировому сообществу. В последние годы осуждение внешней политики Соединенных Штатов, а также устанавливаемого ими международного порядка достигло громадных масштабов, и это является неприемлемым для большинства населения планеты, которые не разделяет вестернистскую систему ценностей и желают выступать в роли объектов. Даже само американское общество расколосось по вопросу оценки проводимого сейчас курса. В долгосрочном плане народы не желают нести на себе большую часть расходов, которые связаны с агрессивным присутствием идеологов глобализации.

Формированию устойчивых параллельных и перпендикулярных взаимосвязей в обществе, в виде фундамента его прочной основы, его стабильности, не способствует ориентация части представителей подрастающего поколения на примитивное удовлетворение личных интересов любым способом. Вот почему ведущей задачей современности является формирование у молодого человека потребности учиться жить, ориентируясь на лучшие образы прошлого, а также «развитие умения быть патриотом своей Родины, любить свое Отечество, достигать возрастания (увеличения) его потенциала. Историю удастся переписать, но невозможно от нее отказаться»¹⁹⁶. Социальные ценности являются важным фактором, детерминирующим особенности работы с исторической информацией. В этой связи историческая память представляет собой проблему рационального подхода к историческому прошлому, когда на первый план выдвигается проблема обоснования уникальной ценности существования социума в соответствующей, проверенной временем, общности. Для любого социума, подобный вектор развития является залогом символического баланса восприятия обществом собственной истории и сохранения у любого общества самоуважения.

¹⁹⁶ Николаев А.В. Формирование исторического сознания в контексте изучения истории России // Россия: прошлое, настоящее, будущее: материалы Всеросс. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 16–19 декабря 1996 г. СПб., 1996. С. 125-127.

Одна из ведущих проблем, возникающая в процессе универсализации, связана с управлением, потому что управление новым мировым сообществом, у которого существует масса внутренних противоречий, требует качественно новых организационных технологий и соответственного мощного государственного аппарата. Кроме того, необходимо учитывать сложные политические игры, которые всегда сопровождают новую целостность. В любом случае, должно быть то, что отождествляет свою судьбу с судьбой этого целого, а не его частей. Без этого конструкция не способна быть устойчивой, поскольку только путем приобщения к истории большое общее пространство становилось своим для отдельных народов. Однако то, что представляется иным образом проработанной и единственно всеохватывающей точкой зрения, на практике является хорошо проработанным проектом идеологов современной социальной универсализации, которые, естественно, не очень заинтересованы в учете ценностей народов, которые на данный момент выступают объектами подобной политики. Однако сторонники вестернистской универсализации полагают, что они представляют универсальные ценности. Они представляют себя в виде частицы того демократического экономического строя, и соответственно, приемниками тех этических положений, которые так или иначе достигнут признания во всем мире. «Исследования телевизионных СМИ доказывают, что сегодня можно внезапно оказаться в центре всеобщего внимания, стать составной частью обыденного сознания. Как следствие, понятие «зрелище» стало центральной категорией в жизни общества, а индивиды должны научиться играть в таком зрелище определенную роль. В этом смысле между массовой культурой, политическими презентациями или церковными праздниками не существует никаких конструктивных различий»¹⁹⁷.

При этом, в условиях современного полицентрического миропорядка различные идеи, сюда же включается и идея о правах и свободах человека, просто катастрофически нужны, в виде конкурирующих представленных идей, для того,

¹⁹⁷Кельнер Х., Зофнер Х.-Г. Культурная глобализация в Германии // Многоликая глобализация. М.: Аспект Пресс, 2004. С. 152-153.

чтобы сдерживать и в свою очередь находить противовес относительно других идей. Однако используемые в виде определенного каркаса, который составляет базис идеологического обоснования стратегии во внешнеполитической деятельности, далеко не всегда состоятельны. Подобные идеи предполагают множество издержек, непоправимых и негативных как для всего международного мира, так и для стабильности всего общества. Мы говорим о том, что при сегодняшнем положении вещей, подобный набор ценностей может быть представлен человечеству в виде обрисованного идеала, а не в качестве единственно правильного пути достижения решения проблем, возвышающихся перед мировым сообществом.

Еще один аспект, связанный с аксиологической составляющей универсализации состоит в том, что в универсалистском бытии теряет свою актуальность вопрос о свободе поисков истины, поскольку определенная истина декларируется в качестве единственной истины. В этом случае появляется угроза доведение до абсурда важного тезиса Нового времени «человек мера всех вещей» (Протагор), поскольку сегодня он ассоциируется с правами и свободами человека, где свобода человека не имеет никаких пределов. Выступающая в качестве измерения всех вещей, являлась бы примером социального дарвинизма, поскольку является отражением пресловутого закона, согласно которому выживают наиболее приспособленные к жизни. Базисом подобной философии является оправдание права сильнейшего, у которого находится резерв подчинить своей воле более слабого. Чрезмерная, весьма восторженная вера в человека и его возможности, а также и сам человек, предоставленный, в рамках определенных обстоятельств только себе, находясь под воздействием определенных условий, весьма и весьма может быть опасен для других людей и даже целых человеческих сообществ.

Универсализация несет в себе социальные трансформации, однако основной смысл их состоял не только в смене неугодных режимов, но также в кардинальном изменении аксиологических систем, на которых базируются отвечающие им страны. «В том случае, когда мы желаем защищать привычный

для нас образ жизни, но при этом не имеем альтернативной возможности, помимо той, которая нам предлагает бороться за него, выход видится в следующем. Такой подход означает только одно, – отстаивать значимые для нас ценности не только в наших странах, но и в географии всего мира»¹⁹⁸. К.С. Гаджиев справедливо продолжает, что главной целью, которая выходит на первое место, становится «(...) преобразование непосредственно менталитета, то есть ментального или парадигмального фундамента жизнеустройства окружающего нас незападного мира (составляющего около 4/5 всего человечества)»¹⁹⁹.

В аксиологическом аспекте (направлении, понимании) на первый план выходит информационное обеспечение универсалистских тенденций, где ведущую роль играют пресловутые «права человека». Любая попытка унификации самого понятия «права человека» свидетельствует только о незрелости всей планетарной цивилизации, которая не учитывает процессов самоорганизации. С позиций отечественных философов, представляющих, в частности, направление русского космизма, именно эти процессы могут выступать критерием развитости общества.

Универсалистские тенденции приводят к игнорированию характерных особенностей каждого социума, в котором формировались поколения, адаптировавшие социальные нормы к конкретным природным условиям. Понятие «свобода», которое является ведущим для европейских стандартов, принципиально отличается, например, от представлений о «правах человека» в исламском мире. Это порождает различия в интерпретации прав человека, «толкуемых под непосредственным давлением со стороны международно-правовых стандартов прав человека»²⁰⁰. Именно поэтому учет аксиологического фактора в универсализме предполагает четкое различие уровней социальных коммуникаций, которые в современных условиях реализуются в виде глобальных и локальных сетей. Однако опасно идеализировать распространенный тезис, согласно которому компьютерная сеть позволяет максимально подняться до

¹⁹⁸Гаджиев К.С. Заметки о метаморфозах либеральных ценностей // Вопросы философии. 2008. № 5. С. 26.

¹⁹⁹Там же. с. 27.

²⁰⁰Лукашева Е.А. Права человека: конфликт культур // Российское правосудие. 2006. № 6. С. 15-24.

абсолютного выражения индивидуальности, потому что в этом случае на первый план выдвигается не отдельный человек, а организация. Важно также отметить, что парадоксальную оценку влиянию глобализации на традиционные функции национального государства дают либерально-демократические политические силы. Поддерживая современный мировой правопорядок, они не видят его негативного влияния на национальные государственные институты, поскольку своеобразно определяют сущность самого национального государства. С позиций либерального подхода, национальным может именоваться то государство, где демократия выступает содержательной идеей, в то время как социум развивает единственно верную неразрушительную форму национализма – гражданский национализм. Выводя, таким образом, на первый план права человека и заменяя ими национальную принадлежность, сторонники данного подхода убеждены в положительном влиянии процессов глобализации в области большего освобождения личности, развития творческих способностей человека и экономической эффективности. Государство как центр сохранения национальной культуры, традиций, самосознания, не представляет для либералов ценности, поскольку они отказываются от самого понятия «нация» в его культурно-исторической и этнической интерпретации. Сторонники либерализма озабочены тем, чтобы оно было встроено в современную мировую реальность как гарантия его благополучия. При этом они связывают воедино судьбы людей только единым искусственным субстратом гражданства, определяя, таким образом, современное национальное государство. Современная миросистема представляет собой правовую и моральную структуру, которая принципиальным образом отличается от традиционных, периодически складывающихся в истории, поскольку суверенные государства действуют в межгосударственной системе, претендуя на исключительную юрисдикцию над всеми лицами, обитающими на их территории. Ярким примером подобных аксиологических трансформаций выступает Япония, которая следуя тезису «Для японского духа характерно использование западных технологий», смогла при непростых обстоятельствах всеобщих объединительных и унифицирующих процессов сберечь присущую ей этническую идентичность.

Подобную констатацию факта разумно было бы подчеркнуть и в рамках других стран Юго-Восточной Азии, которые придерживаются принципа: «Надо думать масштабно, но при этом действовать локально»²⁰¹.

Оценка аксиологического фактора в универсалистских тенденциях современности требует понимания того факта, что универсалистские процессы строятся на господстве информационных факторов над вещественным капиталом. Идею глобализации, которая представляет собой форму современного универсализма, можно рассматривать как завершение логики всеединства в своих предельных формах, тяготеющей к парадигме человекобожества. Дело в том, что аргументацию для оправдания глобализации часто ищут не только в универсалистских учениях, но и в традиционных религиях. Эта идея в рамках данной парадигмы сегодня реализуется в контексте эволюции технической цивилизации, однако подобный подход может привести к изменению ведущего вектора исторического развития.

Взамен средневековой раздробленности возник новый формат национального государства, как естественная институциональная оболочка для интегрированных в нее государств. Так, с тех пор, и существует национальное государство с неприкосновенными государственными границами, с принципом невмешательства во внутренние дела, что было многократно закреплено во всех известных мировых договорах. Впервые ведущая роль национальных государств была поставлена под сомнение в XX веке, где основными факторами стали США и СССР. В условиях универсализации важно определить, кто является сегодня титульной нацией, хотя культурная и языковая общность несомненна. Именно эти образования вырастают в новый ведущий социальный институт, вытесняющий Национальное государство, которое становится неспособно защищать новое транснациональное постиндустриальное разделение труда. Четкие контуры этого института еще размыты, но их влияние растет уже сейчас. Процесс самоорганизации крупных регионов, особо активно протекает на Ближнем

²⁰¹Кесседи Ф.Х. Глобализация и культурная идентичность // Вопросы философии. 2003. № 1. С. 79.

Востоке, представляющем собой по ряду причин исключительно благодатную для этого почву.

Аксиологические аспекты универсализации максимально проявляются в истории, поскольку социальные функции исторического знания становятся все более востребованными в зависимости от состояния общественной жизнедеятельности. Если знание выступает в качестве ведущего фактора жизнедеятельности людей, то на него возлагаются социальные функции, а историческое знание не просто обуславливает вектор развития, но также обусловлено способом внедрения исторического знания в конкретные проявления жизнедеятельности общества. М. Ферро проводит анализ трансформаций, которые претерпевает история, отмечая, в частности: а) институциональную историю; б) историю социально подавляемых групп; в) коллективную и индивидуальную память социума²⁰².

Полноценное понимание особенностей универсалистского этапа в мировой истории требует учитывать национальный образ (имагема), который определяет национальные стереотипы. Более того, имагология, выступающая в роли новой междисциплинарной области, приобретает принципиальное методологическое значение для изучения взаимоотношений между странами, народами и государствами в той ситуации, когда конфликтные взаимодействия становятся определяющими. Подобный подход базируется на тезисе о разделении культур на свою и чужую, где только своя воспринимается в качестве само собой разумеющейся. Более того, взаимодействие с другой культурой доказывает относительное состояние ценностей и норм, культур и в какой-то мере самой социальной действительности. «Национальные имагема определяются их Янусовой амбивалентностью и противоречивой природой. Результат такой амбивалентной полярности – различные их проявления (национальные образы в таком виде, как мы фактически с ними сталкиваемся), невосприимчивые к собственному устареванию»²⁰³. Однако практика последних десятилетий

²⁰²См.: Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М., 1992. 351 с.

²⁰³Leerssen J. The Rhetoric of National Character: A Programmatic Survey // Poetics Today. 2000. Vol. 21. P. 279.

подтверждает тезис, согласно которому ценности западных культур не в состоянии прижиться в странах незападного наклонения, поскольку это обусловлено их сущностью, хотя здесь важно различать позиции простых граждан и властей. Дело в том, что простые люди, когда оказываются за пределами границ так называемого западного мира, как правило, в первую очередь ставят во внимание личные интересы, но при этом отгораживаясь от всяческих преобразований социального строя пограничных обществ. Можно утверждать, что создание гражданских обществ за пределами незападного мира является целью не их граждан, а властной, мондиалистски ориентированной верхушки. Этот тезис хорошо иллюстрирует У. Макбрайд: «(...) Я хотел призвать неамериканцев соблюдать критическую дистанцию от всякого рода утверждений о том, что думает или не думает «американский народ» или «американские интеллектуалы», и особенно призвать их постоянно противопоставлять идеалы свободы, демократии, прав человека и гуманного социального обеспечения текущей американской политике, столь далекой от этих идеалов»²⁰⁴. Рядовые представители западной цивилизации «движимые индивидуализмом, исполненные толерантности и не ставящие перед собой недостижимых целей, они подсознательно ощущают то, что до сих пор не осознали западные правительства: переделать иной, чуждый им мир невозможно. Они не стремятся изменить мир – им достаточно менять самих себя»²⁰⁵. От того сможет ли западное общество предложить свое решение проблем, обусловленных насильственной универсализацией, которое принципиально отличается от традиционных призывов к новым крестовым походам против России, зависит будущее глобального гражданского общества.

Сторонники социального универсализма исходят из вестернистской аксиологической шкалы, стремясь скрыть факт о том, что такая «(...) глобализация представляет собой не процесс становления единой цивилизации, базирующейся на пресловутых «общечеловеческих» ценностях, а нечто

²⁰⁴Макбрайд У. Глобализация и межкультурный диалог // Вопросы философии. 2003. № 1. С. 87.

²⁰⁵Иноземцев В.Л., Кузнецова Е.С. Глобальный конфликт XXI века. Размышления об истоках и перспективах межцивилизационных противоречий // Полис. 2001. № 6. С. 136.

совершенно иное – экспансию «западной» модели общества и приспособление мира к потребностям этой модели»²⁰⁶. Вот почему столь важное значение в исследовании аксиологических особенностей информационного обеспечения современной глобализации отводится образованию, которое выступает в качестве одной из основных форм бытия человека, потому что оно входит в пространство «(...) размышлений о подлинном бытии человека, личности, индивида»²⁰⁷. Взаимодействие образования и ценностей связано с рассмотрением образования как ценности для социальных групп или всего государства. В последние двадцать лет взаимодействие образования и ценностей рассматривается в планетарном или глобальном контекстах. В современной отечественной литературе широко представлена точка зрения, согласно которой взаимодействие ценностей и образования рассматривается по принципу от общего к частному. Вышеуказанные авторы выделяют следующие уровни ценностей образования: ценность образования как государственная ценность, как ценность общественная и как ценность личностная. Первые два варианта соответствуют групповым, коллективным интересам. Третий уровень ценностей соответствует индивидуальным, субъективным представлениям о значимости образования для конкретного человека²⁰⁸.

Действительно, человечество имеет некоторый набор базовых ценностей, к их числу, например можно отнести те, которые непосредственно отвечают за выживание. Здесь можно говорить, в первоочередном смысле о предотвращении термоядерной войны, о противоборстве с различными природными факторами и их глобальными последствиями, о необходимых мерах защиты природной среды обитания человека и т.д. Но, тем не менее, все ценности и даже непосредственно те, о которых мы сказали чуть выше, имеют различное понимание и восприятие в концепциях множества народов и лиц.

²⁰⁶Иноземцев В.Л. Вестернизация как глобализация и «глобализация» как американизация // Вопросы философии. 2004. № 4. С. 60.

²⁰⁷Багдасарьян Н.Г. Ценность образования в модернизирующемся обществе или ценность знания в обществе незнания // Педагогика. 2008. № 5. С. 9-18.

²⁰⁸Ларькова Н.Л. Ценности и образование // Профессиональное образование в современном мире. 2016. Т. 6. № 2. С. 376.

Существует огромная масса человеческих угроз мирового масштаба, следовательно, для того, чтобы им противодействовать довольно таки часто возникает крайняя необходимость, когда в жертву приносятся общечеловеческие ценности. Повсеместно имеют место быть случаи, оказывающие угрожающее воздействие на безопасность всего человечества. Однако пока нет силы, способной поставить на карту ценности так называемого общечеловеческого или универсального плана, во имя созидания единства и жизнеспособности общества. «Немногим лучше обстоит дело и с общечеловеческой моралью – вторым важнейшим регулятором общественных отношений. Здесь хотя уже и обозначилась определенная система общечеловеческих норм поведения, а также соответствующих им общечеловеческих ценностей и неотъемлемых прав человека, тем не менее, ситуация далека от завершенности. Так, даже эти, казалось бы, общепринятые ценности и нормы поведения становятся предметом серьезных дискуссий и разногласий, когда дело касается их интерпретации в различных культурно-цивилизационных системах, например, Европейской, Африканской или Китайской, христианской, буддистской или исламской и т.п.»²⁰⁹.

Проблема универсализации социального пространства в либеральной теории состоит в том, что в ней на первый план выдвигается свобода отдельного человеческого индивидуума, поскольку смысл бытия человека может обитать, по их мнению, в пространстве индивида, которое рассматривается как суверенное. По мнению представителей различных либеральных теорий, общая ценность как достояние многих людей, объединенных в определенный социум, может формироваться только на базе свобод отдельных индивидов. Подобный подход часто приносит в жертву коллективные интересы нации, народа, человечества, поскольку в процессе общения люди оказывают непосредственное влияние друг на друга путем воздействия в ценностном и духовном аспектах. В этом случае людьми создаются общие ценности, которые консолидируют их в каком-либо

²⁰⁹См.: Чумаков А.Н. Глобальный мир и проблема: проблема управления / А.Н. Чумаков // Век глобализации. 2010. № 2 (6). С. 3-16.

социальном организме. Объединяясь на основе близким их ценностей в конкретные общности, население становится все более развитым, включая в аксиологическую шкалу все больше субъективных ценностей. А.К. Абишева уверена, что в подобных рамках общей ценностной системы проявляются черты, которые свойственны конкретной культуре индивидуума. В этом случае каждый человек может исповедовать свои ценности вопреки общим ценностным установкам данного общества, утверждая их в отношениях с другими. По мнению А.К. Абишевой, в «(...) этом складывается вполне развитая субъектная автономность индивидуумов в современном обществе»²¹⁰. Дело в том, что уничтожение традиционных рамок культурных ценностей является причиной многих негативных явлений в социуме. Фундаменталисты рассматривают свою систему ценностей универсальной и единственно верной, соответственно, пригодной и обязательной для всех народов. Любые попытки формирования национальной идеологии, которая не опирается на национальную модель мира, а также игнорирует сложившуюся систему ценностей, обречены на провал. Более того, подобный социум вряд ли устоит перед универсалистским давлением. Осознание специфики национального характера предполагает соотнесение его ведущих черт с общечеловеческими ценностями, которые, по сути, являются базисными социокультурными элементами, представляющими каркас универсализма. В качестве важного этапа универсализации выступает обязательная активизация транскультурного диалога, которая дополняется синтезом внутри отдельных локальных культур и цивилизаций. Разнообразные картины вселенной, представленные в многообразии культур и сфер деятельности человека. Важно подчеркнуть, что многообразие проявлений социальной активности, которые фиксируются в различных сферах человеческой деятельности, подразумевают определенное единство мировоззрений, что создают иллюзию однородности соответствующих представлений. «Поскольку люди живут в динамично развивающемся обществе и не могут контактировать друг с другом, так как потребность в коммуникации является одной из базовых

²¹⁰Абишева А.К. О понятии «ценность» // Вопросы философии. 2002. № 3. С. 145.

потребностей человека, то у них формируется необходимость в изучении уровней протекания полилога с Другим, что способно (...) улучшить качество коммуникации между респондентами, поскольку злобно-недоверчивые отношения людей малопродуктивны»²¹¹.

Перспективное существование человека в современном мире во многом зависит от удовлетворения социальных связей. А.Ф. Фаррахов справедливо подчеркивает: «Если индивид не имеет достаточно этих связей, наступает чувство одиночества. Одиночество можно описать как неприятное чувство, являющееся результатом взаимодействия личностных и социальных факторов»²¹².

Изменение социальной действительности вследствие выработки универсалистской аксиологической шкалы приводит к серьезным трансформациям во взаимоотношениях не только различных социальных групп, но и стран. Все более востребованным является новая гуманитарная политика по отношению к странам «третьего мира», когда наряду на первый план выдвигается не прощение долгов и даже не бесплатная раздача медикаментов, «(...) на первый план выдвигается постройка международных институтов, а не реальное принуждение к смене государственного режима, которое абсолютно не нужно к уже имеющимся реалиям»²¹³.

Научную типологию фундаментальных ценностей общества, которая включает целевые и инструментальные ценности, можно создать на базе представлений о социальной значимости различных форм взаимодействия между людьми. Дело в том, что модусы социальной значимости входят в число целевых ценностей, а в число инструментальных ценностей включаются условия их достижения с учетом их социальной значимости. Общечеловеческие ценности в этом случае составляют особую группу, поскольку представляют собой условия сохранения разумной жизни на нашей планете, однако аксиологические наборы,

²¹¹Иванова Е.М., Пономарев В.А. Уровни осуществления полилога с позиции теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса и их влияние на трансформацию традиционных концепций диалога в полиалоге // Вестник Челябинского государственного университета. Философия. Социология. Культурология. 2013. №33 (324). Вып. 30. С. 118.

²¹²Фаррахов А.Ф. Порочный круг одиночества // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Культурология. 2013. № 33 (324). Вып. 30. С. 94.

²¹³Этциони А. От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям А. Этциони. М.: Ладомир, 2004. С. 6.

характерные для конкретных социумов, серьезно между собой отличаются, определяя тем самым своеобразие каждого из обществ.

Можно подытожить, что современная социальная универсализация проявляется в глобальной стандартизации прав человека, провоцируя тем самым не только нивелирование отдельных социумов, но и потенциальные конфликты. Исторический опыт доказывает, что социальные условия, в которых проходит жизнь общества, актуализируют в общественном сознании процесс формирования образа мира, имеющего национальные черты, а также общественного интеллекта, воплощенного в ней. Реализация подобного подхода способствует отторжению любых ценностей, которые изначально чужды обществу и могут потенциально угрожать ему.

Таким образом, глобализационные процессы современности предполагают в качестве необходимого условия обеспечения новой парадигмы определенную стратегию информатизации социальной системы, сущность которой проявляется в позиционировании мира как упорядоченной целостности, из которой выводятся отдельные её части посредством ступенчатой конкретизации.

2.3. Информационное общество как исторический этап универсализации

В последние десятилетия резко возросло значение информации в мире, которая не только способствует научно-техническому прогрессу, но также трансформирует социальную структуру обществ, изменяя традиционные формы и методы их выживания и развития. Современный этап информатизации мирового пространства характеризуется всеобщностью, в частности, в том, что доля трудоспособного населения, которое связано с постоянным использованием средств информатики и информационных технологий, достигла 50 % от общего числа занятых.

Вместе с тем, важно подчеркнуть, что современный социум базируется на консервативных традициях, то есть сохраняет определенную структуру, отличительные черты которой имеют определенную иерархию. Таким образом, обеспечивается жизнеспособность и целостность всего общественного организма. Анализируя аксиологический фактор в современных универсалистских тенденциях, важно подчеркнуть, что в основе консервативного подхода всегда лежали национальные традиции и обычаи, а также сложившиеся общественно-политические институты, которые пытались приспособить к политическим принципам. Социальные институты в этом случае существуют на базе общественного договора, господствующей идеологии или национальных идеалов, которые направлены на достижение общественного идеала.

Усиление в образе жизни людей роли абстрактного подхода, по мнению Э. Гидденса и Н. Элиаса, началось в новое время как тенденция к высвобождению, дистанцированию и рефлексивности в любом социуме. В полной мере эти тенденции проявляются в информационном обществе, создавая базис для следующего этапа универсальности. В свою очередь Э. Тоффлер уверяет, что формирование информационного общества обязательно влечет за собой важные социальные изменения, что во многом детерминировано сферой информационного производства. В своей работе «Третья волна» Э. Тоффлер декларирует основные положения, которые касаются особенностей

существования в информационном обществе, освещая наиболее важные сферы жизнедеятельности человека. При всей утопичности многих положений его концепции, ведущие тезисы Э. Тоффлера все же базируются на довольно глубоких научных исследованиях и статистических выкладках²¹⁴. О.Н. Астафьева, исследуя особенности информационного общества, озадачилась вопросом: возможно ли в условиях данного этапа информатизации поддерживать этнокультурное разнообразие. Естественным продолжением является вопрос о реальных шагах, которые необходимо преодолеть мировому сообществу: «увеличивать ли дистанцию между культурами, всячески поощряя стремление к сохранению самобытности, усиливать ли экспансию и процессы унификации культур во имя достижения определенного культурно-цивилизационного уровня, или, напротив, сокращать различия между культурами за счет их адаптации к изменяющимся условиям»²¹⁵. Так, В.А. Лекторский, анализируя особенности становления информационного общества, показывает важность увидеть «(...) в другой системе ценностей, в чужой культуре не то, что враждебно моей собственной позиции, а то, что может помочь мне в решении проблем, которые являются не только моими собственными, но и проблемами других людей других культур, других ценностных интеллектуальных систем отсчета»²¹⁶.

Современное информационное общество имело первоначальное название «общество знаний», возникшее из персоналистической перспективы, которая подразумевала такое общество, где условием жизни и преуспеяния выступает постоянный процесс самообразования. Однако в подобных обществах знание постепенно превратилось в информацию, то есть рассматривается в качестве сырья и опосредует жизнедеятельность общества во всех ключевых областях. Информационное общество отражает собой трансформации, которые произошли в мире за последние десятилетия, когда кратно увеличивающиеся информационные потоки конкретизировали статус знания в качестве исключительной ценности. Имеется в виду тот факт, что информация

²¹⁴См.: Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2010. 784 с.

²¹⁵ Астафьева О.Н. Многообразие моделей этнокультурной идентичности в современном информационно-коммуникативном пространстве // Глобализация и перспективы современной цивилизации. М.: КМК, 2005. С. 106.

²¹⁶См.: Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001. 256 с.

представляет собой ресурс, который может противоречить истине, однако знание в подобной роли выступать не может. Одно не переводится в другое, ведь знание измеряется опытом и мудростью, а информация – битами и потоками. Кроме того, в информационном обществе понятие профессии получает новый смысл и содержание по сравнению с традиционным обществом. Из перспективы социального интереса информация является сырьем и продуктом общественной коммуникации, а знания – возможностью ее усвоения.

Современное либеральное общество занимается не «распространением знаний», а лишь обеспечением полноты движения информационных потоков. Это обусловлено тем, что оно не претендует на обладание критериями истинности познаний, оставляя это в компетенции личностной перспективы. Общество несет ответственность за информационную инфраструктуру, которая призвана обеспечивать всем информационное равенство и не должна допустить социально-информационных разрывов. В то же время современные государства ужесточают требования к знаниям и компетенциям каждого гражданина, что обусловлено вовлечением в глобальную конкуренцию различных локальностей. Хотя информационное общество часто по-прежнему позиционируется как общество знаний, однако на первый план все чаще выступают его противоречия, о чем свидетельствуют ученые: информационное общество – «...это общество риска, поскольку, открывая новые возможности, оно ставит перед человеком риски, которых не было ранее»²¹⁷.

На первом этапе при характеристике общества знания акцент делался на резко увеличившемся знании высоких технологий и информационных структур, что в свою очередь было прописано в различных концепциях постиндустриального, информационного, технотронного, сетевого общества. Концепция информационного общества, базируется на идее совершенствования информационно-коммуникационных технологий, способствующих достижению более высоких уровней обработки информации и обеспечивающих

²¹⁷ Диев В.С. Управление в «обществе знаний»: организации, риски, решения // «Общество знания; философия, управление, образование» // Материалы III Сибирского философского семинара (Всероссийской научной конференции с международным участием). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2013. С. 19.

беспрепятственную связь участников единого коммуникационного пространства, в этом заключается их различие. По мнению Л.Н. Соловьевой, общество знания более обширно и более эффективно, способствует расширению прав и возможностей, в отличие от понятия технологий и доступа к ним²¹⁸. В то же время представительница немецкой линии исследования К. Кнорр-Цетина с уверенностью говорит о том, что «(...) общество знания – не просто общество, в котором больше экспертов, больше технологических и информационных структур, а также авторских экспертных интерпретаций. Культуры знания вплетены в саму ткань этого общества, как и весь спектр процессов, практик, отношений, создающийся знанием и обретающий жизнь в ходе его производства. Раскрытие, распространение отношений знания в обществе – вот в чем следует видеть проблему, требующую скорее социологического, нежели экономического решения в исследованиях общества знания»²¹⁹.

Так, Г. Бехманн, исследуя природу современного общества, указывает на то, что при известных характеристиках целесообразно отличать знание от информации, поскольку знание является предпосылкой действия, а информация представляет собой знание, которое обработано и приспособлено для целей конкретного исследования. Г. Бехманн справедливо подчеркивает, что «знание отражает статический структурный аспект, а информация – процессуальный аспект коммуникации»²²⁰. По его мнению, существующие концепции информационного общества можно объединить в три основные группы, где информационное общество выступает в качестве: 1) информационной экономики; 2) постиндустриального общества; 3) общества знаний.

В рамках первой концепции индикаторами перехода к информационному обществу являются показатели информационной скорости и информационного индекса, объем производства и потребления информации, преобладание в структуре экономики информационного сектора по отношению к традиционным

²¹⁸ Соловьева Л.Н. От информационного общества к обществу знаний // «Общество знания; философия, управление, образование» // Материалы III Сибирского философского семинара (Всероссийской научной конференции с международным участием). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2013. С. 120-121.

²¹⁹ Кнорр-Цетина К. Социальность и объекты. Социальные отношения в постсоциальных обществах знания // Социология вещей: Сборник статей. М.: Территория Будущего, 2006. С. 278.

²²⁰ Бехманн Г. Современное общество: информационное общество, общество знаний. М.: Лотос, 2012. С. 106.

секторам – сельскохозяйственному, промышленному и сервисному. Согласно второй группе концепций, где информационное общество трактуется как постиндустриальное, утверждается, что ключевыми факторами постиндустриального развития выступает производство информации при помощи интеллектуальных технологий, которые являются результатом обработки информационных потоков посредством компьютеров. Это приводит к повышению роли информации в обществе теоретического знания и науки. В понимании информационного общества как общества знаний акцент переносится с процесса накопления теоретического знания в социальном сознании на распределения и воспроизводства востребованного комплекса знаний. Эти процессы являются социально детерминированными, поскольку в информационном обществе большое значение имеет не только знание, являющееся следствием развития науки, но также знание, которое создано, вне науки, ведь кроме общепризнанного научного знания в современном обществе актуализируются и другие источники знания. Стоит подчеркнуть, что принципиальное значение в информационном обществе приобретает не само знание, а его дефицит в конкретных областях для полноценного существования конкретных социальных институтов. В этом аспекте особо проявляется двоякая сущность научного знания, которое, с одной стороны, помогает рационализировать взаимоотношения социума и природы (естественнонаучное знание) и культуру общества (социальное знание), с другой стороны, стимулирует потребность в новом знании с целью преодоления порождаемых человеческой деятельностью опасностей²²¹.

Общество демократического типа, с одной позиции для простого человека предоставляет возможность оказывать влияние на принимаемые важные решения для общества, а с другой позиции обширное применение технологий комплектации мнения общества, благодаря свободе СМИ, навязывает гражданину какие-то сказочные представления. В мировом пространстве настоящего СМИ

²²¹Бехманн Г. Современное общество: информационное общество, общество знаний. М.: Лотос, 2012. С. 107-109.

образует поле реальности, в рамках которого свободный человек осуществляет свой выбор. Однако современная реальность демонстрирует другие стандарты. «Если отрицать государственное дело – нелепо, вредно и фальшиво, то переоценивать государственное дело – недопустимо опасно и губительно. Дело государства является, по моему убеждению, в полном смысле слова вторичным, предварительно-отрицательным, не абсолютным, не праведным; и все же необходимым, ответственным и могущественным делом»²²².

Немаловажное значение приобретает тот факт, что глобализация информационной сферы общества детерминирует основательные социальные, психологические, экономические, геополитические и культурологические последствия. В результате распространения новых информационных технологий мировое сообщество не только выходит на более высокий уровень технического прогресса, но также происходит формирование нового, информационного общества, которое приобретает универсалистские черты. Ускоряющиеся процессы социальной универсализации приводят не только к значительной мобильности различных социальных групп, но также трансформируют мироустройство, нивелируя социокультурные идентичности. Важно подчеркнуть, что подобные процессы социальной универсализации характеризовали различные исторические этапы, в частности, значительный рывок в расширении социального пространства происходил уже в эпоху великих географических открытий. Подобные тенденции не приводили к формированию информационного общества, хотя расширение социального пространства во многом было обусловлено усилением информационных потоков. Тем не менее, именно глобализационные процессы современности создали условия для формирования единого целостного социального комплекса. В этом плане можно утверждать, что информационное общество является следствием реструктуризации мирового пространства, причем постоянно возрастающие возможности информационных технологий выступают в качестве главного признака и функции любого универсализирующегося пространства. «Сущность универсальной реструктуризации международных

²²² Ильин И.А. О сопротивлении злу силою // Русское возрождение. 1978. № 3. С. 255.

отношений заключается в фактическом создании новой архитектуры пространств, которые будут определять жизнь и развитие мира в первой трети века: глобальной как по территориальному охвату, так и по организации в рамках этой архитектуры ранее возникших и оформившихся основных пространств»²²³. Идея глобальности возникает в эпоху географических открытий и затем воспроизводится в XXI веке, удерживаясь в сознании как проблема промышленного общества²²⁴.

Понятие информационного общества вошло в наш лексикон почти полвека назад, но, тем не менее, интерес к нему только возрос, что связано с усложнением сфер жизнедеятельности человека, попадающих под влияние «информации» во всех ее проявлениях и видах. В соответствии с этим усложнились и предметные области социального знания, порождая соответствующие социальные структуры, потенциально формирующие информационное общество. Сегодня понятие информационного общества и обозначаемые им изменения в жизни людей объясняются обращением не только к новоявленным технологическим процессам, но и к экономическим категориям, к структуре занятости, к публичной сфере, к языкам коммуникации и т.п. В связи с этим в последнее время активно обсуждается проблема формирования глобального информационного общества, многие черты которого все более явно прослеживаются в экономически развитых странах. «Опираясь на вполне объективную аргументацию: все увеличивающиеся масштабы развития процессов информатизации, возрастание роли информационного сектора экономики, стремительное развитие сетей и средств информационных коммуникаций, совершенствование информационных технологий, ученые предполагают, что уже в первой половине XXI столетия глобальное информационное общество станет реальностью»²²⁵. Можно согласиться с этими выводами Л.Н. Соловьевой, поскольку они вполне соотносятся с нашим исследованием, которое определяет этапы становления универсалистского сообщества, где информационная составляющая играет

²²³Косолапов Н. Россия: территория в пространствах глобализирующегося мира // Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 7. С. 14.

²²⁴Гиренок Ф. Удовольствие мыслить иначе. М.: Академический Проект, 2008. С. 215.

²²⁵ Соловьева Л.Н. От информационного общества к обществу знаний // «Общество знания; философия, управление, образование». Материалы III Сибирского философского семинара (Всероссийской научной конференции с международным участием). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2013. С. 118.

принципиальную роль в становлении информационного общества как важного исторического этапа универсализации.

В современном мире можно встретить различные концепции, которые так или иначе иллюстрируют универсалистские тенденции: информационное общество; общество знания; общество риска; потребительское общество. Несмотря на их отдельные особенности, все эти общества имеют сходную черту, которая ярко проявляется в том, что ценности, характерные для периода индустриальных и постиндустриальных обществ, уступают место производству информации и знания. В условиях реиндустриализации общества важную роль играет система образования, которая «должна производить подготовку специалистов, готовых не только работать в новых изменившихся условиях с информацией и знанием, но и производить фундаментальное и прикладное знание»²²⁶.

Проблемы, связанные с исследованием информационного общества, во многом обусловлены тем фактом, что гетерогенность предметного поля исследования дополняется парадигматической нестыковкой существующих подходов: постиндустриализма, неомарксизма, глобализации, рефлексивной модернизации, постмодернизма и пр.

Современная концепция информационного общества представляет собой всему миру одну из разновидностей постиндустриальной теории, для сторонников которой общественное развитие представляет собой смену определенных стадий. Они связывают становление информационного общества с преобладанием информационного сектора экономики, который во многом определяет сельское хозяйство, промышленность и сферу услуг. Главная отличительная черта состоит в том, что информация и знание доминируют в информационном обществе, опережая капитал и труд, которые выступали основой индустриального общества. Информационные технологии оказывают в современном мире решающее воздействие на социальную структуру обществ ведущих стран мира, где классы

²²⁶ Петров В.В., Покасова Е.В. Производство научного знания в условиях реформы высшей школы: проблемы и перспективы // Философия образования. 2014. № 3 (54). С. 69.

заменяются социально недифференцированными прослойками, которые различаются по степени приобщения к информационным потокам.

Для выработки определенной шкалы цивилизационного развития сторонниками вестернизма был выдвинут тезис о противопоставлении человека «объективной реальности», который также сформировал условия для формирования общества, которое сегодня называют информационным. Наличие того, что в процессе изучения тематика информационного общества зачастую кооперируется с идеей модерности, свидетельствует о перспективе его не только как сетевого, но и универсалистского.

Отличительные черты информационного общества отмечает У. Дайзард в своей работе «Наступление информационного века», где он затрагивает ведущие вопросы, которые отражают особенности соотношения свобод личности и гражданских прав как основных сфер социального бытия²²⁷. Размышляя о будущем, Б.Ф. Скиннер уверенно говорил, что в эпоху преобладания динамичных коммуникаций нынешние, все в большей степени не поддающиеся управлению мегаполисы, сдадут свои позиции сетям небольших городов, изменив при этом саму концепцию «урбанизма», которая перестанет позиционироваться как уничтожение деревень. В свою очередь, Л. Вирт, опираясь на свой замечательный труд «Урбанизм как образ жизни», дал урбанизму определение степени высшего, интерактивного, динамичного и политически чувствительного образа жизни, поставив его в противовес проживанию в маленьком городке или деревне, базирующихся на институтах семьи и церкви²²⁸.

Теоретики постиндустриализма Д. Белл²²⁹ и Дж. Гэлбрейт²³⁰ провели четкую черту, которая отделяет общества, управляемые властью и традицией, от обществ, управляемых компетенциями и знаниями. В современных обществах уже не правят, а принимают решения, а принятие их опосредовано экспертными процедурами, инфраструктуру которых Д. Белл называет технократией. Невзирая

²²⁷ Дайзард У. Наступление информационного века. М.: Прогресс, 1986. С. 343-344.

²²⁸ Wirt L. Urbanism, as way of life. In. R. Sennet // Classical essays in urban culture. Appleton Century Grofts. New York. 1969.

²²⁹ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 1999. С. 330-342.

²³⁰ См.: Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М., 2004. 602 с.

на произвол диктаторов или волю демократических масс, функциональность современных обществ зависит от качества его экспертных сообществ. А поскольку в обществе знаний практически все области деятельности являются предметом применения знаний, этот вопрос приобретает ключевое значение во всей проблематике общественного и политико-экономического развития. Жизнь в новом социуме, по мнению приверженцев концепции информационного общества, представляет собой некую утопию, когда люди наслаждаются продолжительным досугом, поскольку оказываются решенными все материальные проблемы.

Специалист в области информационных технологий и футуролог Дж. Мартин представляет город будущего, опутанный кабельными сетями, обеспечивающими всевозможные виды коммуникации. Д. Белл ставит под сомнение появление «линейных городов», предсказанных специалистами. Действительно, сложно представить себе города, где нет в наличии центральных площадей и торговых центров, представляющих собой современные классические города европейских стран. Д. Белл оперирует тем фактом, что в прошлые времена многие общества относились к элитарным и закрытым в плане того, что представители аристократического сословия были чрезвычайно замкнуты. По его мнению, в противоположность этому современные общества стали открытыми, причем основой этого процесса считается образование, которое в результате того, что умения, знания, навыки и техническая компетентность стали неременным условием вхождения в элиту, в постиндустриальном обществе представляется фундаментом для развития элиты знающих людей. Тем не менее, подобная элита наделяется властными полномочиями в рамках институтов, имеющих дело с деятельностью интеллектуальной, но в мире большой политики она обладает только определенным влиянием, потому что вопросы, касающиеся этой темы, все более тщательно взаимодействуют с техническими аспектами. Для понимания сущности информационного общества как важной стадии на пути универалистских тенденций важно учитывать следующее замечание Д. Белла: «Элита знания» способна выдвигать концепции, актуализировать свежие

представления и представлять технические решения в рамках всевозможных ответов, только при всем этом она не обладает мощностью способной говорить «да» или «нет». Осознание этой идеи позволяет сомневаться в справедливости распространенного тезиса, согласно которому «элита знания» может стать «элитой власти»²³¹.

Проблематика информационного общества и связанные с его становлением вопросы базируются на позициях универсализма, с помощью которого обосновывается соответствующая модель мира в качестве проявления конкретной формы сознания эпохи. В любом случае существующие концепции подходы помещаются в пространстве дискурса модерна и, как правило, не включают попытки осмысления своих противоречий, изощренно маскируя их.

Информационное общество является промежуточным продуктом универсалистских тенденций современности, доказательством чему служит тот факт, что отсутствие определенных национальных границ выступает признаком не только глобализации, но также информационного пространства, что в свою очередь характеризуется в виде важной стадии универсализации национальных территорий. Информационное общество из-за этой особенности становится уязвимым для деструктивного влияния со стороны тех сил, которые заинтересованы в универсализации, базирующейся на вестернистском аксиологическом базисе. Кроме того, в информационном обществе происходят кардинальные трансформации, которые в первую очередь касаются роли человеческого фактора, что обусловлено функциональными изменениями во всех сферах человеческого существования. Обладание информацией, наделяет конкретного человека властью, касающейся различных сторон жизнедеятельности, гарантирует перспективы, поэтому постепенно информационные ресурсы выдвигаются на первый план во внешней политике, хотя истоки внутренний фактор в этом плане остается определяющим. Более того, способность аккумулировать и анализировать информацию предоставляет важные преимущества, поскольку позволяет прогнозировать будущее. Однако пока

²³¹Белл Д. Социальные рамки информационного общества. М.: Прогресс, 1986. С. 330-342.

открытым остается вопрос о месте конкретного общества в мировом информационном пространстве, где значительно усложняются социальная структура и сами общественные отношения. Ситуация усугубляется тем фактом, что на мировую арену в качестве субъектов выдвигаются организации, преследующие собственные цели, сущность которых пока не известна учеными политикам.

В связи с формированием информационного общества все более актуальным становится вопрос о том, какая модель организации является наиболее адекватной современным реалиям. Отличительной чертой современности является замена иерархических структур сетевыми, которые создают условия для расширения творческого простора не только отдельных личностей, но и целых социумов. Тем не менее, для большинства сфер жизнедеятельности человека максимально эффективным способом принятия решений остается тот, что характерен для иерархических структур. Важно учитывать, что в современном обществе постепенно становится нормой участвовавшее разрушение порядка, при котором изменяются социальные отношения и структуры. Например, случайность социокультурных процессов периодически проявляется кумулятивными эффектами, которые ломают прогнозы аналитиков, а расширение спектра альтернатив в процессе принятия решений и усложнения выбора между ними воспроизводит неготовность управляющих элит принимать новые вызовы. В этом случае подобное общество существует в качестве символически структурированного мира, который «воспроизводится коммуникативными действиями на основе взаимопонимания и тем самым ситуация взаимопонимания реализуется»²³². При этом, в результате предварительной идеологической обработки обыденного сознания, организованной посредством повседневных коммуникаций, постепенно вырабатываются черты, которые характерны для субъектов универалистского давления: некритичность, иррационализм, неосознаваемые действия и стереотипы, сложившиеся как результат нарушения механизмов

²³²Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2000. С. 93.

взаимопонимания.

В информационном обществе настойчиво распространяется тезис, в основе которого – мир в виде определенной сети взаимодействий, где все люди связаны друг с другом невидимыми нитями. Подобный подход приводит к рефлексивному управлению, в основе которого лежат следующие положения: 1) культивирование субъективного фактора как основополагающего в общественных процессах современности; 2) признание творческого характера природы социальных изменений; 3) осознанием ложности техницизма в управлении обществом; 4) позиционированием образования в качестве важнейшего фактора изменений.

При подобном подходе преувеличиваются возможности рефлексии как координирующей социум инстанции. При этом, представляется утопической пропагандируемая сегодня идея консенсусного регулирования социальных отношений на различных уровнях взаимодействий, которые основаны на достижении взаимопонимания. «Текущий момент характеризуется попытками адаптировать сетевые методы управления к потребностям других сфер деятельности. Так, предпринимаются эксперименты по внедрению сетевых принципов управления в сферу образования, научно-исследовательскую и военную деятельности, а также в сферу муниципального управления. Те страны, которые добьются успеха во внедрении передовых методов социальной организации и управления, получают преимущества в конкурентной борьбе»²³³.

В современном мире максимально актуализируется не только вопрос о степени универсализации социального пространства, но также о конкретной стадии процесса формирования глобальных социальных структур. Можно согласиться с Н. Загладиным, который утверждал, что современные перемены в социальном облике мирового пространства охватывают не меньший масштаб, чем социальные трансформации, начавшиеся на рубеже XVIII-XIX веков, то есть с момента промышленного переворота в Англии²³⁴.

²³³Грубицын О.К. Обоснование необходимости развития сетевых технологий управления // «Общество знания; философия, управление, образование». Материалы III Сибирского философского семинара (Всероссийской научной конференции с международным участием). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2013. С. 60-61.

²³⁴Загладин Н. Глобальное информационное общество и Россия // Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 7. С. 15.

Киберпространство выступает в виде некой картины мира, составленной из объектов информации, которая имеет экстерииоризированный характер и носит потребительский характер, что достигается массивной атакой медиа на сознание граждан. Можно отметить несостоятельность информационного общества такого рода, причем технико-экономические составляющие постиндустриальной эпохи представлены ярко: 1) доминирование в ВВП части услуг; 2) уменьшение части занятых во «вторичном» секторе; 3) всеохватывающая (всеобъемлющая) компьютеризация и т.п.

Важная отличительная черта информационного общества проявляется в так называемых «распределенных коллективах», создающихся в научных, коммерческих, промышленных и других организациях. Даже тогда, когда подобные коллективы разделяют значительные расстояния, даже государственные границы, здесь наблюдается заметное повышение эффективности труда. Активные сторонники универсализации социального пространства посредством регулярного обмена информацией по телекоммуникационным сетям делают мир все более связанным в информационном плане. В последние годы большое распространение получают коллективы, которые принято обозначать термином «онлайновые сообщества».

Обобщая все вышеизложенное в трудах социологов и футурологов, в 60 – 90 годов XX века по вопросам, касающимся информационного общества, основные черты этого типа социальной организации можно представить так:

Во-первых, одним из смысловых факторов жизни общества в целом позиционируется научное знание, которое вытесняет ручной и механизированный труд и все чаще выступает в роли фактора стоимости товаров и услуг. Отсюда следует, что центром социальной организации, основным социальным институтом позиционируется университет в качестве центра производства и накопления знания. При этом промышленная корпорация часто видоизменяет свою роль, поскольку экономические и социальные функции капитала переходят к информации.

Во-вторых, уровень знаний становится определяющим фактором социальной дифференциации, в отличие от собственности, которая выполняла эту функцию традиционно, из-за чего эпицентр различных социальных конфликтов переходит из экономической в культурную сферу. Противоречие между интенсивно развивающимися старыми и традиционными социальными институтами приводит к конфликтам.

В-третьих, инфраструктурой информационного общества является набор новых интеллектуальных процедур, ведь современное общество вступает в период, в котором процессы социального плана становятся программируемыми, потому что социальная организация и информационные технологии представляют «симбиоз».

Связывая воедино судьбы людей только единым искусственным субстратом гражданства и, определяя, таким образом, современное национальное государство, сторонники либерализма озабочены тем, чтобы оно было встроено в современную мировую реальность как гарантия его благополучия. Можно утверждать, что социальная универсализация включает в свои структуры элементы содержательной демократизации общественной жизни в конкретных странах, которые не имели возможности воспроизводиться на расширенной основе посредством институтов политического представительства. Современные социальные институты обретают устойчивую динамику развития путем взаимодействий, когда создаются механизмы разрешения конфликтных ситуаций на компромиссной основе. В этом случае в этот универсалистский круговорот постоянно вовлекаются новые общественные и государственные структуры. Отсюда следует, что формирование базиса согласия в межгосударственных отношениях во многом детерминировано унификацией внутреннего политического пространства. Постепенно формируется соответствующее мироустройство, где первые места занимают страны, лидирующие не в вопросах военного потенциала, а те, которые способны использовать выработанные в международных отношениях этические стандарты.

Имеющийся опыт универсализации свидетельствует о том, что

информационное общество нигде не сформировалось в законченном виде. Тем не менее, ведущие экономические атрибуты постиндустриальной эпохи в информационном обществе проявились в полной мере: 1) заметное преобладание доли услуг в валовом продукте; 2) уменьшение количества занятых в традиционных производственных областях; 3) всеобщая компьютеризация.

Несмотря на возрастание роли информации, вузовская и академическая среды не вытеснили промышленную корпорацию, хотя в процесс капиталистического производства академическое знание внедряется все настойчивее. Современное информационное общество пока представляет собой пространство для конфликтов в связи с распределением социальных благ, которые часто носят символический характер, и, пока не напоминает собой целостную систему институтов. Подобная ситуация во многом объясняется недостаточной оформленностью информационного общества, что было обусловлено иерархичностью информационного пространства, которое может быть эффективно реализовано в структуре доминирующей модели мира. Важно отметить, что универсализм, реализуемый на базе либерально-демократической стандартизации в виде информационного общества, представляет собой многоуровневую структуру, включающую в себя распространение ценностных стандартов, которые институционально проявляются в международных правовых документах. Они способствуют формированию институтов государственной власти, выступая в виде императивов развития соответствующих институтов, посредством чего реализуются процедурные рамки их легитимации через международные неправительственные организации. При любом раскладе результатом подобной глобальной либерально-демократической модернизации, как и любой другой универсализации, выступает уничтожение суверенного государства, а также конструирование новых форм социокультурной идентичности.

Проблемы, связанные со становлением информационного общества, также связаны с тем фактом, что в последнее время различные общественные движения уже не представляют интересы отдельных групп, а, претерпев серьезные

изменения, начали защищать некие переплетающиеся цели и универсальные идеи. Это связано с тем, что вначале делался акцент на соблюдении и уважении основных прав личности на национальном уровне. Главной ценностью «(...) современных «западных» индустриальных обществ является самостоятельный, независимый, «свободный» индивид, живущий в гармонии с самим собой и природой»²³⁵. Мы можем утверждать, что современные патриотические представления остаются на уровне «просвещенных» космополитов.

Ярким признаком информационного общества является единство профессиональных сообществ, которое выступает как смысловое и коммуникационное, поскольку в современных условиях профессиональная идентичность заместила многие другие базовые идентичности. Оно базируется на общественно-признанных компетенциях, а не на знаниях и репутациях, формально-юридических статусах. Если раньше специалист был самодостаточен и способен самостоятельно поддерживать свои функциональные способности благодаря мастерству, то сегодня любому профессионалу необходим информационный обмен, приток информации, который выступает связующей нитью между ним и профессиональным сообществом.

В информационном обществе формируется новый формат общения, который существенным образом изменяет сознание субъекта коммуникаций, а также параметры его самоидентификации. Ведущий коммуникационный подход в социальных сетях заключается в том, что пользователь при помощи высокоустойчивых каналов коммуникации, во-первых, получает возможность общения с представителями любых удаленных регионов, а во-вторых, осуществляет конвергенцию межличностных и массовых коммуникаций. Причем это «(...) общение может быть вполне содержательным, предметно-деятельностным, социально обогащающим и развивающим личность – то есть субъект-субъектным. Однако может и не быть. Коммуникации пользователя социальной сети сообщают ему ощущение расширения социальной деятельности

²³⁵ Кельнер Х., Зофнер Х-Г. Культурная глобализация в Германии. М.: Аспект Пресс, 2004. С. 149.

до масштабов всего человечества»²³⁶.

Информационное общество выступает как исторический этап универсализма, где каждый человек позиционируется в качестве потенциальной универсальности более высокой степени, чем глобализация. Формирование информационного общества является доказательством того, что общества более высокого уровня универсализации могут реализоваться на базе взаимодействия исторических стремлений человечества к единству и информационного фактора полностью реализовать его. Роль информационного общества возрастает по мере исчерпания значения европоцентристской парадигмы как мирообъединяющего исторического субъекта.

Нынешнее общество невозможно представить без управления, поэтому представления о возможности реализации желательного уровня прогресса задают потенциальные траектории развития социума как качественно своеобразной и саморазвивающейся социокультурной системы. Такое понимание сущности общества предполагает использование методологического потенциала синергетической парадигмы, в частности, понятия системного аттрактора, специфика действия которого как инструмента экономического развития состоит в том, что его действие основано не на структурно-нормативном, а на процессуально-интенциональном механизме²³⁷. Д.В. Григоренко уверен, что «(...) управление обществом «по правде» есть не что иное, как внесение субъектом управления своей стройности в процессы роста социальной энтропии, происходящие в жизни общества. Человек обогащает (восполняет) своей стройностью совершенство социального мира, имеющего в своей сути диалектическое противоречие социальной стройности и настроения»²³⁸.

Формированию устойчивой универсалистской модели в виде информационного общества препятствуют процессы роста социальной энтропии,

²³⁶ Кошель В.А., Сегал А.П. Проблема современных трансформаций субъекта знания и процесса познания // Профессиональное образование в современном мире. 2016. Т. 6. № 4. С. 666.

²³⁷ Пирогов С.В. Управление развитием города в обществе знаний // «Общество знания; философия, управление, образование». Материалы III Сибирского философского семинара (Всероссийской научной конференции с международным участием). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2013. С. 47.

²³⁸ Григоренко Д.Е. Русский социализм как антиэнтропийная концепция управления российским обществом // Теория и история. 2007. № 2. С. 32.

которые могут вливаться в жизнь общества, нейтрализуя ее антиэнтропийное содержание. Это проявляется в процессе насаждения в конкретном обществе западных норм личностного бытия, поскольку они навязывают чуждые нормы социальности, и неадекватную данному обществу универсалистскую модель мира. «Все эти проблемы должны заставить цивилизованное человечество задуматься над проблемой интеграции всего населения нашей планеты, а не только «золотого миллиарда», в некоем подлинном проекте будущего»²³⁹, – трудно не согласиться с этим тезисом А.Н. Кацуры.

Для понимания особенностей становления информационного общества важно понимание принципов управления, которые в той или иной степени обусловлены информационными технологиями. В частности, ставится под сомнение концепция о рефлексивном управлении, которое якобы выступает в качестве базиса исследования социальных отношений, включая принципы их моделирования и схематизации (В.А. Лефевр) в информационном обществе. Именно В.А. Лефевр выдвинул идею, согласно которой социальные взаимодействия базируются не на принципе рациональности (получение выгоды), а на принципе саморефлексии, в основе которого лежит наличие возможности действовать по своему желанию. Подобный выбор в условиях активизации тенденций так или иначе иллюстрирующих принцип социального универсализма основывается на рефлексивном конструировании социальных события по принципу творческого конструирования взаимодействия. Заслуга В.А. Лефевра состоит в том, что он в его концепции нравственные критерии социального развития приобретают важную роль. Он продемонстрировал важность альтруистической схемы взаимодействия социумов, целью которой состоит в увеличении рациональности и эффективности любых общественных структур²⁴⁰. При этом, в отличие от представителей структурного функционализма, теорий обмена, конфликтов и др. В определенной мере с подобным подходом солидаризуется В.Е. Лепский, доказавший несостоятельность инновационной

²³⁹См.: Кацура А.В. Рецензия на книгу Ю.М.Лужкова «Возобновление истории. Человечество в XXI веке и будущее России». М.: Изд-во МГУ, 2002. 197 с.

²⁴⁰См.: Лефевр В.А. Алгебра совести. М.: Когито-Центр, 2003. 426 с.

политики, которая базируется исключительно на технократическом подходе. Этот ученый уверен, что «субъектно-ориентированный подход к организации сред инновационного развития»²⁴¹ является оптимальным в условиях формирования информационного общества.

Осмысление новых практик универсализации мирового пространства реализуется в современных условиях в виде информационного общества, где новым является «непосредственно сочетание коммуникативная технология, представленная в виде попытки влияния, которая отличается от других вариантов межличностного взаимодействия»²⁴². Здесь теоретические концепции универсализма доминируют над традиционными представлениями о закономерностях функционирования коммуникативных технологий.

Информационное общество сегодня сталкивается с противоречиями между развитием глобальных и локальных сетей, которые частично сглаживаются при помощи «виртуальных сообществ», представляющих собой своеобразные коммуны. «Смерть города», пафосно провозглашенная Биллом Гейтсом в своей книге «Будущее информационного общества, где он утверждает, что «Интернет позволяет человеку осуществлять все виды деятельности – работа, покупки, оплата счетов, развлечения и общение, в домашних условиях.»²⁴³. Это важная характеристика современного информационного общества как попытки реализации универсалистской модели.

Информационное общество формируется как исторический этап универсализации, поэтому многие реальности современного и будущего универсального мирового сообщества не дают определенных гарантий народам от несанкционированного внешнего воздействия. Демократический контроль за универсалистскими тенденциями не может быть гарантирован, что обуславливает степень реализации социального универсализма на практике. Петербургский философ Я.А. Слинин предупреждал об опасной тенденции, когда

²⁴¹ Лепский В.Е. Рефлексивно-активные среды инновационного развития. М.: Когито-Центр, 2001. С. 25.

²⁴² См.: Г.Г. Почепцов, Р.М. Taylor, J. White, F. Jefkins, P.S. Green, S.M. Cutlip, M. Aronson, B. Bruce, D. Watts, J.A.C. Brown.

²⁴³ Марков Б.В. Человек и глобализация мира // Отчуждение человека в перспективе глобализации мира. Сб. статей. Выпуск I. 2001. С. 100-122.

информационному обществу угрожают перспективы окончательной унификации, постепенно захватывающей основные цивилизационные системы, включая создание мондиалистских конструкций²⁴⁴.

Будущее информационного общества не может быть адекватно описано на уровне любой прогностической теории, которая зависит от уровня информационных технологий, формирующих социальное пространство, а также от аксиологической мобилизованности общества. Информационное общество может состояться и, тем более, сохранить свою субъектность в условиях универсализации мирового социального пространства только при условии, что оно выходит из состояния аномии и четко осознает свою аксиологическую шкалу.

Таким образом, современные глобальные тенденции создают условия для формирования информационного общества, выступающего в качестве исторического этапа реализации идей социального универсализма, поэтому оно представляет собой конструкцию, социокультурными основаниями которой являются концепции, основанные на субъект-объектном принципе мироустройства. Совершенствование информационного общества идет параллельно с процессами информатизации, которая подтверждает идею о синтезе общезначимого и индивидуального в структуре универсального, однако в информационном обществе пока слабо просматриваются такие важные для выживания человечества элементы, как: универсальный характер духовной сущности человека; единство человечества; всеобщность коллективного бессознательного.

Выводы по второй главе.

Анализ различных проявлений информационного обеспечения универсалистских тенденций в истории свидетельствует о том, что формирование стратегии информатизации и компьютеризации социальной системы представляется обязательным элементом для обеспечения стабильного развития

²⁴⁴Я (А. Слинин) и Мы: к 70-летию профессора Ярослава Анатольевича Слинина. СПб.: Санкт-петербургское философское общество, 2002. С. 7.

общества. Существенные черты данной парадигмы заключаются в следующем: окружающая действительность предстает в виде упорядоченной целостности, из фундамента которой выводятся и описываются, с помощью последовательной, постепенной конкретизации, её составные части.

Объективная диалектика структуры и функции информационного общества раскрывается посредством информатизации и компьютеризации социальной системы, где диалектическое единство двух процессов, выступает как корректировка институционального оформления универалистских тенденций, а процесс информатизации создает необходимый идеологический базис для формирования соответствующего общественного мнения.

Информационное общество выступает как исторический этап универсализма, где каждый человек позиционируется в качестве потенциальной универсальности более высокой степени, чем глобализация. Формирование информационного общества является доказательством того, что общества более высокого уровня универсализации могут реализоваться на базе взаимодействия исторических стремлений человечества к единству и информационного фактора полностью реализовать его. Роль информационного общества возрастает по мере исчерпания значения европоцентристской парадигмы как мирообъединяющего исторического субъекта.

Особенности процесса информатизации системы социальных отношений современности обусловлены уровнем эффективности компьютерных технологий в социально-объединительных процессах. На данном базисе возможна реконструкция картины мира, рождаемая смысловым полем универсализма, которая предполагает восприятие мирового пространства в качестве некой целостности, состоящей из множества локальных образований, представляющих собой синкретическое единство коллективного и индивидуального; идет процесс ощущения пространства мира как минимально унифицированного целого, обладающего некоторыми универсальными, всеобщими чертами, составляющими базис для мировой солидарности.

Информация играет важную роль в продвижении универалистских идей

современности, показывая преимущества организационных форм процесса объединения человечества, базирующегося на современных информационных технологиях. Однако модификация универсализма в форме информационного общества не всегда способна осуществить имеющийся коммуникативный потенциал, беря за основу центрированную модель социокультурной целостности, поскольку в фундаменте располагается социальная структура, ориентированная на субъект и объект нового, более высокого этапа универсализации человечества.

Глава 3. Информационный потенциал универсалистских тенденций

3.1. Информационные детерминанты социальной мобильности

Усиление информационных детерминант во многих сферах современного общества, интеграция достижений информационной практики в функционирование социальных институтов и систем протекает вне целенаправленного и перспективного управления. Информатизация, таким образом, является во многих аспектах стихийным процессом. Любой положительный эффект, который проявляется в расширяющихся возможностях освоения, а также преобразования социального пространства, имеет также серьезные негативные последствия, что способно нанести заметный ущерб прогрессивному вектору развитию общества.

Значение парадигмы мобильностей состоит в том, что она позволяет воспринимать мир в качестве широкого набора определенных социальных практик, инфраструктур и идеологий, которые включают в себе различные виды движения идей, информации, людей или объектов. Поскольку всем общества имеют дело с расстоянием, однако подобные действия включают в себя различные виды взаимозависимых процессов и различные дискурсы движения²⁴⁵. Целые социумы, а не только отдельные люди, выступают в качестве эффективных участников множества мобильностей, поэтому доступ к ним распределяется неравномерно. Структура подобного неравенства зависит от субъектов, которые имеют отношение к данной мобильности, а также к географическому распределению людей. Ведущее значение в этом плане имеют действующие системы мобильности, а также формы их взаимозависимости²⁴⁶.

Глобализация информационной сферы общества влечет за собой важные последствия, которые особенно ярко проявились в психологическом, социальном, экономическом, геополитическом планах. Такие категории, как общечеловеческие

²⁴⁵Урри Дж. Мобильности. М.: Изд. консалтинговая группа «Праксис», 2012. С. 134–135.

²⁴⁶Там же, с. 142.

ценности, свобода, права человека приобретают особый смысл в условиях развертывания универсалистских проектов, которые в последние десятилетия превратились в вид глобализации. Дело в том, что массовое сознание любого общества формируется на базе различных моделей мира, выступающих в роли информационных фильтров, которые способствуют обработке, синхронизации и организации информационных потоков. Современные модели мира обретают свои черты с помощью СМИ и неофициальных каналов информации.

В современных условиях государство как таковое находится в кризисе, поскольку оно испытывает давление сверху, со стороны международных политических организаций, транснациональные корпораций и неправительственных организаций, а также снизу, что проявляется в ослаблении национальной солидарности²⁴⁷. Воздействие подобных тенденций в состоянии привести к серьезным социальным последствиям: дезинтеграции общества; децентрализации государственной власти; виртуализации жизни, асимметрии между экономической и политической сферами социума, а также возможные революции в средствах обеспечения безопасности²⁴⁸.

В общей геополитической конкуренции развитых стран мира все большее место начинает занимать конкуренция, которая разворачивается вокруг информационного ресурса, которая, в частности, проявляется в борьбе за достижение информационного превосходства. Все сферы современной общественной деятельности так или иначе пронизаны информационными системами, оказывая соответствующее влияние на общество. Именно поэтому, сегодня актуализируется проблема создания эффективной социальной системы, которая была бы в состоянии сохранить свою эффективность в условиях нарастающих информационных потоков, большинство из которых носят деструктивный характер.

Под социальной мобильностью в данном случае понимаются потенциальные движения в социумах, которые имеют довольно высокий уровень

²⁴⁷Куренной В.А. Война, терроризм и медиа. М.: Прогнозис, 2006. Т. 5. № 1. С. 280.

²⁴⁸Белозеров В.К., Копылова Д.А. Транснационализация СМИ как проблема международной и национальной безопасности // Вестник Академии военных наук. 2013. № 4 (45). С. 34.

концептуализации. При таком подходе все социальные отношения трактуются в качестве определенных коммуникаций, которые включают в себя взаимодействия различных субъектов, находящихся на различных уровнях информационного оформления. Здесь мы исходим из тезиса Дж. Урри, что «социальные отношения не могут быть привязанными к определенному пространству, представляя собой определенные «циркулирующие сущности» (Latour 1987, 1993, 1999), многие из которых переносят рациональность внутрь обществ и на самые разные расстояния между ними»²⁴⁹.

Высокий уровень мобильности обусловлен возможностями доступа к новейшим информационным технологиям, которые в свою очередь различаются по мощности. Имеются в виду возможности доступа к различным информационным базам, а также поисковым системам и ресурсам другого характера.

Социальная потребность выступает главным стимулом развития информационных коммуникаций как глобальных систем. Оперативность информационного взаимодействия абонентов в глобальных информационных системах оказалась намного выше, чем в былые эпохи, что, естественно, отразилось на темпах распространения массовой информации. Соответственно, процессы жизнедеятельности в современном мире реализуются с намного более высокой скоростью, чем десятки лет назад.

В современных условиях сетевые структуры часто аккумулируют в себе симулякры. Другими словами, мы имеем дело не с реальностями, а с фикциями, говоря, например, о демократии, правах человека, цивилизованном обществе. Однако сложно говорить о демократии и реальном выборе в «обществе спектакля», когда идеологические дизайнеры с помощью информационных манипуляций управляют массовым сознанием.

Сегодня особенно ярко проявляются свойства сетевого пространства: повышение уровня оперативности обмена информацией; гарантия доступа к оперативной информации для всех субъектов политического процесса;

²⁴⁹Урри Дж. Мобильности. М.: Изд. и консалтинговая группа «Праксис», 2012. С. 134.

генерирование информационных потоков в обход государственных структур. Здесь зарождаются новые черты социума, которые выступают в качестве важнейших предпосылок становления универсальной организации общества.

Несмотря на новые возможности, информационно-технологическая революция в современном мире несет в себе множество угроз, которые, в частности, проявляются в дестабилизации существующих обществ. И.Л. Морозов в связи с этим выделяет два блока угроз. К первому блоку можно отнести те угрозы, которые возникают в связи с упорядоченными действиями властных структур в сетевом пространстве, проявляясь в виде целенаправленных, структурированных и централизованных действий. Одним из следствий подобной политики являются скоординированные информационно-психологические атаки, осуществляемые по отношению к конкретной политической системы со стороны конкурирующего государства. В этом же контексте можно рассматривать деструктивные акции квазиэлит, которые выступают как внутригосударственные, осуществляясь соответствующими методами. Что касается угроз второго типа, то они обусловлены активизацией широкого спектра террористических организаций международного уровня и различных хакерских групп, которые характеризуются неструктурируемостью, диффузностью, а также возникновением информационных угроз, действующих внесистемно. Все это очень затрудняет выработку действенной стратегии защиты от подобных угроз²⁵⁰.

Отличительная черта современной социальной жизни обусловлена тем фактом, что в киберпространстве частное превалирует над общественным. Дело в том, что целостность общественная система может сохранить только при условии выстраивания параллельного виртуального сетевого пространства, поскольку оно в состоянии вбирать в себя интенсивность различных коммуникаций. Таким образом, появляется возможность реализовывать интересы конкретных социальных групп и субкультур, разрешая противоречие, заключающееся в разнонаправленности устойчивых тенденций, конституционных оснований субъекта, а также вариативности коммуникаций, образующих современное

²⁵⁰Морозов И.Л. Информационная безопасность политической системы // Полис. 2002. № 5. С. 134–144.

информационное пространство. Сущность подобной ситуации освещена А. Тойнби, который отмечает: «Несоответствие между прогрессом науки в технике и ростом цивилизаций очевидно в тех случаях, когда техника развивалась, а рост цивилизации прекращался и начиналась стагнация. Но нет гармонии и тогда, когда в технике наблюдается застой, а цивилизация продолжает развиваться»²⁵¹.

Еще одна тенденция, которая характеризует современное социальное пространство, состоит в активном воздействии средств массовой информации на принятие решений государственными и межгосударственными структурами ТНК. В этом случае используются различные методы, в частности, информационное давление или «контроль глобальной политической повестки дня»²⁵². С этой целью приобретаются популярные интернет-ресурсы, социальные сети и другие медиа, что способствует росту информационного воздействия в виде бесконечного и управляемого потока «информационных ресурсов в сфере глобальной политики и международных отношений»²⁵³.

Субъективная реальность свободы слова, свойственная схоластическому типу владения умом, связана с реализацией разнообразных технологий свободы слова, с удовлетворением различных потребностей, достигаемых на основе свободы слова, в частности с удовлетворением потребности во власти, потребности освоиться в конкурентной среде и т.д. Именно в подобных отношениях данная субъективная реальность актуализируется в свободе слова и обнаруживает свою функциональность в интеллекте человека. «Здесь субъективная реальность раскрывается как целое, равное сумме частей, поскольку каждая технология свободы слова может произвольно увязываться с другой технологией свободы слова»²⁵⁴.

Универсализм в информационную эпоху подпитывается техническими средствами, которые выполняют коммуникационную функцию между

²⁵¹Тойнби А. Постигание истории. М., 1996. С. 191.

²⁵²Sibert E. Communication sand Government. Urbana. 2007. P. 33.

²⁵³Зобнин А.В. Информационная сила в международной политике: основы анализа // Пространство и время в мировой политике и международных отношениях: материалы 4 Конвента РАМИ. В 10 т.; Рос. Ассоциация международных исследований. М.: МГИМО-Иниверситет, 2007. Т. 6. С. 52.

²⁵⁴Чуринов Н.М. Совершенство слова и субъективная реальность // Теория и история. 2006. № 2. С. 162.

социальными группами, а не только между отдельными людьми. При этом любая стратегия всегда включала в себя множество взаимоувязанных тактических информационных операций, смысл которых не всегда просматривается, что является естественным для стратегических действий глобального характера. В данной связи особое значение приобретают новейшие технические средства, используемые в информационном давлении на массы, что, в частности, подтверждают научные публикации. Оценивая степень влияния информационных технологий на универсалистские тенденции современности, Т.В. Андрианова утверждает: «(...) выстраивается единая глобальная технологическая цепочка представления и реакции, причем в глобальном масштабе. При этом, единообразие приводит к единообразию миропонимания»²⁵⁵. Подобная картина может быть сформирована только при помощи современных информационных технологий.

Большую роль для понимания особенностей информационного сопровождения современной универсализации играют различные концепции коммуникативного пространства. Можно, в частности, выделить те направления, которые посвящены символической организации коммуникативного пространства, где психологическая направленность становится определяющей.

Для адекватной оценки эффективности универсалистских процессов необходимо обратить внимание на проекты влияния, возникшие намного раньше, поскольку религиозное влияние во все века было определяющим. Однако задачи, которые раньше решались десятками лет, при помощи современных технологий воплощаются довольно оперативно. Проблема состоит в том, что эти технологии чаще используются не в созидательных целях, а в целях манипуляции общественным мнением. Довольно широкий диапазон манипулятивных приемов включает в себя навязывание стереотипов, которые подаются в качестве имманентно присущих этническому образу конкретного общества. Чаще всего используются методы настойчивого внушения комплекса вины в обществе, то есть путем подтасовки фактов, а также приписывания изначальной ущербности

²⁵⁵ Андрианова Т.В. Геополитика и культура: Аналитический обзор. М.: ИНИОИ РАН, 2001. С. 75.

конкретной ментальности и собственной неполноценности субъект универсализации мирового пространства превращается в объект. Проблема усугубляется тем, что манипуляционная информация может маскироваться под научные исследования, несмотря на то, что количественная и качественная несостоятельность фактов не позволяют делать конкретные заключения. Тем не менее, для манипуляций все чаще используются псевдонаучные формы, когда субъекты универсализации опираются на обыденное сознание посредством информации, которая построена на фальсифицированном наборе фактов и их комментариях в заданном идеологическом ракурсе. Также в ход пускаются традиционные мифологемы, которые охватывают все слои населения, поэтому сторонники подобных манипуляционных технологий оказывают целенаправленное влияние на общество.

В процессе исследования проблем, связанных с информационным сопровождением универсалистских тенденций в истории и в современных условиях, включаются базовые психологические установки и архетипы, которые для любого общества всегда играют принципиальную роль. В частности, в полной мере эксплуатируется тот факт, что более эффективно усваивается та информация, которая напоминает уже существующие у него представления. Подобная специфика человеческого восприятия максимально используется не только в отдельных манипуляционных программах, но и в качестве базиса полномасштабной информационной войны. Любые манипуляции, а также пропагандистские кампании, часто базируются на эффекте резонанса информации, которая направлена на изменение поведения конкретного социума. В такой кампании чаще всего используется информация, внешне маскирующаяся под знания, которые опираются на господствующие в конкретной социальной общности стереотипы. Однако на практике подобный информационный поток предназначен для ориентации граждан на совершенно другую, иногда противоположную, систему ценностей. Когда какому-либо факту или психологической установке придают преувеличенное значение, в результате чего

сформировавшаяся в обществе ценностная система разрушается по мере продвижения в культурное ядро этноса.

Социальная практика, а также исследования по проблемам социального универсализма свидетельствуют о глобальной стандартизации и информатизации, которые ведут к нивелированию этнополитической идентичности, сопротивление которой современные государства не могут оказать.

Новый этап усиления универсалистских тенденций в массовом обществе возникает в связи с возникновением PR-технологий. Дело в том, что в повседневной практике масс-медиа используются в первую очередь в качестве инструмента в борьбе за попадание в фокус общественного внимания, для чего существует много примеров технологий. Таким образом, заимствование инструментальной базы, которая наработана в PR-кампаниях, подразумевает ряд определенных процедур: формулировку проблемы; планирование; коммуникацию; оценку объекта воздействия. Важную роль играет коммуникативный аудит события, а также корпоративный имидж, который занимает одно из первых мест в то время, когда ТНК дублируют фактически государственные функции. Избирательные компании, в этом случае, могут служить своеобразным примером, которым часто апеллируют к глубинным архетипам и скрытым механизмам подсознания, когда игнорируется даже здравый смысл. В эпоху господства универсалистских тенденций доказательством эффективности подобных технологий часто выступает деятельность финансовых пирамид, которые представляют собой основательно организованный массовый психоза.

Информационный потенциал универсалистских тенденций современности имеет определенную специфику:

Во-первых, ведущим условием развертывания манипуляционной программы выступает информационный вакуум по определенной проблеме. Во-вторых, важным условием манипуляционной программы является отсутствие альтернативной информации, что позволяет внушать любой аудитории всеми возможными способами безальтернативность и неизбежность указанной модели

решения. Склонность к манипуляционным технологиям представляет собой важный симптом, свидетельствующий об ангажированности СМИ. Подобная ситуация в современном мире подтверждается отсутствием в средствах массовой информации, в том числе и в электронных, плюралистической аналитической информации, которая провоцирует культивирование черно-белого видения мира.

В-третьих, важный признак манипуляции – навязывание универалистских тенденций в виде современной глобализации наглядно доказывает, что отсутствие публичного анализа альтернативной информации выступает в качестве одного из ведущих признаков манипуляции общественным сознанием.

В-четвертых, довольно важным признаком деятельности манипуляционных технологий является ситуация, когда провоцируется искусственный дефицит времени. Это означает, что навязываемое решение принималось без должного анализа альтернатив, которые стали невозможными из-за максимально ограниченного времени. Для этого придумываются какие-либо мифические причины апокалиптические причины. Чаще всего в массовом сознании искусственно формируются ощущения надвигающейся катастрофы в виде страшного финансового кризиса, спасение из которого можно найти только в указанном направлении. Мифы о предрешенности судьбы конкретного общества являются довольно распространенными элементами манипуляционной программы. В этом случае внушается тезис о полной бессмысленности критического анализа порядка вещей, который сложился к конкретному периоду.

В-пятых, посредством фокус-групп обрабатывается определенный адресат, социально-психологический «портрет» которого делается заранее, иначе результат будет менее эффективен. Ю.В. Колин справедливо отмечает: «Все разведывательные органы существующих в настоящее время государств направлены в том числе и над составлением особого психологического портрета своих вероятных противников, выявляя их наиболее уязвимые места»²⁵⁶.

²⁵⁶Колин Ю.В. Преемственность исторической памяти как фундамент демократических ценностей // Credo New. 2006. № 2 (46). С. 212.

Наконец, в-шестых, попытка выведения массового сознания за рамки, принятые в данном социуме, представляет собой важное условие эффективности манипулятивных действий, что дестабилизирует массовое сознание с помощью отвлекающих и пропагандистских мероприятий. Эффективность манипулирования также зависит от точности и глубины оценки норм и стереотипов ментальных групп, то есть глубинных психологических установок и архетипов.

В условиях универсализации значительно развитая языковая личность тесным образом связана с разными видами интерпретационной деятельности и не может игнорировать сферу PR, психологию информационного противоборства и т.д. Принципиальное значение в информационном обеспечении универсализации играет устная интерпретация источников, которые нацелены на понимание сущности политических процессов. Субъекты манипуляции всегда ориентируются на примитивизацию мышления, что предваряется снижением уровня критического анализа, когда явление деструктивным образом ассоциируется с навязываемым. Опасность для любой манипулятивной программы представляет самостоятельный взгляд на мир на основе здравого смысла и наличие независимого мышления, потому что подобная личностная самоидентификация противоречит мифологическому, с присущими ему стереотипами поведения, образу мира.

Аксиологический подход играет особую роль в противодействии любым манипулятивным программам, поскольку система ценностей в рамках навязываемой мифологической парадигмы является базовым элементом приобщения к универсалистским тенденциям. Однако выработка мощного иммунитета против подобных манипуляций должна опираться на демократичность и открытость СМИ в противоположность тотальности. Когда имеется возможность максимального приобщения к различным информационным источникам это приводит к более компетентному и широкому обсуждению проблем, учитывая все сложившиеся к этому времени точки зрения. Широко декларируемый в западных обществах культ свободы всегда носил ограниченный

характер, потому там во все времена существовали запретные темы. Современному этапу присуще вытеснение оппонентов на периферию общественного интереса посредством пропаганды мифов об искусственно созданном информационном вакууме. Выработке ложной аксиологической шкалы способствовали такие ложные социальные концепции, как мультикультурализм, толерантность, трансгуманизм.

Алгоритм демонтажа сложившейся государство-центрической системы ценностей, часто приводящий к потере социокультурной идентичности любого социума, включает в себя следующие процедуры: а) определение в смысловом пространстве объекта манипуляции слабых мест; б) выявление диссонирующих фактов; в) анализ стереотипов, которым при помощи пропагандистской компании в СМИ придается гипертрофированное значение. Обществу в этом случае предлагается не модель мира, укоренившаяся в его исторической памяти, а модель, базирующаяся на стереотипах и иллюзиях данного общества. Подобная модель часто прямо противоречит самим социально-историческим условиям его существования.

Исследования доказывают, что выведение массового сознания за рамки стереотипов, привычных норм и ценностей является ярким свидетельством эффективности манипуляции. Подобная ситуация свидетельствует об успехе отвлекающих и пропагандистских мероприятий, то есть о признаках явной дестабилизации всех уровней массового сознания. Кроме того, степень эффективности манипулирования в значительной степени зависит от точности сканирования норм, ценностей, а также ментальных структур конкретной социальной группы, которая в данный исторический период является объектом универсалистских манипуляций.

Агрессия является средством манипулирования сознанием потребителя рекламной информации, потому что искажает его представления о добре и зле, о правильном и неправильном (деструктивном) поведении в социуме. Особую опасность для подрастающего поколения представляет агрессия в рекламе,

имеющая разрушительную силу, когда за образец для подражания выбираются модели агрессивного поведения персонажей рекламного обращения²⁵⁷.

В последнее время часто говорят о сетевых сообществах, приписывая им едва ли не решающую роль в мировых процессах. Появилась целая область литературы и исследований о сетях, которая собой напоминает разновидность конспирологии. Сетевая организация стала основной для считавшихся ранее маргинальными террористических и экстремистских групп и позволяет им противостоять военной мощи наиболее развитых государств или напрямую угрожать их национальным интересам и национальной безопасности. Сетевые принципы организации находят свое применение также и в экономическом управлении, которое послужило моделью для организационно-технических преобразований в военной сфере США. Применительно к военной сфере информация становится таким же инструментом, как совершенное оружие или средство защиты.

Вот почему вполне справедливыми выглядят слова А. Зиновьева о том, что «настоящая история человечества крайне сфальсифицирована и продолжает фальсифицироваться в настоящем»²⁵⁸. Для более адекватной оценки роли информационного фактора с целью утверждения универсализма философ предлагает свою дифференциацию общественных наук, в частности, истории. Своеобразный взгляд А. Зиновьева историческое прошлое состоит в том, что на время ориентированы две сферы деятельности ума: ретрология и футурология. Ретрология ориентирована на исследование прошлого, в то время как наука, направленная в будущее – футурология. Различие между традиционной историей и ретрологией состоит в том, что история, несмотря на различные толкования этого термина, в любом случае занимается анализом последовательности различных событий во времени. В то же время претендующая на статус одной из наук о прошлом – ретрология представляет собой специфическую культуру, которая создается только для управления людьми. Согласно А. Зиновьеву, роль

²⁵⁷ Балахонская Л.В. Агрессия как угроза социальной и информационной безопасности общества // Глобальная безопасность и устойчивое развитие гецивилизаций: материалы Междунар. науч. конф.. Санкт-Петербург, 18–19 ноября 2011 г. СПб., 2012. С 30.

²⁵⁸ Зиновьев А. Фактор понимания. М.: Алгоритм. Эксмо, 2006. 528 с.

ретрологии состоит в сочинении прошлого для конкретных заказчиков – субъектов универсализации, то есть тех, кто пытается посредством мистификации, идеологии, пропаганды и т.п. сделать мир одномерным, более подходящим для подчинения. Подобная тенденция во многом детерминирована «победой» Запада в «холодной войне», что привело к эйфории, которая спровоцировала глобализационное давление на весь остальной мир. А. Зиновьев уверен, что подобная политика обусловлена специфическим способом восприятия реальности, где западная система ценностей подается как единственно правильная и непререкаемая: «Это было начало одной из величайших трагедий истории. Это сделали новые хозяева мирового интеллекта. Они им овладели и творят с ним то, что соответствует их интересам и силе»²⁵⁹.

Не менее важным фактором, формирующим современное массовое сознание граждан западных стран для соответствующей универсалистской обработки, выступает популярная американская культура, которая обладает глобальным влиянием, потому что не существует возможности избежать влияния интернета. Исходя из предоставления о социальной значимости, а также типов взаимодействия между людьми, можно построить типологию фундаментальных ценностей общества, включающую целевые и инструментальные ценности. В число целевых ценностей входят модусы социальной значимости и обобщенные характеристики природной среды. В число инструментальных ценностей – условия достижения социальной значимости, имеющие как природное, так и социальное происхождение. Особую группу составляют такие высшие общечеловеческие ценности, как условия сохранения разумной жизни на Земле. В конкретных обществах наборы ценностей из всех групп могут отличаться, что определит своеобразие каждого из обществ. Важную роль в усвоении любых ценностей личности играет удовольствие.

Показательно, что идеологами и стратегами глобализации (З. Бжезинский, М. Олбрайт, Дж. Сорос, К. Райз и др.) для России разработан сценарий, по которому под лозунгом модернизации свертывание наукоемких

²⁵⁹См.: Зиновьев А. Фактор понимания. М.: Алгоритм. Эксмо, 2006. 528 с.

высокотехнологичных отраслей производства должно сочетаться с форсированием добычи сырья, особенно энергоносителей. В утешение и компенсацию за утрату собственных внутренних источников научно-технического прогресса предлагается внешнее заимствование компьютерной техники и соответствующих технологий по предназначенной аутсайдером установке всего «second-hand». Такого рода компьютеризация из вторых-третьих рук и должна стать, по замыслу указанных глобализаторов каналом экспорта и достижений досугово-игровой цивилизации под маркой приобщения к «общечеловеческим ценностям», но понятно, на правах управляемых извне поставщиков натуральных ресурсов, носителей дешевой рабочей силы²⁶⁰.

Амбивалентность нынешней универсализации, которая реализуется в виде глобализационных процессов, проявляется в частности в том, что, с одной стороны, в качестве инструмента реализации проектов мирового господства, где нивелируются все виды идентичностей, и нет места государству в его традиционной форме. С другой стороны, любая универсализация – это проект отдельно взятой страны или группы стран, которые, естественно, используют свое доминирование в информационном обеспечении глобализации для укрепления своей государственности. В любом случае, как свидетельствует история, результатом реализации конкретного проекта универсализации является давление на самодостаточное социокультурное пространство при помощи новейших информационных механизмов.

Возможность реализации тех или иных универсалистских проектов часто противоречит перспективам отдельных социумов, то есть информационное сопровождение универсализации изначально направлено на игнорирование конкретных исторических условий, а значит, ставятся под сомнение перспективы сохранения социумов в качестве субъектов исторического процесса.

Направления культурной и цивилизационной эволюции часто не совпадают и варианты их взаимодействий варьируются в довольно широком диапазоне

²⁶⁰Зайцев Д.Ф. Альтернативы глобализации: досугово-игровая и образовательно-познавательная модели информационного общества // Глобализация: proetcontra: Материалы Междунар. конф. «Глобализационный вызов истории на рубеже тысячелетий: приоритеты российской культуры и искусства». СПб.: Астерион, 2006. С. 125.

различий, которые определяют ведущие качественные характеристики общества. Государство сегодня обречено на соперничество с различными сетевыми сообществами, потому что государство является суверенным по своей истории и территории, а сети по своей сути всегда ориентируются на отдельные фрагменты социальной действительности. Однако специфика современного момента состоит в том, что государства классического европейского типа сегодня теряют свою изначальную сущность, проявляясь декоративными европейскими монархиями, псевдодемократией США.

Таким образом, все указанные факты свидетельствуют об ускоренном смещении от модерна, олицетворением которого всегда являлась буржуазно-демократическая республика к постмодерну, в основе которого находится анонимно-сетевая организация жизни социума.

Универсалистские тенденции трансформируют не только онтологическую сущность общества, но и устоявшиеся гносеологические принципы. Дело в том, что в современных условиях в сообществах западного типа практически игнорируется понятие социальной истины, поскольку истина все больше приобретает универсальный характер, и в «обществе спектакля» в ней нет нужды. Именно против истины была направлена концепция «открытого общества», сформулированная К. Поппером. Естественно, что глобализация политики всегда апеллирует к общественному мнению, потому что оно довольно часто также выступает предметом различных манипуляций. Интернет с самого начала выступал в качестве инструмента универсализации, поэтому он, как и все социальные сети, призван не устанавливать истину, а наоборот, – уводить от нее. Вот почему полноценное исследование глобализации как важного этапа универсализации обязательно должно включать не только интеграционные процессы в области экономики, политики и культуры, но и контроль над распространением информации.

Процессы глобализации ставят перед современной наукой множество вопросов, в том числе и один из главных: возможна ли единая история человечества. Ответ на этот вопрос должен учитывать специфику истории как,

прежде всего, интерпретационной деятельности, формат и рамки которой закладываются культурной средой носителя исторического сознания. Долгое время наиболее развитой в плане смыслополагания и охвата временного горизонта была универсально-историческая перспектива, сформировавшаяся в рамках Европейской «культурной колыбели». Ее основы были заложены средневековым христианским пониманием истории с его видением единства человеческого рода и трансцендентального божественного смысла истории, затем продолжены секуляризированной новоевропейской идеей прогресса, объединяющей мировую историю концепциями философии истории.

Э. Бернейс уверенно утверждает: «Нами правят, наше сознание программируют, наши взгляды предопределяют – и все это делают в основном люди, о которых мы никогда не слыхивали. Таков логичный результат организации нашего демократического общества»²⁶¹. Он во многом детерминирован пресловутой свободой слова, ссылаясь на которую у общества формируется однобокое, заранее заданное представление об истории и образе жизни. Здесь принципиальную роль играет высокоавтоматизированная информационная среда мирового пространства, а также ее агрессивное распространение на все страны и регионы мира. Примеры манипуляции могут проявляться по-разному²⁶².

Принципиально новым явлением в современной информационной революции является все увеличивающийся объем распространяемой в этих сетях информации, который по многим показателям превышает объемы информации в альтернативных системах коммуникации. Согласно законам диалектики, количество переходит в качество и в данном случае проявляется в информационной войне, целью которой выступает «...прорыв психологической защиты общества и продвижение диссонирующих фактов и интерпретаций с периферии общественной саморефлексии в центральное ядро модели мира. Цель – разрушение системы ценностей общества, его дестабилизация на духовном,

²⁶¹См.: Бернейс Э. Пропаганда. М.: Hippo Publishing, 2010. 166 с.

²⁶²См.: Володихин Д., Елисеева О., Олейников Д. История России в мелкий горошек. М., 2000 256 с.; Фоменко А.Т., Носовский Г.В. Реконструкция всеобщей истории. Исследование 1999–2000. Новая хронология. М., 2000 828 с.; Почепцов Г. Психологические войны. М., 2000. 528 с.

политическом и экономическом уровнях»²⁶³. При этом, в информационной войне теоретическим базисом могут выступать концепции: «культурного ядра»; ступенчатого распространения информации; теория когнитивного диссонанса; бихевиоризм и пр.

В перспективных американских документах, посвященных военному строительству довольно высоко оценивается значение информации, которая базируется на концепции сетецентризма. Информационная среда в этом случае признается такой же сферой ведения боевых действий, как и традиционные методы ведения войны на земле, море и воздушно-космическом пространстве. Однако, по мнению С.В. Костырева, информационное обеспечение в концепции сетецентрических войн выступает как средство, а не самодовлеющая цель приложения организационных усилий»²⁶⁴, о чем свидетельствует перспективная доктрина «Единый взгляд 2020». «Анализ американской доктрины перспективного развития вооруженных сил и документов военного управления показывает, что в центре вооруженной борьбы продолжает оставаться человек, требования к подготовке которого, растут пропорционального качественному совершенствованию эксплуатируемо им боевой техники»²⁶⁵.

Информационная война выступает составной частью любой войны, хотя не меньшую опасность могут представлять сами информационные войны, когда не применяется никакое другое вооружение, кроме информационного. Несмотря на то, что информационные войны используются в истории довольно давно, именно сегодня они выходят на первый план, поражая целые регионы. Заранее заданные образы сознания, поставленные на конвейер, легко воспринимаются в обществе, лишенном соответствующего иммунитета, поэтому переписывается история, задавая алгоритм поведения эмпирического мира. Информационную войну можно трактовать как борьбу государств, где ведущим средством выступает специфическое оружие, которое может быть реализовано только посредством новейших информационных технологий, поставленных на конвейер для

²⁶³См.: Кара-Мурза, С. Манипуляция сознанием. М., 2000. 832 с.

²⁶⁴Костырев С.В., Ефремов О.Ю., Зверев С.Э. Концепция сетецентрических войн в свете доктрины «Единый взгляд 2020» // Военная мысль. 2014. № 1. С. 59.

²⁶⁵Там же, с. 64.

изменения массового сознания. «Информационная война представляет собой войну мировоззрений и направлена на манипуляцию массовым сознанием людей, а материальным носителем информации остается язык»²⁶⁶.

Информационные технологии постоянно прогрессируют, способствуя использованию все изощреннейших методов информационного воздействия, которые своим вектором все чаще направляются на людей, принимающих решения. Новая тенденция в информационных войнах проявляется в том, что в настоящее время происходит манипуляция какой-то стороной личности, которая может выглядеть нормальной, в то время как во времена «холодной войны» пропагандистские действия всегда были направлены на манипуляцию всем сознанием человека. Часто это приводило к массовому психозу, когда от информационной войны остается всего один шаг от реального, военного конфликта.

Опасность манипуляции в массовом сознании проявляется и в преднамеренной подмене смысла явления его квазиформой. Хотя в этом случае внешние признаки идентичности сохраняются, однако явление ассоциируется с другим явлением, часто приобретая деструктивный смысл. В этом случае, как правило, используются следующие методы: иррационализация ситуации; примитивизация смысла; редукция понятия; апелляция к иррациональным структурам; разрыв между формой и содержанием. В связи с этим возникает проблема классификации манипуляционных технологий, которая, в частности, проявляется в сложности определения всех элементов манипуляционной программы; неоднозначности интерпретаций результатов; степени эффективности их применения; трудности доказательства преднамеренности манипуляционного действия.

Одно из самых распространенных направлений в развертывании информационных войн, заключается в том, что преподносимое знание, маскируясь под стереотипы, ставит своей целью изменение поведения в конкретной социальной общности.

²⁶⁶См.: Якунин В.И., Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С. // Новые технологии борьбы с российской государственностью: монография. М., 2009. 424 с.

Современный этап универсализации свидетельствует, что критерием победы в информационной войне является ситуация, когда целевая аудитория воспринимает деструктивную систему ценностей как освобождение. Этот фактор делает информационную войну главным элементом современной мировой политики, который активно используется сторонниками нового геополитического раздела мира.

Один из самых распространенных методов в современной информационной войне состоит в так называемом «освобождении» от тоталитарного режима, хотя цель подобных манипуляций остается прежней – захват стратегических сырьевых ресурсов. Смыслы не являются оружием, поэтому не все исследователи согласны с термином «смысловая война», который получил распространение в последнее время. Смыслы представляют собой основу мировоззрения, которые включают множество различных целевых установок, в которых декларируется выработанная система отношений к себе и к миру. Если же информация настойчиво навязывается конкретным субъектом, то это приводит к модификации смыслов, вплоть до лишения их всяческого актуального содержания.

Не совсем терминологически верно говорить о наличии информационных гражданских войн, потому что у власти нет вооруженного информационного противника. Имеется только классическое управление, которое реализует власть, в том числе и информационными методами.

Если говорить о сценарии информационной войны, то он является классическим и включает в себя несколько этапов:

- 1) внушается, что в стране руководитель является диктатором и злодеем;
- 2) показывается, как в стране гибнут люди, их бесчеловечно травят химическим оружием;
- 3) делается вывод: только злодеи на это способны.

Можно согласиться с С. Расторгуевым, который уверен, что оборонительная тактика в информационной войне неизбежно ведет к поражению²⁶⁷. В 90-е годы

²⁶⁷Расторгуев С. Информационные войны – угроза для цивилизации [Электронный ресурс]// Режим доступа: <http://www.lgz.ru/article/-42-6435-23-10-2013/informatsionnye-voyny-ugroza-dlya-tsivilizatsii/>.

активную роль в информационных войнах принимали отечественные СМИ, которые финансировались из-за границы. В России, к сожалению, не имеется органов, которые отвечают за информационную политику. Информационные войны работают против нас, против человечества в целом, поскольку они уничтожают тот фундамент, на котором стоит человеческая цивилизация. Например, в информационную эпоху создавать фальшивки стало легко, используя программное обеспечение, которые благодаря интернету стало совсем просто распространять. Вот почему основной центр изготовления и распространения фальшивок сегодня переместился в Интернет.

Опасность информационной атаки постоянно возрастает из-за того, что ведущие страны мира отдают приоритет развитию информационных технологий, а защита и безопасность информации входит в систему важнейших приоритетов существующих социумов. «Информационная война является центральной проблемой национальной безопасности XXI столетия, и США должны создать согласованную политику национального уровня по военному и стратегическому использованию этих новых технологий и возможностей в дни мира и войны»²⁶⁸.

На наш взгляд необходимо учитывать тот факт, что проработанность моделей и практических подходов, их анализ не достаточно серьезно раскрыт в российской научной литературе. В частности, не учитывается способность информационной войны преобразовывать не только структуру массового сознания, но также саму структуру общества. А. Кива, в данной связи справедливо подчеркивает: «Именно в быстро развивающейся области исследований форм и методов информационной войны наблюдается отставание российской науки от западных передовых разработок. Антироссийские настроения на Западе сильно подогреваются постоянными утверждениями в СМИ, что Россия сползает к авторитаризму»²⁶⁹.

Информационные войны существовали всегда, поскольку одна из скрытых целей подобной политики – это не просто демонизация противника, но также

²⁶⁸Stein G. Information War- Cyber war Netware // Режим доступа: http://www.infowar.com/mil_c4i/stein1.html-ssi.

²⁶⁹Кива А. Совершенно иная Россия // Литературная газета. 2006. 13–19 декабря. С. 3.

стремление к разделению мира на объекты и субъекты потенциальной универсализации. Дело в том, что информация и дезинформация являются средствами массовой коммуникации, всегда способствующими борьбе за местное, региональное, континентальное и, наконец, мировое господство. СМИ приобретает все большее значение в современном мире по мере своего совершенствования, в значительной мере провоцируя рост притязаний государств-субъектов глобализации. Можно согласиться с утверждением И. Панарина, все чаще они выступают «одним из главных факторов мировой политики, а информационная война становится главным способом достижения экономической, духовной и политической власти»²⁷⁰. При этом, в условиях информационной войны важно донести именно свою точку зрения, поэтому власти США намерены вести информационную борьбу с Россией, вторгаясь в информационное пространство социальных сетей. Они работают над созданием специальных информационных войск, которые будут бороться с «российской пропагандой» в социальных сетях. Л.П. Загорулько резонно замечает: «Специальные информационные войска будут влиять на мировоззрение граждан России на языке своего противника»²⁷¹.

Информационная атака включает в себя систему отвлекающих мероприятий, которые призваны дезориентировать общество, затрудняя рациональный анализ реальных событий. Для реализации подобных задач разработаны определенные методы, которые включают в себя хаотичный набор амбивалентных сообщений, которые должны были замаскировать суть основного сообщения. Ведущим вектором основных информационных атак выступает апелляция к чувствам без должного осмысления на рациональном уровне. В этом плане часто используются отвлекающие эффекты, когда происходит искусная подмена заслуженной критики нелицеприятных фактов и злоупотреблений критикой всей модели мира и ее аксиологической системы.

²⁷⁰См.: Панарин И.Н. Информационная война и геополитика. М.: Издательство «Поколение», 2006. 560 с.

²⁷¹Загорулько Л.П. Проблемы патриотизма и национализма в контексте языка и языкового образования // Философия образования. 2015. № 3 (60). С. 87.

Процесс перестройки в СССР может служить наглядным примером успешного применения информационной атаки на российское общество, которая началась с нагнетания антикоммунистической истерии в СМИ, что, в конечном счете, способствовало изменению ценностных приоритетов советского общества. Резкий дисбаланс позитивных и негативных сообщений можно рассматривать в качестве яркого признака информационной атаки

Как справедливо заметил А. Зиновьев, «интеллектуальная среда загрязнена, отравлена, изуродована еще больше, чем среда природная. И это не вызывает никакой тревоги ни у кого, вообще не замечается и не воспринимается как явление катастрофическое»²⁷². Часто предметом силового давления и манипулирования становится коллективная память, когда переписывается то, что до нее было спонтанно сохранено, а также контролируется, намеренно изменяется ее содержание. Кроме того, умышленно делаются исторические подмены и подделки, не говоря уже о том, что некоторые исторические факты сознательно замалчиваются или искажаются, а другие изменяются так, что их значение преувеличивается или, наоборот, преуменьшается. Это свидетельствует о стремлении овладеть памятью, а также о попытке ликвидации героического прошлого. Любая универсализация вносит такие понятия, как национальное обезличивание, а также неуверенность, безнадежность, чувство страха.

Эффективное противодействие информационной атаке обязательно связано с уровнем исторической памяти, которая выступает базисом общественной ментальности. Общество без исторической памяти довольно быстро превращается в толпу, которая легко меняет своих кумиров. «Память, используемая как средство легитимации статус-кво, укрепления внутреннего единства и идентичности группы, а также мобилизации в бою с оппозицией или врагами, является важной политической темой. По этой причине историческое значение никогда не является лишь академической проблемой, а имеет, признается это или нет, важные политические коннотации»²⁷³.

²⁷²См.: Зиновьев А. Фактор понимания. М.: Алгоритм. Эксмо, 2006. 528 с.

²⁷³Шубрт И. Парадоксы коллективной памяти // Коллективная социально-историческая память и вызовы современности. Актуальные теоретические очерки: сб. науч. статей. Н. Новгород: Изд-во ВВАГС, 2011. С. 21.

Один из ведущих специалистов в области информационной безопасности Г. Почепцов дает характеристику информации как оружию, приводя выдержки из официальных американских документов: «Глобальное информационное пространство является настолько необходимым источником информации, что его в обязательном порядке необходимо принимать во внимание во всех будущих военных действиях»²⁷⁴. Уничтожение сложившейся в конкретном обществе системы ценностей всегда сопровождается анализом мест, которые могут оказаться наиболее уязвимыми в смысловом пространстве врага. Соответствующие стереотипы и представления обрабатываются с помощью отработанных методов посредством СМИ, и, потом им искусственно придается основополагающее значение.

В заключение важно отметить, что приведенные аргументы подтверждают тезис о том, что информация выступает в качестве главного двигателя универсалистских тенденций современности, аргументируя те преимущества, которые несут в себе организационные формы объединительных процессов, затрагивающих сегодня все человечество, поскольку оно базируется на новейших информационных технологиях.

Важной составляющей любой универсализации является PR, и данный фактор играет принципиальную роль в современном мире. Э. Бернейс в книге «Пропаганда», где заложены основные принципы современного PR, отмечал: «Сознательное и умелое манипулирование упорядоченными привычками и вкусами масс является важной составляющей демократического общества. «Всеобщая грамотность» дала человеку не грамотность, а набор штампов из рекламных слоганов, передовиц, опубликованных научных данных, жвачки желтых листков и избитых исторических сведений – из всего что угодно, только не из оригинальности мышления. У миллионов людей этот набор штампов одинаков, и если на эти миллионы воздействовать одним и тем же стимулом, отклик тоже получится одинаковым»²⁷⁵. За период, прошедший с момента

²⁷⁴Почепцов Г.Г. Информационные войны. М: «Рефл-бук», 2000. С. 570.

²⁷⁵Бернейс Э. Пропаганда. – М.: Hippo Publishing, 2010. – 166 с.

написания этих строк, пропаганда получила в свое распоряжение телевидение и Интернет, которые являются намного более мощными современными механизмами, хотя сущность пропагандистской деятельности осталась прежней.

Сам Э. Бернейс как автор разработки первичных пропагандистских принципов, не ставил в качестве своей цели разоблачение пропаганды для отказа от нее или замену ее какими-либо иными механизмами. Он считал, что такой подход является единственным способом внесения порядка в хаос демократического общества, которое с каждым годом становится все сложнее по своему устройству: «Пропаганда будет жить вечно. И разумный человек должен понимать, что пропаганда по сути – современный инструмент, с помощью которого можно бороться за плодотворный труд и привносить порядок в хаос»²⁷⁶.

Информационное сопровождение универсалистских тенденций может приобретать более конструктивный характер при системном подходе не только к современности, но также к историческому прошлому. В этом случае допускается возможность альтернативного течения рассматриваемых процессов, хотя учебник истории не может выступать в качестве альтернативного учебного пособия. Воспроизводство истории на базе системного подхода предполагает научную постановку вопроса о возможности и перспективах универсальной истории. Если процесс как явление совершается в системе сложных, неоднозначных детерминаций, то он по своей природе является многовариантным.

Постоянное совершенствование технологий информационной войны и ее методов актуализирует разработку систем противодействия любым манипуляционным технологиям. Принципиальное значение также приобретает развитие инновационных методов управления и защиты информационного пространства, поскольку никакая манипуляция не достигнет результата в том обществе, где забота об исторической памяти становится государственным делом. Любые манипуляционные акции базируются на феномене искаженной исторической памяти, потому что национальную модель мира может быть уничтожена только вместе с народом.

²⁷⁶Там же, 166 с.

Таким образом, информационное сопровождение универалистских тенденций современности представляет собой динамическое взаимодействие двух тенденций, а своеобразие их соотношения в конкретный исторический период обуславливает характер заимствования опыта чужих социумов или неприятия чуждых духовных ценностей. Выработка единых, универсальных принципов, согласно которым будет происходить органичное взаимное перетекание положительного опыта отдельных социумов, затруднена универалистскими притязаниями вестернистской науки, которая традиционно делит мир по субъектно-объектному принципу. Слишком сильны стереотипы, когда реализация подобной идеи универсализации на практике превращается в примитивную унификацию с насаждением единых стандартов и стереотипов.

3.2. Россия в системе универсалистских тенденций

Если рассматривать исторический опыт нашей страны как универсалистский, то стоит отметить, что Россия поражает широчайшей полярностью и многообразием противоположного. Угроза полной утраты базовых идентичностей, которая была реальной на протяжении XX века, отразилась на российском обществе крайне болезненно. Новейшая российская история ознаменовалась мировоззренческими революциями, в результате которых происходила радикальная смена аксиологических доминант. В этом случае базис групповой солидарности сдвигался от системы ценностей, основанной на идеалах православия к ценностям коммунистической идеологии, что привело к угрозе полного распада общенационального, общеразделяемого и культурно-символического кода.

Если для западного мышления характерно противопоставление одного другому, а для восточного – сближение одного с другим, то для русского мышления приемлемы сразу, вместе, и одно с другим. В свою очередь, П.В. Калитин на примерах показывает разницу в характерах: «Практичному, рассудочно дисциплинированному немцу невдомёк, например, зачем китайцам и японцам их невероятно сложные азбуки-грамоты. А среднестатистический англичанин, чьи относительно недалекие предки безжалостно казнили детей за краденые булки, вряд ли поймет, почему сердобольные русские крестьяне потчевали чем Бог послал шедших по арестантским трактам закоренелых преступников. Не поймет носитель западного мировоззрения и то, отчего на Руси издревле почитались юродивые²⁷⁷.

Для успешного противостояния информационным потокам, которые сопровождают неконструктивную социальную универсализацию России, нужен модернизационный и духовный прорыв, который вряд ли возможен без пассионарного начала. Выдающийся исследователь евразийских начал

²⁷⁷См.: Калитин П.В. Россия – не для «нормальных». М.: Институт общегуманитарных исследований, 2008. 352 с.

русской истории Л.Н. Гумилев рассматривал Россию в неразделимом сплаве природных и культурных процессов, включающих язык, традиции, религию и почву. Идея этногенеза, по мнению великого мыслителя, базируется на пассионарности, представляющую собой непреодолимое стремление к деятельности приобретает особую актуальность в условиях усилившихся попыток формирования унифицированного мироустройства. Развитие идей Л.Н. Гумилева предполагает учет того непреложного факта, что история нашей страны является следствием слияния византийского, западного и азиатского исторических потоков. Учет этого тезиса не только помогает осознать исторические корни русского общества, но и выработать действенную систему противодействия разного рода социальным унификациям. Именно поэтому на современном этапе значительно снизился накал длительной конфронтации между славянофилами и западниками, евразийцами и западниками. Растущее понимание указанных трех истоков русской истории способствовало пониманию значительной роли исторической почвы, которая заложена в славянофильской и евразийской традициях. «Заносное с запада или востока поверие никак не смогло бы укорениться на отечественной почве, не найди оно тут благодарного приема у того человеческого свойства, которое издревле почитается корнем всех прочих пороков – гордости. И пока шла открытая борьба с новоявленной ересью со стороны церковной и гражданской власти, самый дух ее, куда более тонки, нежели грубая внешняя форма, потихоньку овладевал нетерпеливыми умами»²⁷⁸.

Идеология неолиберализма, вытеснив конкурирующую идеологическую систему, которую воплощал собой СССР, породила веру в единственно правильный путь развития, способный вывести на магистральную дорогу прогресса. Взяв за основу предположение об одинаковых результатах развития социумов, неолибералы выводили логическую цепь, согласно которой страны, движущиеся к демократии, проходили аналогичные этапы, находясь под влиянием схожих факторов. Эта предпосылка, наряду с широко декларируемой несостоятельностью классической советологии, являлась причиной повышенного

²⁷⁸Паламарчук П.Г. Москва или третий Рим. М.: Современник, 1991. С. 20-21.

интереса к региону со стороны ученых и экспертов, которые ранее специализировались на новых демократиях в разных частях света.

Универсалистские тенденции в виде имперских структур постоянно проявлялись в истории, поскольку России приходилось воевать почти каждое десятилетие в течение многих столетий. Вместе с тем, важно понимать, что отдельные войны и героические походы, прославлявшие русского солдата на всю Европу, часто не затрагивали судьбу всей страны, поскольку они были подчинены решению конкретных геополитических задач, или борьбой за чужие интересы. Однако именно Отечество может быть гарантом сохранения социокультурной идентичности, поскольку оно включает в себя не только землю и постройки на ней, но также чувство рода и ощущение живой сопричастности деяниям предков и судьбе потомков. Только тогда появляется способность ощутить угрозу Отечеству как общенациональную беду. Вот почему универсализация родного пространства в виде империи может проявляться не в виде государства всеобщего подавления, а многоэтничное население, объединенное централизованной властью. Вот почему такие ожесточенные атаки предпринимают субъекты социального универсализма против имперских настроений в нашем обществе, ведь империи не поддаются унификации.

И. Ильин в контексте проблемы «самосожжения» Москвы отмечал, что «Россия победила Наполеона именно этой совершеннейшей внутренней свободой... Нигде люди не отказываются так легко от земных благ (...) нигде не забываются так окончательно потери и убытки, как у русских»²⁷⁹. Великая Отечественная война чрезвычайно обострила все национальные чувства, которые были значительно нарушены классовым интернационализмом. Именно в условиях этой величайшей трагедии были востребованы великие имена А. Суворова, М. Кутузова и других русских полководцев. Более того, память об Отечественной войне 1812 года вдохновили бойцов и на великую Победу 1945-го года. В последние годы происходит постепенное очищение от трагедий, что несли

²⁷⁹Нарочницкая Н.А. Ярость благородная [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2012/09/27/yarost_blagorodnaya/.

в себе революции и гражданские войны, воссоединив в русских людях единую полосу русской и советской истории. «Применение в социально-философских исследованиях понятия «образ будущего» вызвано стремлением осмыслить не само будущее, а то, как именно оно видится в том или ином настоящем»²⁸⁰. Слова М. Каченовского сегодня приобретают особый смысл: «На что ж нам прагматическая история, если не для того, чтобы показывать все необходимо нужное, все в связи, все на своем месте и в надлежащей перспективе; ибо история так же имеет свою перспективу, как имеет ее живопись. При таком расположении и мелочи не будут утомительны»²⁸¹. Можно утверждать, что диалектический подход к историческому прошлому все более прочно и убедительно укореняется в нашей жизни, становясь нормой для большинства российских ученых. Это способствует выработке своего взгляда на перспективы формирования единого человечества.

Характерной чертой отечественного исторического познания является мифотворчество. Это связано с тем, что в советское время диалектический проект, несмотря на громогласные декларации официальных властей фактически не разрабатывался. Ведущие положения государственной политики XVI века определялись не борьбой дворянства с боярами, как он считал прежде, а борьбой с пережитками феодальной раздробленности, что следует избавиться от переоценки степени централизации государственного аппарата в России, что объединение земель под великокняжеской властью само по себе еще не означало создания централизованного государства относится к середине XVII века.²⁸² Такая концепция вполне вписывалась в марксистские представления об истории. Автор обращал особое внимание на труды «основоположников», отметив их особо в историографической части книги («Классики марксизма-ленинизма и советская историография»). «В трудах В.И. Ленина показано, что русский исторический процесс в средние века шел теми же путями, что и в других европейских

²⁸⁰Желтикова И.В. «Образ будущего»: происхождение понятия, его границы, эвристический потенциал // Вестник Орловского государственного университета. 2011. № 2 (16). С. 213.

²⁸¹Каченовский М.Т. От киевского жителя к его другу // Сборник материалов по истории исторической науки в СССР (конец XVIII – первая треть XIX в.) / ред. И. Д. Ковальченко. М.: Высшая школа, 1990. С. 143.

²⁸²Панях В.М. Панорама России XV–XVI веков А.А. Зиминой (в связи с выходом в свет его книги «Витязь на распутье») // Отечественная история. 1992. № 6. С. 75.

странах... В.И. Ленин как историк-марксист объяснял политическое объединение русских земель глубокими социально-экономическими причинами», - писал он)²⁸³. В СССР «(...) все исторически значимые модели общественного переустройства страны исходили из одной, пусть и весьма неоднородной, социальной общности – из среды отечественной интеллигенции, бестрепетно бравшей на себя роль выразителя интересов различных классов и сословий российского общества. А это значило, что все (...) модели в той или иной степени и форме содержали в себе черты в сущности одной и той же ментальности, «несли на себе черты в сущности одной и той же ментальности, «несли на себе все «родимые пятна», свойственные русской интеллигенции как целому»²⁸⁴.

Для России характерен коллективизм, который, в частности, проявляется в соборности. Многие русские мыслители оценивают соборность как особое социальное свойство, характерное в первую очередь для православия, которое выступает как противоположность католической авторитарности и протестантского индивидуализма. Вместе с тем монарх в России прислушивался даже к мнению простого человека, который не имел высокого статуса, что опровергает распространенные тезисы о минимальной роли простой личности в русском обществе того времени²⁸⁵.

Информационная поддержка универалистских тенденций в России имеет свою специфику, что связано с разрушительными событиями последних десятилетий, которые стали сильнейшим стрессом для исторической памяти народа и дезориентировали массовое историческое сознание. В результате подобных универалистских экспериментов почти полностью девальвировались такие понятия, как «Отечество», «патриотизм» и т.п., все чаще приобретающих негативный оттенок. Одной из основных причин кризиса социокультурной идентичности для россиян стала дегероизация истории России, при помощи которой разрушались привычные установки массового исторического сознания.

²⁸³Зимин А.А. Россия на пороге нового времени. М., 1972. С. 26.

²⁸⁴Модели общественного переустройства России: XX век / отв. ред. В.В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 2004. С. 379.

²⁸⁵Разумовский Ф. Модернизация с кнутом и без [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://lgz.ru/article/N22-23--6123----30-05-2007--/Mod%D0%B5rnizatsiya-s-knutom-i-b%D0%B5z439/>.

Традиционный образ прошлого утратил сложившиеся ориентиры в массовом историческом сознании, чему способствовала попытка изоляции советского периода от истории мировой цивилизации, приведшая к формированию у части населения чувство отчуждения. Оно усугублялось разрывом между разными поколениями россиян, которые исповедуют различные убеждения, что периодически проявлялось в обострении идеологического противостояния на разных уровнях. Произошедшая девальвация достоинств прошлого отразилась на настоящем и обесмыслила существование людей, потому что в их сознании были обесценены долгосрочные цели. Утрата смысла жизни для многих людей была связана с тем, что в массовом историческом сознании нарушилась преемственность между прошлым и настоящим, что не позволяло с надеждой смотреть в будущее. Г. Марсон был уверен, что «(...) отрицание истории – это приглашение к пародии»²⁸⁶. Однако тот факт, что Россия уже не раз выбирала путь насильственного разрешения накопившихся противоречий, выбрав вариант модернизации «сверху»²⁸⁷.

Характерная черта любой универсализации – это последовательные попытки девальвации основополагающих символов высшей доблести российского народа, которые сопровождаются разрушением опорных точек национального самосознания, подпитывающих национальный образ мира. В частности встречается много желающих максимально использовать в своих целях известную склонность российского общества к саморазоблачению. Часто всенародные трагедии максимально используются для кардинальных выводов о порочности российской ментальности, на базе которых формируется универсальный комплекс вины, рассчитанный на все последующие поколения нашего общества. Символический баланс разрушается посредством гиперболизации конкретной стороны исторических событий при нивелировании другой ее стороны.

²⁸⁶ Морсон Г. Границы жанра. Антиутопия как пародийный жанр // Утопия и утопическое мышление. М., Прогресс, 1991. С. 238.

²⁸⁷ История человечества. В 8 т. Т. 8. Россия / под общ. ред. чл.-корр. РАН А.Н. Сахарова. М.: Издательский Дом МАГИСТР-ПРЕСС, 2003. С. 494.

Широкий поток исторических фальсификаций подтверждает тот факт, что в условиях современных универалистских тенденций предпринимается серьезная попытка фальсификации российской истории, а также девальвации ценностей, ведущих к разрушению национальной модели мира российского общества. Ситуация усугубляется тем фактом, что отечественная история всегда имела глобальный ракурс, что связано как с геополитическими факторами, так и с менталитетом. Дело в том, что отечественная история включает в себя историческое прошлое народов, включая самые маленькие народности, которые общими усилиями создавали российскую государственность. Геополитическое пространство России формировалось на протяжении столетий, поэтому «ликвидация такого геополитического пространства не только поставила под угрозу исчезновения русскую нацию, но и другие народы бывшего СССР»²⁸⁸. Суверенитет России был значительно ослаблен в 90-е годы XX века, когда в стране почти утвердилось внешнее управление. Вот почему восстановление единого социального пространства на обломках постсоветского пространства предполагало восстановление суверенитета: возвращение полного контроля государства над территориями, а потом над ведущими частными монополиями, общефедеральными СМИ и всей политической системой.

Однако попытки восстановления единого социального пространства на постсоветском пространстве наткнулись на стремление идеологов социальной унификации продлить свою гегемонию в крайних формах. Была выявлена зависимость: любое усиление России как самостоятельного субъекта мировой политики вызывает пропорциональное давление на нее со стороны Запада. А.Г. Дугин рассматривает эту ситуацию как «(...) конфликт между иерархическими инстанциями человечества: мировые державы соперничают между собой, региональные могущества между собой, а страны послабее вписываются в те рамки свободы действий, которые ставят им в структуре баланса сил более крупные игроки. Главной мировой державой являются США, и

²⁸⁸ Андрищенко Е., Сергеев С., Фроянов И. Кто матери-истории ценен? [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://lgz.ru/article/2013-god/kto-materi-istorii-tsenen/>.

восстановление Путиным статуса России не могла не повышать уровня напряженности. Россия претендовала на звание мировой, а не региональной державы, но после катастрофы 90-х без серьезного боя никто на Западе (по меньшей мере, никто в атлантистских элитах Западе) этого признавать не собирался. Иначе и быть не может: баланс между ведущими центрами силы складывается на основании могущества каждого из них, и никто никогда не станет равнодушно наблюдать за ростом мощи конкурента. Остановить его и удержать противника под своим контролем – естественное и вполне объяснимое желание»²⁸⁹.

Американский, англосаксонский миф о русской угрозе необходим для сдерживания континентального европейского политэкономического процесса. При этом «доказать» свои мирные намерения в рамках этого мифа нам предлагается путем максимального собственного ослабления и саморазрушения. Однако Россия по факту становится сейчас самой свободной страной в мире, свободной от сверхвласти, и нам нужно полностью использовать этот потенциал для создания широкого фронта своих сторонников на континенте. Конечно, не имеет перспектив американская система идеологического управления, тем более, что симптомы крушения однополярного миропорядка проявляются на фоне солидного стратегического потенциала, который еще сохранился у России²⁹⁰.

Главное звено в цепи последних событий – вовсе не присоединение Крыма и не трагический распад украинской государственности. Все это стало лишь поводом и фоном для куда более важного исторического обстоятельства. Впервые в постсоветской истории Россия открыто заявила о том, что не собирается подчиняться правилам однополярного мира, которые навязываются ей «глобализационным атлантизмом», что будет защищать свои позиции свое видение мира любыми способами, не исключая военных²⁹¹.

Тему этоса глобального мира можно описывать на универсальном языке В. Соловьева. И это будут одни результаты. А можно описывать на позитивном

²⁸⁹Дугин А.Г. «Второе тело» Владимира Путина // Однако. 2014. июнь–июль. № 174. С. 14.

²⁹⁰Косолапов Н.А. ИМО: верификация научной концепции // Полис. 2004. № 2. С. 177.

²⁹¹Восканян М. В новую реальность – без обратного билета // Однако. 2014. Июнь–июль. № 174. С. 43.

языке Данилевского – Леонтьева. И это будут другие результаты. Иными словами, тему глобалистики можно обсуждать как столкновение двух конкурирующих философских стратегий. «Присутствие во всем увиденном мира от его сотворения, выметает (очищает) глобальный подход. Каждая вещь требует для себя всего того внимания, вклада и выкладывания, какого требует весь глобус в глобальном подходе, потому что вбирает в себя клубок вселенной»²⁹².

Многие справедливо подчеркивают, что ни один европейский народ никогда не потерпел бы того, что русские терпят уже два десятка лет. «Любой европейский народ, сразу же объединяясь, выступил бы против подобного издевательства над собой. Так что если и говорить об особых отношениях русских с правдой и справедливостью, то они не в особой чувствительности, а в особой нечувствительности нашего народа к этим моральным императивам»²⁹³. Однако возникает вопрос, насколько конструктивным был подобный подход, ведь России навязали такую систему ценностей, игнорируя ее волю, поскольку народ России ожидал совершенно другого²⁹⁴.

Для России, как и других стран, осуществляющих системный переход, характерно сочетание «старых» и «новых» институтов и типов поведения. Поскольку страна находится в состоянии продолжительного системного перехода, институты, «отвечающие» за переход, и соответствующие модели поведения начинают доминировать в системе общественных отношений. Собственно, отсюда происходит интерпретация сегодняшней России как страны коррумпированного капитализма²⁹⁵.

Однако необходимо учитывать, что обладание огромными природными богатствами не только не делает страну влиятельной на глобальной арене, но, напротив, подчеркивает ее зависимость от мировой конъюнктуры, делает ее уязвимой от решений, принимаемых за ее пределами. Размер территории или

²⁹²Бибихин В.В. Другое начало. СПб.: Наука, 2003. С. 346.

²⁹³Соловей В., Соловей Т. Чего не хотят русские [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://volnodum.livejournal.com/432956.html>.

²⁹⁴Лавров В. Брань и ужас [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://lgz.ru/article/N35--6289---2010-09-08-/Branu-i-uzhas13804/>.

²⁹⁵См.: Большаков С.Н. Европа в поисках ответов на глобальные вызовы и кризисы / С.Н. Большаков // Геополитика и безопасность. – 2017. – № 3 (39). – С. 9-13.

геополитическое расположение, численность населения, его характеристики, климат или возможности привлечения туристов также не в состоянии сами по себе сделать страну влиятельной и авторитетной. Очевидно, прав Н.А. Бердяев: «Необъятные просторы России тяжелым гнетом легли на душу русского народа. В психологию его вошли и безграничность русского государства, и безграничность русских полей. Русская душа ушиблена ширью, она не видит границ, и эта безграничность не освобождает, а порабощает ее. Эти необъятные русские пространства находятся и внутри русской души и имеют над ней огромную власть. Русский человек, человек земли, чувствует себя беспомощным для того, чтобы овладеть этими пространствами и организовать их»²⁹⁶.

Наша цивилизация имеет исторический опыт, который позволяет строить здоровый глобализм без навязывания другим ценностей и представлений. Определенные русские модели поведения естественным образом были приняты народами Евразии – в разной мере и степени, в зависимости от установок самих народов. Русский человек умел так построить отношения с другими народами, что не возникало необходимости какого-то натужного вживания в Иное и необходимости нарочито впускать в себя Другого. Мы взаимно интегрируемся и в то же время соблюдаем необходимую дистанцию. Тут нужен природный дар и исторически сформированный навык жить одной семьей и одновременно уметь оставаться собой.

Россия часто переживала драматические изменения, что обусловлено месторасположением и многоэтничностью, поэтому сумела приспособиться к противоречиям, которые заложены в сосуществовании идентичностей. Однако сегодня мы наблюдаем кризис российской идентичности, что связано не только с частичной утратой монистического восприятия своей роли, но также с доминированием плюрализма, который, тем усугубляет фрагментарность восприятия окружающей действительности. Россия пока не готова обеспечить себе статус великой державы, хотя однозначно доказала, что не может оставаться региональной державой. Эти факторы также усугубляют кризис самосознания

²⁹⁶Бердяев Н.А. Судьба России. М., Из-во «Аст» 2004. С. 63.

России, тем более, что рецепты дальнейшего развития пытаются отыскать в национальной идее. Однако подобные попытки не могут быть реализованными, поскольку пока не дают ответ на вопрос о глубинном смысле существования России²⁹⁷.

Проблема также состоит в том, что основополагающей в России стала установка, согласно которой модернизация осуществляется как имитация определенного уровня вестернизации. Суть подобного подхода состоит в том, что постановка принципиальных национальных задач, а также попытки их решения тесным образом связаны с опытом Запада, то есть происходит регулярное заимствование чужих идей вместо решения собственных, общенациональных задач самостоятельно найденными средствами.

Оценивая влияние универалистских тенденций на Россию, необходимо подчеркнуть, что традиционный характер российского народа концентрирует свое внимание на важных вопросах, касающихся сохранения традиционных черт, а также принципов организации нашего общества. Государственность для россиян имеет большее значение, чем для многих либерально настроенных соседей, поэтому отстаивание права на собственный путь развития связано с противодействием диктату внешних факторов. Основное отличие особенностей развития западного общества от любого другого заключается в формальном равенстве, которое декларируется в западной системе ценностей, и выступает основой для движения к социальному государству. В России же социальная защита всегда была на первом месте, что обусловлено обостренным чувством справедливости, характерным для российского общества, а только затем внедряются дальнейшие либеральные принципы. По мнению В.Н. Шевченко, решение подобных проблем состоит в строительстве социального государства, которое всегда строилось с опорой на социальную справедливость как ведущий принцип. «Именно на этой основе должны осуществляться либеральные реформы, а не наоборот, если мы желаем получить такое жизнеспособное

²⁹⁷Глобализация и перспективы современной цивилизации / Сборник научных трудов под общей редакцией А.Т. Горяева. - М.: КМК, 2005. С.163.

российское общество, которое будет способно адекватно ответить на все угрозы и вызовы мировой глобализации»²⁹⁸. Дело в том, что «наши люди (...) хотят жить нормальной жизнью, а нормальная жизнь – это не хаос, не стихия свободного рынка, но она обязана быть кем-то и правильным образом организована»²⁹⁹.

Конструктивный универсализм может опираться на евразийство, ценность которого состоит не только в политико-идеологическом смысле, но и в плане творческой модернизации славянофильства. Однако пока модернизация не достигла желаемой цели, несмотря на то, что «огромное количество оппонентов также смогли внести свои идеи в сбор аргументов и устранения существующих и в отдельных случаях даже господствующих несообразностей»³⁰⁰.

Россия пока не может возглавить конструктивную универсализацию на базе конструктивной модернизации, потому что многие страны пока не рассматривают нашу страну как полноправного субъекта геополитической картины мира. Тем не менее богатейшие ресурсы и наличие технологических предпосылок для их освоения предполагают для России особую роль в ближайшие десятилетия. Тем важнее для нашей страны стать реальным актором международной политики в долгосрочной перспективе, что предполагает усиление евразийского вектора развития. Еще недавно словосочетание «русский проект» вызывало сильное раздражение у людей, захвативших сферу идей в России, однако сегодня эта идея становится все более актуальной, потому что в основе главный тезис: «Мы хотим вернуть понятиям «русская нация», «русская цивилизация», «русский национализм» здравые, политически корректные и при этом созидательно настроенные нотки».

Исследование роли информационного фактора в реализации универсалистских идей предполагает учет того факта, что национальная политика России во все времена имела заметные отличия от опыта, характерного для западных стран. На протяжении всей истории в России осуществлялся

²⁹⁸Шевченко В.Н. Проблема трансформации российского государства на современном этапе глобализации // Глобализация и перспективы современной цивилизации. М., КМК, 2005. С. 148.

²⁹⁹Александров С. Кто зовет «в поход за демократию»? // Литературная газета. 2006. 4–10 октября. С. 3.

³⁰⁰Красиков В.И. Дискуссии по евразийству и формирование евразийской социальной сети в русской эмиграции 20–30 гг. XIX века // Credo New. 2012. № 1. С. 78.

масштабный эксперимент по сохранению всех этничностей и этот уникальный опыт проявлялся во всем: от поощрения национальных языков до системы устройства органов управления с учетом своих традиций.

Для России и для других стран современного мира наиболее перспективным представляется такой подход, при котором осуществляется максимально широкая идентификация не только отдельного человека, но и социумов. Это означает, что, несмотря на различные попытки социальной унификации должна сохраняться социокультурная общность каждого народ в рамках большего социокультурного пространства. В этом случае каждый человек может идентифицировать себя не только по культурному, но и по гражданско-политическому статусу, несмотря на попытки идеологов социальной унификации на базе западных ценностей подвергнуть сомнению российскую идентичность. В этом случае устойчивость российского общества обусловлена диалектикой единого и многого, когда одно предполагает другое. Однако единомыслие при таком подходе не предполагает единообразие при подчинении людей одной воле, поскольку диалектическая сущность подобных понятий заключается в приведении к единству в процессе всенародного обсуждения всего многообразия мнений путем согласования их между собой. Однако помешать этому могут процессы роста социальной энтропии, которые ставят под угрозу жизнь общества как единого организма путем нейтрализации ее антиэнтропийного содержания. Подобная угроза актуализируется, когда в обществе насаждаются нормы социальности, чуждые ему по самой своей сущности, например, западные нормы личностного бытия, основанные на культе свободы. В этом случае нормы права неправомерно завышаются по отношению к социальным нормам, что губительно для российского социума, поскольку навязывается неадекватная нашему обществу модель мира. Если подобные процессы приобретают массовое значение, то они неизбежно имеют трагические последствия для жизни общества, вовлекая его посредством СМИ в водоворот универсалистских проектов.

Благодаря современным информационным ресурсам часто формируются неадекватные представления о перспективах социального единства в том случае,

если они выступают как нечто большее, чем символы. Причина кроется в том, что единство, выступающее в качестве цели, представляет собой беспредельную задачу; поскольку все зримые виды единства носят лишь частичный характер, выступая в качестве предпосылок настоящего социального единства. Дело в том, что завершённое единство не может быть выражено однозначно даже на уровне идеала, поскольку подобный уровень единства не может обрести реальность исключительно в правильном мироустройстве. Единство представляет собой бесконечно далекую точку, в которой одновременно соотносятся истоки и цель, то есть – это единство трансцендентного уровня, поэтому оно не может быть исключительным достоянием конкретной исторической веры, навязанной всему социуму в качестве абсолютной истины.

Современные рыночные условия оказались эффективными для административной элиты страны (и регионов) и материально обеспеченной части российского населения. Основная же часть населения России (и особенно Сибири) испытывает колоссальные трудности на своем жизненном пути и не видит способов изменить ситуацию. Именно поэтому для противодействия кризисным тенденциям необходимо решительно отказаться от культа рыночной идеологии, выбрать социально значимые ориентиры в развитии общества и вернуться к первостепенным социальным институтам, в том числе к качественному образованию, специально ориентированному воспитанию, гражданской ответственности на базе идеологической составляющей в поведении людей. Их восстановить не так просто, однако необходимо, ведь другого пути у России просто нет. Вот почему вместо исключительной погони за прибылью в настоящее время необходимо использовать резервы общества и производства для развития науки, образования, что позволит вывести национальное хозяйство на новый технический уровень и обеспечит новое качество жизни всего населения нашей страны³⁰¹. Для этого необходимо объединение усилий государства и населения, центра и регионов, поскольку развитие любого цивилизованного общества объективно связано с системой социальных институтов, среди которых

³⁰¹ Ванеева Т.А., Мжельская И.В. Зарубежные методы антикризисного управления. Новосибирск, 2014. С. 13.

ведущим является уровень образованности населения, влияющий на качество построения общественных отношений во всех сферах жизнедеятельности. Известно, что российская наука во второй половине XX века занимала передовые позиции в мире. «Главные завоевания нашего образования и науки, доказавшие свою эффективность и признанные во всем мире, интенсивно теряются. Постепенно уходят в прошлое фундаментальные научные школы и направления, которые были созданы еще в советское время корифеями отечественной науки»³⁰². Дело в том, что отказ от приоритета образования формирует размытое поле безответственного взаимодействия и ненадежных контактов между рыночными агентами. В этом случае индивидуальные и локальные интересы в основной своей массе будут преобладать над общественными. Более значимыми, чем совокупные результаты развития региона или общества в целом, станут установки на реализацию целей отдельных личностей или компаний. В итоге нарушаются основные взаимосвязи построения грамотных общественных отношений, что активно стимулирует появление кризисных ситуаций.

Современные исследования по проблемам исторической самоидентификации позволяют избежать универсалистских тенденций европоцентристского типа, даже если они используют мощнейший информационный потенциал. Л. Вульф в своей книге³⁰³ доказывает, что образ русских, который послужил базисом для формирования национализма в России, в Западной Европе создавался в целях самоидентификации. Различными течениями в лице славянофилов, евразийцев, панславистов реинтерпретировались идеи европейских философов, когда ведущие антиценности (деспотическое государство, равнодушие к страданиям, упорство в отстаивании своих обычаев) использовались в качестве предмета национальной гордости. Конкретные исторические примеры свидетельствуют, что все попытки взаимодействия России с Западом на основе формирования общих стратегических интересов препятствовал укреплению военной безопасности нашего государства. Как доказывает О. Владыкин,

³⁰²Ванеева Т.А., Мжельская И.В. Роль высшей школы в реализации антикризисной концепции развития России // Философия образования. 2015. № 3 (60). С. 26.

³⁰³См.: Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании Просвещения // Новое литературное обозрение, 2003. 560 с.

ситуация в тех регионах мира, которые представляют важность для наших интересов, а также находящиеся в непосредственной близости с нашими границами, часто становилась еще более сложной»³⁰⁴. Особенно ярко подобные тенденции, проявились во взаимоотношениях Республики Украины и Российской Федерации: «Не будет разговоров о братской любви, большой истории, чем умело пользовались украинские, и чем не переставали с ностальгией говорить российские политики, которые рассматривали Украину как часть территории, по недоразумению сегодня объявленной не зависимой от России»³⁰⁵.

Формированию конструктивных универалистских тенденций препятствуют русофобские настроения, которые, как показано в книге Т.Л. Лабутиной, «были заметны в Англии всегда, прежде всего в среде правящей элиты; антирусские настроения подогревались в общественном мнении Великобритании искусственно. Правительство хорошо оплачивало услуги журналистов, которые без устали твердили об опасности со стороны России».³⁰⁶ Можно утверждать, что глобальная парадигма в нашем сознании заняла место идеологической, а причина такого мироощущения находится не только в традиционном подходе к рассмотрению мира, но и в методологии. Мы никогда не ощущали себя в самой глобальной системе, боялись нырнуть в эту систему и стать в ней мировым полноценным игроком, что все гуманитарные науки находятся в плену линейно-плоскостного восприятия мира. В ответственный момент трансформации мировой системы мы взяли техногенные экономические наработки Запада, предназначенные для совершенно иной цивилизационной модели, и перенесли на национальную почву. Отечественным молодым специалистам дают знания, неприменимые в сегодняшних российских условиях, потому что в наших учебниках российская экономическая мысль базируется на западных стандартах, и мы готовим за счет своего бюджета кадры для Запада.

Действенным инструментом против универалистского информационного давления является антиэнтропийная система управления обществом, которую во

³⁰⁴Владыкин О. Без противника // Московские новости. 2007. 26 января – 1 февраля. С. 4.

³⁰⁵Литвин В. Украина теряет Россию // Московские новости. 2007. 26 января – 1 февраля. С. 3.

³⁰⁶Лабутина Т.Л. Британцы в России в XVIII веке. СПб., Алетейя, 2013. 352 с.

все времена разрабатывали русские философы во все времена, реализуя диалектическую направленность отечественной философии. Общество самосовершенствуется и способно противостоять росту социальной энтропии, если субъект управления обществом осознает естественное состояние общества, которое выступает в качестве объекта управления. Следует согласиться с мнением Д.Е. Григоренко в том, что «основополагающее значение для выработки механизмов противодействия отрицательным последствиям, которые несет в себе современная универсализация, имеет формирование системы антиэнтропийного управления обществом на базе традиционных для России концепций, где управление обществом является образом действительности общественной жизни»³⁰⁷. Ученые доказали, что на освоение и покорение имперской периферии нашим предкам приходилось тратить огромные ресурсы, которые изымались из внутренней России. Вот почему часто окраины оказывались в привилегированном положении, в то время как во главе государства встала европеизированная элита, отчужденная от номинальных хозяев империи – русского большинства. Множеству подтверждения подобных фактов посвящена книга историка Александра Эткинда³⁰⁸.

С началом холодной войны в политический обиход вошла бинарная теория тоталитаризма, согласно которой коммунизм и нацизм являются политическими аналогами, которые противостоят либеральному «открытому обществу». Общество прекрасно понимает, что в лице бинарной теории оно имеет дело с анахронизмом. Однако пока новая единая концепция тоталитарности не сформулирована, старый тезис о двух плохих режимах продолжает звучать. Именно медиакратия культивировала «двойной тоталитаризм»: чтобы либерализм считался легитимным, он должен был иметь глобального оппонента. Еще со времен Макиавелли известно, что единственная сила не может обеспечить устойчивость мировой системы³⁰⁹.

³⁰⁷Григоренко Д.Е. Русский социализм как антиэнтропийная концепция управления российским обществом // Теория и история. 2007. № 2. С. 31.

³⁰⁸См.: Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М., Новое литературное обозрение, 2013. 448 с.

³⁰⁹См.: Пересвет А. Русские – покорители славян. Русские – собиратели славян. М., Вече, 2013. 436 с.

Основываясь на ложных концепциях, многие ученые выдвигают свои, иногда экстравагантные версии. Например, А. Ципко в своих книгах задается небольшими частными вопросами, гипотезами и последовательно их подтверждает или отвергает, приходя к обобщенному выводу. Русов он предлагает искать через князя Владимира и отца его Святослава, возводя русскость к «дружинному интернационалу». Во второй книге «Русские – собиратели славян» автор балансирует между желанием показать, что «оккупации – не было», и убежденностью, что Русь славян покорила. Далее, А. Пересвет постепенно подводит читателя к желанию преодолеть славянскую идентификацию. Кризисная ситуация всегда заставляет смещать акценты в оценке разных явлений, событий и тенденций. Это просматривается в системе требований к высшему образованию. Узкоспециальные знания стали в условиях рынка оцениваться выше, чем общий уровень развития личности, что привело к серьезному перекосу в оценке специалистов, который является опасным для российской экономики, представляющей собой уникальное явление, охватывающее различные отрасли как по горизонтали, так и по вертикали.

В российской философии глобальная идея единения часто органично увязывалась с идеей «локального обустройства». Вот почему так важно, чтобы на идею сохранения социокультурной идентичности работали все ведущие ценности нашего общества: сбережение народа; ценности, ориентированные на охрану природной среды, выступающей в качестве общего дома для всех народов, населяющих страну; забота о здоровье людей; ориентация молодого поколения на духовные ценности. Они взаимно предполагают и дополняют друг друга, выступает в качестве формулировки высших целей и ценностей, с одной стороны, и в качестве стратегии их реализации, – с другой. Оптимизация деятельности всех актуальных социальных институтов общества осуществляется в процессе такого управления, когда антиэнтропийный вектор связан с усовершенствованием общественной жизни. Это направление включает в себя развитие коллективизма, упорядоченности, гармоничности, когда антиэнтропийная стратегия управления

осуществляется в рамках отечественных исторических традиций, базируется на гармонизации деятельности отечественных социальных институтов.

По мере усиления универсалистских тенденций современности значительно обостряется борьба за субъектность в глобальном мире, где роль России в продвижении универсалистской идеологии повышается. Это обусловлено тем, что именно она демонстрирует механизмы информационной адаптации человека к новой социокультурной ситуации эпохи глобализации, где универсализация направлена не на подавление культур малых социальных групп более агрессивными обществами, а на поиски различных вариантов сосуществования в общечеловеческом пространстве, которое позиционируется как целостное.

Представители религиозно-идеалистической философии в России акцентировали внимание на изменении мира и видели вектор этого изменения в «обожении» мира, в возрастании его одухотворенности. Не менее важным представляется тот факт, что русская философия не противопоставляла человека окружающему миру, усматривая смысл развития не в борьбе, а в движении «становящемуся всеединству» (В.С. Соловьев). В русском космизме единство человека и мира сформулировано в принципе антропокосмизма, который противопоставлялся антропоцентризму.

Таким образом, национально-цивилизационная идентичность российского социума часто представляется довольно размытой, хотя для общества, которое решает серьезные модернизационные задачи, национально-цивилизационное самоопределение выходит на первый план. В современном мире значительно повышается роль России как нового наполнителя идеи и практики универсализма. Естественная универсализация не только не отвергает, но максимально использует плюрализм различных обществ, обогащаясь в ходе их синтеза. Подобная универсальность мирового пространства может приобретать различные формы, учитывая разнообразие ее элементов и варианты их соотношений, поскольку естественная универсальность сохраняет, например, защитную роль государства.

3.3. Перспективы универсалистского общества как информационного

Мировое развитие последних столетий шло в направлении все более плотного пространственного насыщения территорий и сопровождалось им. Что здесь причина, что следствие, однозначно определить невозможно; корректнее говорить о динамической взаимодетерминации прямых и обратных связей территориальных и пространственных аспектов социально-исторического процесса. Но тенденция закономерна: устойчивая организация территории и жизни общества на ней создает множество пространств и выражается в нем. Правомерно полагать, что исторически сложившаяся культура народа, страны есть плотность, характер и содержание пространств на соответствующей территории³¹⁰.

Идея социального синтеза как реализация универсалистского подхода к современности состоит в том, что основные направления (материализм, субъективный идеализм, объективный идеализм) не только исключают, но также дополняют друг друга. Например, в марксистской теории наблюдается выход за пределы ограниченности традиционного материализма, поскольку эта философия базируется на диалектическом материализме, который делает акцент на развитии объективной реальности и видит свою задачу в изменении окружающей действительности на основе знания законов ее развития.

Перспективы универсалистского общества как информационного проявляется, в частности, в том, что материальное и идеальное у многих представителей религиозно-идеалистической философии понимаются как взаимодополняющие начала, пронизывающие весь путь развития мирового бытия. Подобные идеи максимально ярко это проявляются в работах французского философа XX века Тейлора де Шардена. А. Швейцер, критикуя хищническое потребительство, рассматривал стремление к единству через принцип «благоговение перед жизнью».

³¹⁰Косолапов Н. Россия: территория в пространствах глобализирующегося мира // Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 7. С. 3.

В то же время у К. Ясперс как сторонник социального синтеза пропагандирует взаимодополнительность душевной реальности субъекта (экзистенции) и духовных основ бытия в целом (трансценденции). В русской философии эта идея проявилась в соборности, которая выступает базовой ценностью русской культуры, согласно которой любовь к Богу, как высшей ценности мира в целом, объединяет индивидуальности, отдельных людей, обладающих самоценностью.

Среди философов дальше других по пути синтеза продвинулись объективные идеалисты, тем не менее, ведущую ценность будет представлять та концепция единства, где материя, душа и дух выступают паритетными и самоценными началами. Подразумевается, что каждый из этих составляющих вносит соответствующий вклад, а все вместе оказываются достаточными для достижения целостности мира. Целостный синтез отличается от эклектики, потому что все элементы сосуществуют даже без указания того отношения, в котором необходим тот или иной специфический подход³¹¹. В случае, если мир доминирует над человеком, символическое бессмертие достигается через служение обществу.

Научный тип мышления дает основание для провозглашения существования вместо целостного мира хаоса не связанных друг с другом «объектов». Настаивая каждый раз на представлении об очередном объекте как последней истине, научное мышление в самом скором времени и ниспровергает эту «истину» и выдвигает новую. На смену онтологии как знанию мира, знанию метафизики приходит их суррогат – так называемые «картины мира», произвольная взаимоувязка знаний, отнесенных к несвязанным объектам. «Всякая великая культура есть не просто конгломерат разнообразных явлений, сосуществующих, но никак друг с другом не связанных, а есть единство, или индивидуальность, все составные части которого пронизаны одним основополагающим принципом и выражают одну, и главную, ценность»³¹².

³¹¹См.: Сагатовский В.Н. Философия антропокосмизма в кратком изложении. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2004. С. 21-22.

³¹²Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., Политиздат, 1992. С. 429.

Трансформация мировой системы в начале XXI века проявляется в целом комплексе философско-антропологических проблем, затронувших все сферы жизни общества: социально-экономическую; политическую; военно-политическую; морально-этическую и т.д. Многие социумы оказались не готовыми к подобным изменениям мира, поскольку традиционная повседневная жизнь обществ была заключена в конкретном пространстве локальных культур. Осознание всех возможных последствий социальной универсализации, проявляющихся в различных формах взаимосвязанности народов, стран, институтов, социальных структур, требовало определенной подготовки для полноценного восприятия мира как единого. Более того, объединение мира на вестернистских началах, как показала современная глобальная практика, повлечет за собой неизбежные конфликты, потому что слабые государства не смогут в полной мере подчиниться более сильному. Можно прогнозировать локальные, региональные, межгосударственные конфликты не только культур, но и цивилизаций, что с неизбежностью актуализирует проблему гармонизации взаимоотношений между социальными группами.

Универсализация социального пространства предполагает постоянное создание новых, а также обновление уже имеющихся оформлений социального совершенства. Научное управление обществом максимально проявляется в осуществлении полноты, единства, взаимосвязи и гармонии социальной системы, то есть в этом случае можно говорить об эффективности антиэнтропийных процессов, которые направлены на всестороннее совершенствование социальной системы. Можно утверждать, что оформление социального совершенства представляет собой определенный результат по внедрению со стороны власти антиэнтропийных механизмов, которые работают на научном уровне управления обществом. «Новое мировоззрение должна отличать не только соответствующая широта охвата социального и природного бытия, но и кардинальная переоценка традиционных ценностей, существенный пересмотр познавательных возможностей человека и установки на оптимизацию деятельности, как в обществе, так и по отношению к природе. Уже само многообразие

категориальных смыслов «мировоззрения» свидетельствует об универсальном, многогранном, всеохватывающем отображении предстающего перед человеком мира. Требуется особая методология формирования теоретических оснований такого, по сути, целостного мировоззрения»³¹³.

Тотальное проникновение СМИ в жизнь общества сегодня приводит к необходимости включить в сферу научных исследований ряд феноменов. «Так констатируется, что ТНК СМИ представляют для государств серьезную опасность... ТНК СМИ в настоящее время, будучи взаимосвязанными с международными политическими и экономическими структурами, способствуют ослаблению национального государства посредством информационного воздействия»³¹⁴.

Сегодня можно говорить о новом глобально-информационном обществе, которое формируется в качестве специфической надстройки над устоявшейся мировой системой, представляя собой своеобразное трансграничное объединение. Следствием подобных процессов является становление транснациональной идентичности, которая не считает себя связанной с культурно-религиозной, национальной или этнической традициями. В этом плане патриотизм нации и ее настроенность на победу способствуют преодолению комплекса неполноценности, когда борьба за интерпретацию своей истории опирается на здоровый консерватизм по отношению к своему историческому прошлому. Признаком цивилизованного общества является способность гордиться своими победами и извлекать уроки из поражений, не впадая в унижительное самобичевание и самоуничужение, хотя история стран включает в себя не только победы. Вследствие этого требуется взвешенное и компетентное изучение национальной модели мира российского общества для успешного противодействия манипуляционным технологиям, ведь манипуляция теряет

³¹³Мякинников С.П. Основные аспекты архитектоники мировоззрения как социального феномена // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Культурология. 2013. № 33 (324). Вып. 30. С. 8.

³¹⁴Мякинников С.П. Основные аспекты архитектоники мировоззрения как социального феномена // Вестник Челябинского государственного университета. Философия. Социология. Культурология. 2013. № 33 (324). Вып. 30. С. 7-15.

смысл в том обществе, где культурные ценности культивируются на государственном уровне.

В результате разносторонней деятельности людей формируются исторические закономерности, представляющие собой не сумму случайных социальных действий и не произвольную смену форм исторического развития, а закономерный процесс, осуществляемый посредством сознательной и неосознанной деятельности общностей. Однако история не осуществляется по единой восходящей линии, что связано с различными интересами социумов, обуславливающих разные цели и модели развития. На этом пути возможны отклонения, остановки и даже движение в обратную сторону.

Для полноценного исследования современных перспектив универсалистских проектов важно исходить из разделения классических и неклассических стратегий философствования. Благодаря такому подходу можно позиционировать философию не только как комплекс различных проектов, но также уловить особенности ее трансформации, что «предоставляет собой крайне богатый набор относительно эффективных концептуальных инструментов для разрешения целого ряда поставленных тактических задач»³¹⁵.

Наблюдаемые сегодня в мире тенденции к универсализации в состоянии формировать в будущем общечеловеческое единство. Это стимулирует поиски оптимальной модели, включающей механизмы взаимодействия, а также направления выработки взаимопонимания между народами. Это актуально в том случае, если социальная универсализация направлена на обоснование реальных возможностей сосуществования различных социальных групп в целостном мироустройстве. Главное отличие подобной универсализации от предыдущих состоит в том, что новое сосуществование является органическим многообразием, а не простым механическим соединением. Когда речь идет о событиях «будущего», которые не следуют с необходимостью за нашими действиями, по мнению И.А. Дорошина, именно «апокалиптика представляется таким важным параметром социального мира – его пластичность и динамичность вне причинно-

³¹⁵Кузнецов В.Ю. Мир единств. М.: Альма Матер, 2010. С. 72.

следственных связей»³¹⁶. «При этом по отношению к СМИ транснациональность может предполагать не только особенности собственности, но изменение характера деятельности как трансграничное распространение и сбор информации»³¹⁷.

Концепция, направленная на оптимизацию социальной универсализации, должна включать в себя определяющие направления: адаптация; воспроизводство населения; общение; разграничение социальных ролей; выработка общепринятых познавательных целей; нормативное регулирование. Подобные составляющие можно позиционировать в качестве функциональных условий, которые являются общеобязательными для выживания любого социума.

Желая подчеркнуть новую смысловую нагрузку рассматриваемого понятия, некоторые ученые вводят понятие «новый универсализм», который детерминирован тем, что Запад исчерпал свою роль как мироисторический субъект. Подтверждением этого симптома является постепенное осознание Западом того факта, что его культура уже не выступает в качестве безусловного и доминирующего центра мира. Постмодернистское культурное сознание признает необходимость «другого», поэтому можно утверждать, что постмодерн создал условия для объяснения необходимости сосуществования множественности в едином универсальном пространстве. Постмодернистские версии в какой-то степени стимулировали выработку путей преодоления односторонности представлений о целостности мира, которые предлагали сторонники универсализма. Дело в том, что новый универсализм предлагает способы реализации социальной целостности, принципиально отличающиеся от традиционного универсализма, которые проявляются в следующем:

- 1) целостность мира предполагает выработку принципиально новой методологии;
- 2) всеобщность связей, лишенная универсально-нивелирующего характера;
- 3) творческая активность каждого из элементов новой структуры;

³¹⁶Дорошин И.А. Апокалиптические ожидания в обществе риска // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Культурология. 2013. № 33 (324). С. 100.

³¹⁷Белозеров В.К., Копылова Д.А. Транснационализация СМИ как проблема международной и национальной безопасности // Вестник Академии военных наук. 2013. № 4 (45). С. 33.

4) основания – не эманация целого, а определяемые и определяющие это целое.

Современный мир претерпевает изменения, вызванные развитием новейших технологий, а также связанными с глобализацией противоречивыми тенденциями интеграции и дифференциации (фрагментации), когда граница между локальным и глобальным, центром и периферией, внутринациональным и интернациональным становится все более размытой.

Информационные перспективы социальной универсализации тесным образом связаны с формированием абстрактных понятий, что позволяет исследователям подняться над традиционными категориями, иллюстрирующими человеческое бытие, удерживая при этом в поле зрения его целостность. Для СМИ особо актуальной становится проблема не просто ориентации человечества в направлении постепенного объединения человечества, а сохранение при этом всего многообразия человеческих отношений. При таком развитии событий удастся избежать опасных последствий насильственной стандартизации и унификации, которые могут проявиться в регрессе цивилизации или в военном конфликте. Социум, сохранивший свою социокультурную идентичность на этом этапе универсализации, может выступать в качестве стабилизирующего фактора по отношению к хаотизирующемуся миру. Современные универсализационные социосистемы глубоко взаимодействуют друг с другом, поэтому между элементами одной социосистемы мы можем зафиксировать элемент другой. В то же время глобализация значительно сократила информационное сопротивление мира, поэтому тактические возможности участников исторического процесса выравниваются, ведь инертность работает на укрепление иллюзии абсолютного превосходства отдельных социальных субъектов.

Когда речь идет об увеличении степени связности современного мира, то есть смысл говорить об информационном факторе как решающем в процессах универсализации. Дело в том, что ближайшее будущее востребует качественно нового человека, способного жить в мироустройстве, обладающем признаками мегаобщества, суперэтнуса и т.п. Как уже отмечалось, иерархичность

информационного пространства реализуется в соответствующей модели мира, что является доминирующей на данный исторический период, детерминированной совокупностью социально-исторических и природных условий общественного бытия. Параметры информационного пространства задаются всем многообразием условий существования общества, поэтому модель мира, доминирующая в данный момент, должна быть максимально адекватной этим условиям. Если же эти условия не выполняются, то подобная модель мира разрушается, несмотря на поддержку СМИ, и заменяется другой, которая имеет основания претендовать на доминирующую роль в создании модели мироустройства, являющейся более адекватной социальным условиям.

Адекватно исследовать сущность универсализма можно только в результате изменения пространственно-временных диапазонов и сфер. В этом случае появляется возможность по-новому оценить глобальные процессы, а также создающиеся на их основе глобальные структуры. При таком эволюционном подходе можно обнаружить не только направленные изменения глобальных систем, но также в результате глобальной деятельности появление новых. Развертывание социоприродного этапа эволюции в основном ориентируется на универсалистские модели, поэтому совокупность взаимосвязанных глобальных процессов и эволюционирующих систем представляет собой глобальный вектор развития. Подобное универсалистское развитие может быть определено как коэволюция глобальных процессов.

В эволюционно-темпоральном ракурсе универсализм условно разделяются на универсалистские процессы, что завершились в прошлом и происходящие в современную эпоху. Кроме того, для футурологов представляют интерес универсалистские процессы, которые потенциально развернутся в будущем. Все универсалистские системы так или иначе участвуют в процессах развития, которые имеют прогрессивную или регрессивную направленность и соответствующего информационного сопровождения эволюции глобальных процессов, что позволяет их анализировать. В этом плане определение эволюционных приоритетов позволяет расширить не только дальнейшую

исследовательскую, но также практическую глобальную деятельность, что формирует систему универсалистского управления, которая направленная позитивную ориентацию универсалистских процессов, принципиальным образом влияющих на судьбы цивилизаций.

Множество людей во всем мире выступают против смыслов либеральной глобализации, интуитивно ощущая глобальную опасность преждевременности реальных ее проявлений, хотя не имеют достаточно обоснованных научных возражений. Осмысление мировых процессов не должно вводить в заблуждение здравомыслящих людей, которых достаточно для того, чтобы определить первостепенность глобализации нравственности, как непрямого этапа эволюционной диалектики человека и общества. Это и есть глобальный структурообразующий принцип научной стратегии выживания всего человечества, потому что сегодняшняя ситуация в мировой нравственной диспозиции человеческих отношений характеризуется наличием большой напряженности в поле главной человеческой дихотомии: личное и общественное. Подобная ситуация противоречит принципам формирования социальной организации на гармоничных условиях существования, что может спровоцировать всемирную революцию.

Принципиально новым явлением в современной информационной революции постепенно становится новое высокоавтоматизированное информационное пространство, неудержимо распространяющееся на все страны и регионы мира. Ведущими факторами в этом выступают глобальные информационно-телекоммуникационные системы, где объем информации стремительно растет, уже превышая по основным параметрам объемы информации в других коммуникационных системах.

Можно утверждать, что у человечества имеется некоторый комплекс основополагающих ценностей, от которых зависит само его выживание. Речь идет, в первую очередь, о предотвращении всеобщей термоядерной войны, противостоянии разного рода природным катаклизмам, защита природной среды существования человека и т.д. Однако даже эти ценности, круг которых весьма

узок, понимаются разными народами и даже разными людьми по-разному. Вместе с тем, у человечества множество общечеловеческих угроз, и ради противодействия им нередко возникает необходимость жертвовать теми или иными общечеловеческими ценностями. С целью предотвращения вызовов, угрожающих безопасности всего человечества, усиливается тенденция перенесения так называемых универсальных или общечеловеческих ценностей в интересах сохранения единства и жизнеспособности человечества, что может оказаться проявлением не беспринципности или трусости, а мужества и мудрости. Р. Барт справедливо утверждает, что «сама идея о том, что может быть проблема мира или сам мир может стать проблемой, есть исторический акт, историческое событие в том смысле слова, что это само собой разумеется»³¹⁸.

Сложность реализации идеи социальной универсализации была также обусловлена тем фактом, что отдельные социумы заключены в жестком пространстве локальных культур и пока не готовы к такой реструктуризации мира, которая спровоцирует невиданные последствия. Более того, для подобных трансформаций важно осознание последствий взаимозависимости и взаимосвязанности всех социальных структур, а также к восприятию мира в качестве единого. Именно поэтому в современном мире столь востребована необходимость обращения к картине мира, складывающейся в мышлении представителей разных культурных типов. Особая система смыслов предполагает более полный учет специфики синтеза нерелексированных и релексированных факторов мышления. Потенциальная универсалистская взаимозависимость социумов создает реальные предпосылки для совместной деятельности людей, игнорируя государственные, социокультурные, конфессиональные и иные барьеры. Это создает принципиально новые проблемы для всех современных и будущих цивилизаций, усугубляющиеся по мере усиления роли малых стран, поскольку они претендуют на роль беспристрастного посредника в разрешении межгосударственных конфликтов.

Стабильность мирового порядка предполагает устойчивость развития

³¹⁸Барт Р. Мифология. М., 2008. С. 13.

каждого социума в отдельности, что гарантирует гармоничное сосуществование народов, несмотря на уплотнение разнообразных контактов между регионами. С этой точки зрения, универсализм будущего предполагает поступательное движение к такому обществу, которое аккумулирует в себе «единство завершенного общенационального воспроизводственного цикла, развитого гражданского общества и структурно- и функционально зрелой системы политического представительства»³¹⁹. Однако эйфория, связанная с универсалистскими тенденциями современности, не должна приводить к крайним взглядам, о чем пишет В.И. Замышляев: «Поистине, невежество в истории – как демоническая сила. По нашему разумению, государство – категория вечная! Даже если люди объединятся во «всеединство», «в братство», отнюдь не по пролетарски, а по ноосферной методологии В.И. Вернадского, все равно будет планетарное государство, приуготовившись к вражде или к сотрудничеству с Космосом»³²⁰.

Академик А.Д. Урсул максимально полно описал цивилизационную сущность процесса информатизации общества с философской точки зрения, показав стратегическую значимость их для развития человечества. Все яснее проявляется тенденция, при которой информатизация общества становится доминантой развития цивилизации, причем это проявляется не только на определенных этапах формирования глобального информационного общества. Более того, создаются условия для сохранения стратегического значения подобных тенденций в дальнейшем, когда информационное общество будет заменено другим обществом, содержание которого пока трудно прогнозировать. Можно утверждать, что благодаря информационной поддержке межкультурного взаимодействия формируются условия для реализации ведущих последствий, которые проявляются в политической, социальной, экономической и культурной среде. Конкретные успехи в построении универсальной периодизации могли бы способствовать изучению степени участия различных народов мира в процессах,

³¹⁹Володин А.Г., Широков Г.К. Глобализация: истоки, тенденции, перспективы // Полис. 1999. № 5. С. 92.

³²⁰Замышляев В.И. Философия марксизма и великорусский социализм // Теория и история. 2003. № 2. С. 67.

выходящих за пределы отдельных социумов и культурных регионов. Анализ процессов межкультурного взаимодействия помогло бы осуществить постижение с глобальной точки зрения сущность исторических периодов. Если в качестве критериев степени информационного обеспечения универсализации воспринимать межкультурные взаимодействия, то это помогло бы избежать периодизаций, в основе которых находились этноцентристские критерии, структурирующие мировое прошлое по опыту привилегированного народа. С этой точки зрения, можно согласиться с мнением Д. Бентли, согласно которому «(...) история является продуктом культурных взаимодействий, вовлекающих все человечество»³²¹.

Унификация национальных культур в процессе глобализации есть процесс, являющийся следствием экономической интеграции, несмотря на заметную автономность культур от экономик и способность культур сохранять свои специфические национальные, идейные основания в глобальных экономических интеграционных процессах³²².

Информационные факторы выступают в качестве определяющих для реализации универсалистских тенденций, которые стимулируют кардинальные изменения для гармоничного соотношения информационно-духовных факторов, с одной стороны, и механизмов цивилизационного развития – с другой. Однако ведущей тенденцией современности и ближайшего будущего является кардинальные трансформации в сознании людей, в понимании общечеловеческих ценностей, а также восприятия сущности человеческой истории. Можно говорить о доминировании социально-информационных процессов по отношению к вещественным, что дает повод отдельным исследователям говорить о становлении сферы разума. Для этого необходимо приоритетно-опережающее развитие информационных процессов, а также социальных механизмов, структур, направлений деятельности, имеющих информационную природу, которые сопровождают процессы информатизации и информационного обеспечения.

³²¹Бентли Д. Межкультурные взаимодействия и периодизация всемирной истории // Время мира: альманах. Вып. 2. Структуры истории. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. С. 173.

³²²Байдаров Э.У. Влияние глобализации на культуру и ценности человека // Вестник библиотечной ассамблеи Евразии. 2010. № 3. С. 30–36.

Подобного уровня развития общества в отдельной стране можно добиться посредством максимальной информатизации, а также основанной на ней интеллектуально-гуманистической перестройки социальных структур и отношений.

Концепция универсализма исходит из идеи единства многообразия, базирующегося на представлениях об универсальности как критерия измерения всеобщности коллективного бессознательного. Различные аспекты монизма, дуализма и плюрализма синтезируются в универсальном реализме, поскольку дифференциация представляет собой один из ведущих источников интеграции. Именно поэтому информационную составляющую универсализма стоит рассматривать не только как определенный вектор в социальной философии, но также развитие интеграционных тенденций в философии. Универсализм как особая мировоззренческая установка стимулирует социальный синтез, что создает условия для выработки конкретных путей гармоничного объединения культур.

Современный универсализм не предполагает полной подчиненности частного всеобщему, а особенного целому, поскольку формирует базис для дальнейшего развития информационных технологий. Вместе с тем в контексте подобного понимания универсалистского мышления могут решаться конкретные мировые проблемы в интересах конкретных субъектов, учитывая, что идея универсализма позиционируется в качестве западной идеи. По мере того, как проблема существования единого человечества все более актуализируется, максимально явными становятся принципиальные отличия социального универсализма от концепций, в основе которых находится технологический и технократический детерминизм; абсолютизация техники; жесткий прагматизм и антигуманизм, выступающие под именем демократии. Это и есть общий методологический базис, который формирует смысловое пространство социального универсализма эпохи модерна, акцентируя идею формирования единого мирового пространства. Подобные тенденции приводят к трансформации сущности человека, который максимально адекватно позиционируется в качестве потенциальной универсальности максимальной степени, которая исторически

представлена в роде, а не в индивидуе. Общечеловеческий социум представляет собой единство в многообразии, которое оформляется посредством взаимодействия разных народов. «Вот уже в течение более чем 300 лет, несмотря на активное сопротивление природного антропологического и социального «материала», опираясь на убеждение в открытости истины «естественному свету разума», народы Европы практически реализуют замыслы о «природе человека», «естественном праве», «договорном происхождении общества и государства», «природосообразности воспитания» и др.»³²³.

Важно подчеркнуть, что и единство, и мир во все века в различных странах понимались по-разному. Например, единство изначально не отличалось от тотальности, выступающей монолитной единственностью мира, практически не отличалось от нее. В свою очередь, перспективы универсалистского общества, которое выступает в качестве информационного симулякра, тесным образом детерминированы реальными проблемами при анализе инструментов выработки социально-философских стратегий для адаптации глобальных и локальных факторов. Однако сущность процесса современной социальной интеграции как широкого социально-исторического явления представляет собой единство противоречивых тенденций, которые включают в свое содержание не только глобализм, но и антиглобализм, интеграцию и суверенизацию. Сюда же можно отнести национальный и религиозный радикализм и, конечно, сотрудничество и противостояние социумов.

Современные исследования в социальной сфере показывают, что именно в гуманитарной сфере произойдут радикальные изменения, которые окажут в ближайшем будущем максимальное влияние на дальнейшую судьбу цивилизации. Учитывая современные универсалистские тенденции, можно утверждать, «что мировое сообщество находится на пороге новой гуманитарной революции напрямую связанной с образовательной революцией, благодаря которой можно будет сформировать новое системное мышление, развить новый глобальный

³²³Стрельченко В.И. Рациональность и гуманистические идеалы образования // Credo New. 2006. № 1. С. 37-56.

инновационный образовательный проект – образование в интересах устойчивого развития, нацеленный на экологически безопасное развитие всего человечества»³²⁴.

Применительно к сегодняшнему дню, когда киберустройства разной степени адаптивности и человеку как организму, облегчают его существование, но вовсе не улучшают его социальную природу, сложно говорить о решении глобальных проблем. Детерминация формирования личности в условиях дальнейшего развития цифровых технологий не позволяет формировать основания морали так, как это делалось прежде. Это, в свою очередь, требует изменения алгоритмов социализации индивида. Возможно, что эти алгоритмы находятся в структуре теории «виртуальной социализации» или в объеме «новой морали», смыслы которой пока не удалось концептуализировать явным образом. Слишком быстро происходящее изменение социальной среды, деформирующее процессы идентификации личности, задает гораздо больше вопросов, чем мировое научное и педагогическое сообщество может дать ответы.

В современном обществе, перенасыщенном потоками информации и претендующем стать действительным «обществом знания», человеку необходимо специально развивать когнитивные способности, способности критического и рефлексивного мышления. Условия постмодерна с его креативным нематериальным производством потребовали развития новых сетевых технологий управления в промышленности. Они пришли на смену адекватных для условий массового индустриального производства, но ныне устаревших бюрократических методов управления. Это не может полностью исключить определенные недостатки рефлексивного управления: например, отсутствие четко обозначенного механизма социальной ответственности при реализации принятых решений. Тем не менее, без внимания к когнитивным ограничениям, имеющим

³²⁴Габинская А.А. Гуманитарный смысл образования // Диалог поколений и культур в контексте глобализации: Материалы Международной конференции «Конфликт поколений в контексте информационной глобализации». СПб., Изд-во Политех. ун-та, 2007. С. 135.

как индивидуальную, так и социальную природу, любые технологии управления обществом знания могут оказаться недееспособны³²⁵.

Современной методикой когнитивного управления является, в частности, методика форсайт-проекта, для которого характерны следующие методологические установки: понимание инноваций не как отдельно взятых разработок, а как качество среды в целом, важнейшей составляющей которой является человеческий капитал в единстве количественных и качественных показателей; 2) понимание инновационной среды не в масштабе изолированной организации, а в масштабе широкой социокультурной среды³²⁶.

Вопрос о специфике технологий управления в обществе знаний может быть решен только в контексте философско-исторического анализа социальной эволюции. При всем разнообразии подходов к выделению стадий эволюции, если не говорить о теоретиках, тотально отрицающих линейно-стадиальный подход, наиболее популярным подходом остается теория стадий технологического развития.

Современное производство становится больше интеллектуальным, чем материальным, и осуществляется больше креативными работниками, чем промышленными рабочими. Удовлетворение массового спроса в стандартных товарах стало предпосылкой формирования на потребительском рынке так называемого гибкого спроса, который потребовал соответствующей организации труда. Начинается активное развитие сетевых организационных форм, приходящих на смену жестким масштабным иерархиям. Развитие сетевых структур позволяет представителям креативного класса создавать самостоятельные производственные единицы, выступающие по отношению к капиталистическим корпорациям в качестве подрядчиков, а не наемных работников. Становится все более очевидным, что современная информационная

³²⁵Кудашов В.И. Рефлексивное управление обществом знания: проблемы когнитивных ограничений // «Общество знания; философия, управление, образование»: Материалы III Сибирского философского семинара (Всероссийская научная конференция с международным участием). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2013. С. 26.

³²⁶Пирогов С.В. Управление развитием города в обществе знаний // «Общество знания; философия, управление, образование»: Материалы III Сибирского философского семинара (Всероссийская научная конференция с международным участием). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2013. С. 49.

цивилизация постепенно генерирует принципиально новый тип социальности – общества, основанного на знаниях.

Рассуждая о новом типе социальности, И.Ю. Алексеева видит в нем в первую очередь общество знаний, отмечая при этом, что общество знаний обладает всеми характеристиками информационного общества, однако они не тождественны. Содержание первого понятия общества знаний включает характеристики, которые относятся не только к развитию информационно-коммуникативных технологий, но также к развитию любых технологий и областей человеческой деятельности³²⁷. Специфика новых технологий новых информационных технологий состоит в их конвергирующем эффекте, поскольку все они взаимосвязаны и предполагают друг друга. Это позволяет прогнозировать единую научно-технологическую сферу знания, то есть речь идет о возникновении уникального научного конгломерата, предметом изучения которого станут почти все уровни организации материи³²⁸. Сегодня субъект не рассматривается в качестве обособленного от мира начала, благодаря чему он способен объективно отображать окружающую действительность. Познание – представляет собой креативный процесс, где главным становится устремление создать, сотворить определенный образ мира³²⁹. Полноценное исследование особенностей универсалистских тенденций современности предполагает учет того факта, что современный социум, находится в постоянном сотворчестве, создавая почву для «конструирования» нового мироустройства.

России важно в современных условиях реализовать собственную концепцию опережающего развития. Если рассматривать универсализацию в качестве определенного способ социального развития, то становится понятно, что ее цель можно определить как формирование самостоятельной картины мира, а также поддержание его адекватного состояния в условиях меняющейся

³²⁷ Алексеева И.Ю. Что такое общество знаний. М., Когито-Центр, 2009. С. 61.

³²⁸ Соловьева Л.Н. От информационного общества к обществу знаний // «Общество знания; философия, управление, образование»: Материалы III Сибирского философского семинара (Всероссийская научная конференция с международным участием). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2013. С. 121.

³²⁹ Ардашкин И.Б. К вопросу о специфике организации образовательного процесса в условиях когнитивного поворота и становления общества знания // «Общество знания; философия, управление, образование»: Материалы III Сибирского философского семинара (Всероссийская научная конференция с международным участием). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2013. С. 143.

действительности. Важнейшим направлением социального процесса в этом случае становится вектор, связанный с поддержанием сформированного образа мира в состоянии регулярной корреляции с динамикой информации, а также управление этим обществом. В связи с этим необходимо иметь соответствующие кадры для эффективного функционирования национального хозяйства и защиты Отечества. В этом плане необычно важна роль образования, в нем – истоки обновления общественной жизни на базе разработки общенациональной идеи, объединяющей население России³³⁰.

Конец XX – начало XXI века характеризуется переходом к новому технологическому укладу. Специалисты считают, что приблизительно с 2018 года начнется период широкого распространения VI технологического уклада, а к 20140 году ожидается конец фазы быстрого роста. Ключевым фактором этого экономического уклада будут являться нано- и клеточные технологии, а его преимущество по сравнению с предыдущим будет состоять в резком снижении энергоемкости и материалоемкости производства, а также в конструировании материалов и организмов с заранее заданными свойствами. Одним из ведущих трендов, который определяет успешность происходящих процессов, является создание, приобретение и использование знаний. Информационно-образовательное пространство, в котором обеспечивается реализация основных принципов непрерывного образования, представляет собой постоянно трансформирующееся единство субъектов образовательных взаимодействий различного уровня, специфическое для каждого национального региона³³¹.

Угроза деградации современного общества обусловлена недостаточным пониманием важности развития социального бытия в направлении постепенного объединения человечества, при котором соблюдается принцип сохранения многообразия человеческих отношений и разнообразия культур. Осознанный охват целостности глобализирующегося мира возможен при достаточно высоком уровне абстрактного понимания событий современной действительности.

³³⁰Ванеева Т.А., Мжельская И.В. Роль высшей школы в реализации антикризисной концепции развития России // Философия образования. 2015. № 3 (60). С. 25.

³³¹См.: Черных С.И. Образовательное пространство в условиях информатизации общества: монография // Новосибирск: НГАУ, 2011. 254 с.

Однако попытки достижения целостного мирового порядка исключительно путем унификации и стандартизации только внешнего или исключительно внутреннего человеческого бытия приводят к регрессу цивилизации. Формирование высоко абстрактных понятий позволяет подняться над отдельными предметами бытия, удерживая при этом в поле зрения его целостность. На подобном предметном уровне существует социум, который предстает как результат глобализации, выступающий стабилизирующим фактором в отношении к глобализирующегося и хаотизирующегося мира.

В современном мире требуется смена парадигм, характеризующих отношения между различными регионами, потому что сложилась асимметрия различных фрагментов глобального мира, что чревато расколом человечества на культурную часть и неприспособленную, к которой принадлежит большинство. Подобная ситуация требует пересмотра всей парадигмы модернизации любого социума, учитывая представителей социального пессимизма и исторического оптимизма, ведь сегодня разворачиваются противоречивые процессы интеграции и унификации жизни различных регионов планеты. Однако тенденции к объединению наблюдаются в отдельных регионах планеты, претендующих на отдельную цивилизацию на глобальном уровне. Интеграция политических институтов и национальных экономик в рамках локальных цивилизаций является вполне естественной в силу общности направлений исторического развития, которые составляют их общества и государства. Кроме того, принципиальное значение имеет информационно-коммуникационное и транспортное развитие возможностей на достаточном уровне, хотя подобное объединение в масштабах планеты не представляется естественным. Именно поэтому в современном мире создается планетарная цивилизация, которая состоит из органического единства мирового сообщества и плюралистического сосуществования культур и религий народов мира.

Можно утверждать, что мы сейчас находимся в середине глобализации, поэтому все чаще проявляются тенденции, характеризующиеся качественным перерождением ее в регионализацию. Это период структурно похожий на начало

XX века, когда тогдашняя глобализация еще вполне продолжалась, хотя все более под аккомпанемент гонки вооружений и разделения мира на яростно конкурирующие блоки.

Современные мировые универсализационные процессы подтверждают тезис А.С. Панарина, согласно которому «в философии истории действует дилемма:

- либо та или иная глобальная историческая концепция обещает нам гарантированную историю – ценой исключения альтернатив, а значит, и свободы исторического выбора, замененного «непреложными закономерностями»

- либо она открывает имеющиеся в истории альтернативы, а вместе с ними и нашу свободу идти в том или ином направлении, но ценой риска драматических ошибок, противоречий и срывов»³³².

Так, с позиций социального универсализма человечество представляет собой ресурсную систему, где главным ресурсом выступает природа. «Функционирование человечества происходит за счет природы, и оно становится все более затрудненным по мере истощения ее ресурсов»³³³. Глобальная идея в этом случае органично увязывается с попыткой локального обустройства, и они взаимно предполагают и дополняют друг друга, поскольку первая выступает в качестве проявления высших ценностей, а вторая – как стратегия их реализации.

Важным является вопрос о процедурах социального признания и средствах достижения социальной значимости. Несколько универсалистских концепций выходят за пределы миросистемной теории, которые могли бы со временем предоставлять собой основополагающий теоретический фундамент для мировой истории. Попытки истолкования человеческого опыта в контексте универсальной системы, посредством сложных комбинаций включают в себя взаимозависимости со всеми другими формами жизни. К. Пойнтинг одним из первых сформулировал

³³²Панарин А.С. Философия истории. М.: «Гардарика», 1999. С. 9.

³³³Уемов А.И., Лабутина Н.В. Философское значение атрибутивных общесистемных параметров // Вопросы философии. 2003. № 2. С. 88.

подобный подход к истории, который был сформулирован в его работе о зеленой истории мира (...)»³³⁴.

Главным условием реализации идеи естественного универсализма является формирование полицентричной модели мира, базирующейся на неоднородности социальных элементов, входящих в будущее единое, целостное мироустройство. В основании идеи универсализма в его новой модификации лежит идея многообразия социокультурного единства, ведь универсализм включает в свое смысловое поле представление о мире как месте всеобщих коммуникаций на базе новых информационных технологий, поэтому возрастает роль информатизации в функциональном и институциональном плане как базиса для формирования универсалистских тенденций в мировом сообществе. Параллельно приживается мировоззренческая парадигма, в основе которой находится обоснование особой формы социального универсализма как теоретической и методологической опоры в обществоведении.

Особенности процесса информатизации системы социальных отношений отражаются на эффективности компьютерных технологий в социально-объединительных процессах. На данном базисе возможна реконструкция картины мира, рождаемая смысловым полем универсализма, которая предполагает восприятие мирового пространства как целого, которое включает в себя многообразные локальные образования в качестве синкретического единства общезначимого и индивидуального. Сегодня формируется восприятие мирового пространства в качестве минимально унифицированного целого, обладающему определенными всеобщими чертами, которые составляют важный базис для мировой солидарности.

Современные общества становились все более открытыми по мере того, как знания выступали в качестве неременного признака элитности. Справедливо утверждать, что современное общество входит в новую эпоху, где коренным образом меняются все наши представления о мире, что обусловлено сменой мировоззренческой парадигмы, которая тесным образом связана с высокими

³³⁴Pointing C.A Green History of the World The Environment and the Collapse of Great Civilizations // N.Y., 1991.

информационными технологиями, а также с интеграцией мировой экономики, то самым главным следствием процессов информационной универсализации является тот факт, что национальные государства все чаще становятся частью политических, экономических и информационных глобальных структур.

Существуют принципиальные отличия современного универсализма в виде глобального информационного общества от предшествующих исторических форм универсализма.

Универсалистские тенденции, то есть стремление к полному единству не вписывается в концепцию современной западной демократии, потому что, хотя формально такая демократия предполагает волеизъявление народа, никакого единого народа, осознающего себя как целое и обладающего таковой волей, на самом деле эта концепция не предусматривает. Известно, что единство предполагает наличие какой-то идеи, которую разделяет вся нация, однако наций в прежнем смысле и сверх идей в этой парадигме тоже не предусмотрено, потому у такой нации существуют ценности важнее, чем личное благополучие каждого гражданина. Однако подобный подход может оказаться в контексте глобализации довольно опасным, ведь народ, объединенный общей и при этом нематериальной идеей и считающий свою страну не некой территорией с наемными менеджерами-чиновниками, а историческим субъектом, способен противостоять проекту неолиберального глобализованного мира. Вот почему так часто русских обвиняют в исторической отсталости, поскольку они мыслят категориями прошлого.

Информатизация и компьютеризация социальной системы составляют диалектическое единство двух процессов, раскрывающих объективную диалектику структуры и функции, где компьютеризация раскрывается как корректировка институционального оформления универсалистских тенденций, а процесс информатизации создает необходимый идеологический базис для формирования соответствующего общественного мнения. Мир рассматривается как упорядоченная целостность, на базе которой происходят объяснения его структур с учетом ступенчатой конкретизации её частей.

Однако, если термин «многополярный мир» и имеет смысл, то это не мир анархии или борьбы многих игроков друг с другом, а мир сверхвласти, распределенной между политическими нациями англосаксонской (островной), континентальной (русско-немецкой) и азиатской (китайской) культур. Мы можем войти в этот мир, только интегрировав континент до границы с Китаем. Из этого должна вытекать наша дальнейшая политика³³⁵.

Социальный универсализм вовлекает общества со всем своим информационным базисом, а также со своей особой системой ценностей, в результате чего «возникает непростая проблема аксиогенного взаимодействия различных обществ»³³⁶.

Для конструктивной социальной универсализации особое значение приобретает понятие «культурное многообразие», которое иногда рассматривалось как определенный синтез культурных различий. Ядром этого понятия является позиционирование схожести, тем более, что в рамках одной национальной культуры общие черты чаще всего преобладают над различиями. Не стоит исключать возможность того, что в будущем подобный статус может закрепиться за другими технологиями. Создается принципиально новая виртуальная «оболочка» предстоящего развития, которая отличается в основных чертах от былых форм международных отношений.

Единая универсальная цивилизация не может сложиться, если игнорировать фундаментальные закономерности современного развития человечества, не учитывая религиозной, культурной и нравственной специфики составляющих его народов. Социокультурное единство, рассматриваемое как гипотетическое предположенное, способствует формированию продуктивной перспективы развития мироустройства. «В исследовании национального полезно исходить из понимания Единого Целого – как взаимодействия разных членов в одном согласном организме человечества, видя его как ориентир, а народы как инструменты, при том, что труба не похожа на скрипку и играет другую партию,

³³⁵Сергейцев Т. Падение мировой сверхвласти: крымский рубеж // Однако. 2014 – июнь–июль. № 174. С. 39.

³³⁶Бородин А.А. Аксиология процесса социальной эволюции в глобализирующемся мире // Глобализация: проет contra: Материалы Междунар. конф. «Глобализационный вызов истории на рубеже тысячелетий: приоритеты российской культуры и искусства». СПб.: Астерион, 2006. С. 130.

и каждый делает свое незаменимое дело (...) Так Инвариант Единого видится (...) каждым народом в особой проекции, и это есть национальный образ мира»³³⁷. Взаимодействие разных народов создает платформу для универсальной общечеловеческой культуры, которая представляет собой инвариант в вариантах, единство в многообразии. «Есть основания полагать, что последний оказывает воздействие на способы презентации и интерпретации жизненных реалий, порождая феномен «транскультуры» – культуры полилога культур. «Транскультура» реализуется вне территориальных, историко-культурных, ментальных границ как полифоническое целое множества «живых культур», виртуализованных в процессе коммуникации»³³⁸.

Все чаще на первый план выходит транскультурация, которую детерминируют процессы медиатизации культурных пространств. Принципиальную роль играет также способность диаспорных культур позиционировать себя при помощи интернет-коммуникации, которые интегрируются, пересекая все границы на национально-государственных уровнях. «Транскультурация, в отличие от аккультурации, подчеркивает факт взаимодействия культур «через» и «сквозь» территориально-государственные пространства и границы и вопреки им»³³⁹. Так, М. Молчанов уверен, что «общение людей, не скованное границами наций-государств, будет происходить значительно легче при наличии некоторой культурной основы, единой для всех участников такого рода коммуникации»³⁴⁰.

Важной частью универсалистских информационных процессов является метагеополитика, представляющая собой совокупность максимально важных стратегий и тактик в современном геополитическом пространстве. Ведущей составляющей здесь выступают хорошо разработанные геополитические PR-кампании по созданию и культивированию конкретных геополитических образов. Функции метагеополитики состоят в разработке заданных действий в

³³⁷ Гачев Г. Национальные образы мира. М., 1988. С. 46.

³³⁸ Мамонова В.А. Глобализация в пространстве культуры: векторы развития // Credo New. 2006. № 1. С. 43.

³³⁹ Глобализация и мультикультурализм / отв. ред. П.С. Карабаев. М.: Изд-во РУДН, 2005. С. 105–110.

³⁴⁰ Молчанов М. Истоки российского кризиса: глобализация или внутренние проблемы? // Полис. 1999. № 5. С. 97.

пространстве уже созданных геополитических образов и конструирование новых, более мощных и эффективных, в результате чего образуется «метгеополитическое пространство, содержание и структура которого зависимы от глобальных целей в области безопасности, а также внешней политики»³⁴¹. Тейяр де Шарден, к примеру, сочетает в себе бесконечную веру в силу человеческого разума, а также его способность к постоянному. Французский мыслитель избегает примитивного технологического детерминизма: «Может возникнуть конфликт. В этом случае (...) ноосфера, достигшая определенной точки объединения, снова разъединится (...) По этой последней гипотезе (...) неизбежное убывание органических возможностей Земли; внутренний раскол сознания (...) Смерть материально исчерпавшей себя планеты»³⁴². Актуализируется необходимость адаптации социальной системы в условиях глобальной информатизации всех сфер общественной жизни, внедрения информационных технологий в процесс общественной жизни в зависимости от логики современных изменений в жизни общества. Можно утверждать, что особенность универсализма нового типа заключается в учете ценностного характера идеалов других культур.

В новой методологии универсальная целостность предмета базируется на признании всеобщности связей, однако она лишена нивелирующего начала, которое характеризует универсалистские тенденции прошлого. Главенствующую роль истории в среде гуманитарных наук можно определить как двоякую, ведь, с одной стороны, анализ исторического процесса, который вел и ведет к глобализации мира, понимается не как цель, а реально объединяющий частные истории отдельных наций, цивилизаций, эпох. А с другой стороны, история воспринимается как дисциплина, аккумулирующая вклад различных гуманитарных наук, из-за чего глобальная история подразделяется на политическую, экономическую, социальную, культурную и т.п. Также можно говорить об исторической социологии, исторической географии, исторической

³⁴¹Замятин Д.Н. Геополитика: основные проблемы и итоги развития в XX в. // Полис. 2001. № 6. С. 112.

³⁴²Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М., 1987. С. 226.

психологии, поскольку специальные дисциплины на определенном этапе становятся историческими. История может иметь значительный побочный эффект, определяя отдельные цивилизации, идущие по пути глобализации, не сливаясь при этом с ней.

Поскольку в науке, культурологии или истории постоянно производятся все новые и новые позитивные знания, исследователи вынуждены разрабатывать новые теоретические объяснения. Постоянно происходит внутренняя трансформация самого просвета истинно данного – очевидное и ясное для одной генерации ученых, философов, историков или культурологов становится неочевидным и неясным для следующей. «Наука, не заверши разработку одних теоретических проблем, бросает их и переходит к новым. Фокус внимания научного интереса постоянно как бы смывается в сторону потоком становления. Точно так же каждая новая генерация историков, не закончив повествований, инициированных предшественниками, начинает письмо истории как бы заново, каждый раз по-новому проясняя конфигурацию исторических событий. История переписывается нескончаемо, поскольку постоянно становится иным само пространство исторической открытости»³⁴³.

Таким образом, главным условием реализации идеи естественного универсализма является формирование полицентрической модели мира, базирующейся на неоднородности социальных элементов, входящих в будущее единое, целостное мироустройство. В основании идеи универсализма в его новой модификации лежит идея многообразия социокультурного единства, ведь универсализм включает в свое смысловое поле представления о мире как месте всеобщих коммуникаций на базе новых информационных технологий, поэтому возрастает роль информатизации в функциональном и институциональном плане как базиса для формирования универсалистских тенденций в мировом сообществе. Параллельно растет обоснование новой формы универсализма как

³⁴³ Тищенко П.Д. Смерть, могильник и человеческое «Я» // Человек-наука-гуманизм: к 80-летию со дня рождения академика И.Т. Фролова. Институт философии РАН. Наука, 2009. С. 712-713.

своеобразной мировоззренческой парадигмы, ее теоретической и методологической опоры в сфере обществоведческих наук.

Выводы по третьей главе.

Определены ведущие особенности информационного сопровождения универсализма и доказано, что существуют принципиальные отличия современного универсализма в виде глобального информационного общества от предшествующих исторических форм универсализма. Философское знание при таком подходе позиционируется в форме тенденции процесса постоянного универсального синтеза знаний.

Показано, что по мере усиления универсалистских тенденций современности значительно обостряется борьба за субъектность в глобальном мире, где роль России в продвижении универсалистской идеологии повышается. Это обусловлено тем, что именно Россия демонстрирует механизмы информационной адаптации человека к новой социокультурной ситуации эпохи глобализации, где универсализация направлена на выработку путей сосуществования различных социумов на Земле, а не на поглощение слабых обществ более сильными.

Исследованы перспективы универсалистского общества как информационного. Впервые предпринята попытка целостного анализа категории «социальный универсализм», которая выступает в качестве теоретического основания, а также мировоззренческого принципа развития социальной философии. Важно подчеркнуть, что отдельные постмодернистские концепции способствовали преодолению односторонности представлений о целостности мира. В частности, постмодернизм подготовил базис для объяснения существования множественности в едином универсальном пространстве, Информационное сопровождение универсалистских тенденций современности представляет собой динамическое взаимодействие двух тенденций, а своеобразие их соотношения в конкретный исторический период обуславливает характер заимствования опыта чужих социумов или неприятия чуждых духовных

ценностей. Выработка единых, универсальных принципов, согласно которым будет происходить органичное взаимопротекание положительного опыта отдельных социумов, затруднена универсалистскими притязаниями вестернистской науки, которая традиционно делит мир по субъект-объектному принципу. Слишком сильны стереотипы, когда реализация подобной идеи универсализации на практике превращается в примитивную унификацию с насаждением единых стандартов и стереотипов.

В современном мире значительно повышается роль России как нового «наполнителя» идеи и практики универсализма. Естественная универсализация не только не отвергает, но максимально использует плюрализм различных обществ, обогащаясь в ходе их синтеза. Подобная универсальность мирового пространства может приобретать различные формы, учитывая разнообразие ее элементов и варианты их соотношений, поскольку естественная универсальность сохраняет, например, защитную роль государства.

Главным условием реализации идеи естественного универсализма является формирование полицентричной модели мира, базирующейся на неоднородности социальных элементов, входящих в будущее единое, целостное мироустройство. Базисом социального универсализма в его современной модификации находится идея многообразия социокультурного единства, поскольку идея универсализма включает в своем смысловом поле представление о мире как пространстве всеобщих коммуникаций на базе новых информационных технологий. В связи с этим возрастает роль информатизации в функциональном и институциональном плане, выступающей в качестве базиса для формирования универсалистских тенденций в мировом сообществе. Постепенно обосновывается новая форма универсализма, которая позиционируется как мировоззренческая парадигма мировоззрения, с его теоретической и методологической опорой в блоке социальных наук.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящем исследовании были сформированы основные социально-философские положения, характеризующие социальные универсалии современности, где универсалистская тенденция выступает как интерпретация социальных процессов. Они проявляются в структурных трансформациях и изменении оснований социальной солидарности, включая детерминанты и следствия универсализации мирового пространства. Использование новейших информационных технологий позволяет разнообразить традиционную методологию исследования социальных институтов с позиций их потенциальной универсальной целостности.

В результате проведенного исследования были сформулированы выводы, согласно которым социальная универсализация всего мирового пространства, подготовленная и осуществленная на базе информационных технологий, выступает не как эманация целого, а представляет собой феномен, определяющий это целое, хотя механизмы реализации его могут серьезно различаться. Социальный универсализм предполагает постоянный синтез философских знаний, что характеризует его в качестве мировоззренческого принципа и теоретического основания для развития социальной философии. Парадигма универсального философского синтеза знания сегодня позиционируется в качестве альтернативы традиционным формам социальной философии. Социальный универсализм исходит из идеи единства многообразия, поскольку формируется в результате синтеза реальных и виртуальных представлений об особой роли универсалистских идей, выступающих в качестве критерия измерения всеобщности коллективного бессознательного.

В работе был обоснован подход к пониманию того факта, что социальный универсализм проявляется в разных видах, формах и степенях, поэтому категория «универсальное» выступает в качестве высшего, максимально полного единства общего, особенного и единичного, включающего в себя такие аспекты, как многофункциональность и многосторонность целого, его индивидуальность и

автономность. Концептуализация различных тенденций социального универсализма в истории проявляется в качестве поэтапной динамики смыслов, которые отражают конкретный этап социального бытия. В исторической перспективе наиболее четко проявляется ведущая отличительная черта социального универсализма, которая проявляется в равномерном чередовании процессов дифференциации и интеграции социумов, которые периодически реализовались насильственным путем. Амбивалентность социального универсализма была заложена в историческом прошлом, в тех многочисленных идеях, которые синтезировали в себе различные стороны монистических концепций, которые проявляются не только на уровне трансцендентального, но и в социальной практике.

В диссертации выделены этапы концептуализации объединительных тенденций в истории с целью выявления динамики заключенных в нем универсалистских смыслов, которые учитывают способность универсализма к историческим видоизменениям. Теоретические предпосылки универсалистских тенденций в прошлом приобретали различные формы, периодически проявляясь в стремлении древнегреческих философов к всеобщему единству, равенству бытия и мышления, а также в работах представителей русского космизма. При этом, парадигма универсализма выступает базисом для выработки основных принципов социального всеединства на основании всеобщего сущностного изоморфизма.

Социальный универсализм в качестве определенной парадигмы на протяжении нескольких столетий проявлялся в виде европоцентризма как максимально полного воплощения универсалистских идей в обществе, который базируется на основополагающих идеях о всеединстве мира, а также на их интерпретациях. Стимул к развитию европоцентристских идей в теоретическом и практическом планах обуславливался тем, что подобный социальный универсализм реализовывался в форме онтологического синтеза. Европоцентризм как реализация универсалистской практики на уровне конкретных социумов и как одна из начальных стадий универсализации мирового пространства наглядно иллюстрирует динамику соотношения тенденций дифференциации и интеграции

в развитии не только философии, но и социальной практики. Амбиции сторонников европоцентризма, которые традиционно разделяют остальное человечество по субъект-объектному принципу, препятствуют выработке универсальных принципов, согласно которым происходит взаимовыгодное перетекание положительного опыта отдельных социумов, что обусловлено недостаточно высоким уровнем информационной культуры. В связи с этим возникает необходимость адаптации социальной системы к новым условиям глобальной информатизации, затрагивающей ведущие сферы общественной жизни, а также внедрения в процесс общественной жизни информационных технологий согласно логике универсалистских изменений в социальной жизни.

В качестве своеобразной формы универсализации мирового пространства выступает вестернизация, реализация которой в максимальной своей степени возможна только при наличии соответствующего уровня развития информационных технологий. В то же время современная глобализация аккумулирует в себе различные проявления информационного обеспечения универсалистских тенденций в истории, однако она не в состоянии реализоваться вне определенного информационного базиса. В контексте глобализации универсализм может позиционироваться в качестве усложнения межцивилизационных связей, если исходить из принципиального равенства субъектов цивилизационного развития, чего в современной социальной практике не существует. Глобализация выступает как один из важнейших факторов интенсификации современной человеческой деятельности, которая не просто связана со всеми остальными, а является универсальным детерминантом, стимулирующим основные элементы, факторы и связи современного социального бытия, что было бы невозможно вне новейших информационных технологий. В диссертационной работе определены те особенности глобализации, которые позволяют рассматривать ее в качестве следующей, более высокой по сравнению с вестернизмом формы универсалистских тенденций.

Исследование позволило заключить, что понятие «универсализм» имеет свою специфику по отношению к глобализационным процессам современности,

потому что придает новую смысловую нагрузку всем объединительным тенденциям современности. В частности, существуют принципиальные отличия современного универсализма, проявляющегося в виде глобального информационного общества, от предшествующих исторических форм универсализма. Неоднозначность универсалистских тенденций современной глобализации объясняется тем, что они проявляются как в реальных, так и виртуальных формах, причем виртуализация глобализационных процессов становится доминирующей в отдельных социальных коммуникациях. Именно поэтому полноценный анализ универсалистских тенденций включает не только реальные социальные трансформации, но также виртуальные проявления социального синтеза, что стало возможным при наличии соответствующего уровня информационного сопровождения современной глобализации как важного этапа социальной универсализации. В социальном универсализме, где коммуникационную составляющую играют новейшие информационные технологии, реальные и виртуальные процессы воспринимаются как взаимодополняющие аспекты конкретной социальной общности. Процессы информатизации социальной системы способны формировать универсалистские тенденции, которые проявляются не только в реальности, но и в виде информационных симулякров, если они реализуются без учета специфики исторических традиций и особенностей общества.

Информационное обеспечение универсализма может способствовать раскрытию глобализационных процессов, предполагая определенную стратегию информатизации и компьютеризации социальной системы. Подобный подход является необходимым условием для обеспечения новой парадигмы, сущность которой проявляется в позиционировании мира как упорядоченной целостности, из которой выводятся отдельные её части посредством ступенчатой конкретизации.

В информационном обществе проявляются отдельные признаки, которые позволяют рассматривать его в качестве определенного этапа реализации универсалистских идей более высокого уровня, чем современная глобализация.

Формирование информационного общества является доказательством того, что в обществе, которое обладает более высоким уровнем информационной культуры, универсалистские идеи могут реализовываться ускоренным образом на базе исторических стремлений человечества к единству.

Роль информационного общества возрастает по мере исчерпания значения европоцентристской парадигмы как мирообъединяющего исторического субъекта. В этом случае информатизация приобретает решающее значение для продвижения универсалистских идей современности, поскольку демонстрирует преимущества организационных форм процесса объединения человечества, которые базируются на современных информационных технологиях. Вместе с тем, значение информатизации в продвижении идей социальной универсализации неоднозначно, потому что в этом случае используется классическая структура «центр – периферия», несмотря на то, что Интернет внешне выступает в роли социального «уровнителя», который демократически позволяет всем приобщаться к информационным потокам. Новейшие информационные технологии не только выступают активным интегратором, но также создают условия для разделения граждан насубъектов и объектов следующего, более высокого этапа универсализации человечества.

Современное информационное общество воплощает собой идею о синтезе коллективного и индивидуального в социальной структуре универсального. Информационное общество демонстрирует предельные основания социального синтеза, который проявляется в коммуникационных связях различного уровня. В то же время в качестве социокультурного базиса информационного общества выступают концепции, включающие такие важные элементы, как универсальность духовной сущности человека; имманентное единство мира, всеобщность коллективного бессознательного. Совершенствование информационного общества тесным образом обусловлено уровнем информационного охвата всех социальных структур и институтов. Социальный универсализм базируется на признании всеобщности связей, однако подобные коммуникации не избавлены от нивелирующего начала, которое несет в себе

универсализм, поэтому различная модификация социального универсализма в форме информационного общества не в состоянии реализовывать весь коммуникативный потенциал, если она основывается на идее социокультурной целостности вестернистского типа.

В современном мире информатизация проявляется как корректировка институционального оформления универсалистских тенденций, а процесс информатизации создает необходимый идеологический базис для формирования соответствующего общественного мнения. Именно информационное обеспечение социальной системы составляет диалектическое единство процессов, которые раскрывают объективную диалектику структуры и функции универсализации.

В результате диссертационного исследования был сформулирован следующий вывод, согласно которому ведущая роль в процессах зарождения, формирования и перспективах социального универсализма играет аксиологический фактор, который может быть реализован посредством информационных технологий. Подобная ситуация детерминирована тем фактом, что на уровне социальной практики полноценная интеграция может быть реализована только в рамках какой-либо ценностной системы. Более того, определенная аксиологическая шкала, выступает в качестве базиса для разнообразных интеграционных процессов в обществе, потому что только на подобной основе возможен синтез всех социумов, которые создаются смысловым полем универсализма. Определенная аксиологическая система, сформированная при помощи новейших информационных технологий, способствует восприятию мирового пространства в качестве целого, включающего в себя разнообразные локальные образования и социальные институты. Информатизация способствует восприятию мирового пространства в качестве синкретического единства как общезначимого, так и индивидуального в соответствующей социальной системе, что предполагает определенный ценностный критерий. При подобном подходе перспективное социальное пространство представляет собой минимально унифицированное целое, которое включает в себя отдельные универсальные черты, составляющие общепринятую основу для мировой солидарности.

В современной российской действительности информационное сопровождение универалистских тенденций имеет свою специфику, которая во многом детерминирована динамическим взаимодействием двух тенденций, обусловленных пространственно-временными особенностями развития нашей страны. В конкретный исторический период специфика их соотношения позволяет конкретизировать уровень заимствования чужого опыта в синтезирующейся социальной системе или принципиального неприятия чуждых духовных ценностей. На конкретных исторических примерах, соискатель убедительно доказывает, что реализация идеи социальной универсализации не только на уровне современной практики, но и в теоретическом плане превращается в насильственную унификацию с насаждением единообразных стандартов и стереотипов. Именно поэтому в мировом масштабе актуализируется идея наполнение идеи и практики универсализма новым содержанием, которое принципиальным образом отличается от реализующегося в современном мире вестернистского варианта универсализации мирового пространства. Россия будет в состоянии возглавить естественную универсализацию и доминировать в формировании принципиально нового мироустройства на основе гармоничных принципов только при условии максимального использования плюралистических проявлений различных обществ. Такой уровень социального универсализма мирового пространства может приобретать различные формы, что обусловлено тем фактом, что естественный универсализм отличается не только разнообразием входящих в него социальных элементов, но также изменением функциональной направленности процессов информатизации. Достижение подобной цели предполагает максимальное взаимообогащение всех социумов, участвующих в подобном синтезе.

В диссертационном исследовании показано, что воплощение идеи естественного социального универсализма на практике предполагает формирование полицентричной модели мира, которая выступает в качестве ведущего условия и научного обоснования подобного общественного синтеза в целостной, законченной теории. Многообразие социокультурного пространства в

этом случае является базисной идеей универсализма и в подобной модификации она подразумевает представление об окружающем нас мире как месте всеобщих коммуникаций, которые могут осуществляться только на базе новых информационных технологий. Благодаря информатизации в мировом сообществе проявляются тенденции к всеединству в функциональном и институциональном планах, что стимулирует философов к разработке концепций с целью воплощения новых универсалистских стремлений различных социумов. В рамках постнеклассической парадигмы происходит трансформация субъект-объектных отношений, что стимулирует универсалистские идеи в среде тех обществ, которые подвергались глобализационному давлению. Подобный подход предполагает усиление рационалистических элементов в мировой системе взаимодействий, что поднимает идею гармоничного социального универсализма на высокий онтологический уровень.

В то же время социальная энтропия в обществе и различные виды социальных трансформаций проявляются в качестве ведущих детерминантов, которые способствуют развитию различных концепций социального универсализма. Именно поэтому преодоление социального хаоса и различного вида конфликтов в обществе является важной теоретической задачей, которая далеко выходит за рамки политической конкуренции. Это обусловлено целями субъектов современной социальной универсализации вестернистского типа, в которой заинтересованы транснациональные акторы, стремящиеся вывести СМИ из-под влияния государства и общественных институтов, а также посредством «управляемого хаоса» мобилизовать население на борьбу с существующим режимом.

Таким образом, **основные итоги диссертационной работы** можно определить следующим образом:

1. Обоснован новый подход к анализу феномена универсализма, представляющего собой интерпретацию социальных процессов, которые проявляются в различных структурных трансформациях, а также в изменении базиса социальной солидарности.

2. Доказано, что категория «универсальное» представляет собой максимально полное единство всех элементов социального: общего, особенного и единичного, в то время как в прошлые эпохи универсалистские тенденции проявлялись в разных видах и степенях, демонстрирующих способность универсализма проявляться в разных формах в определенные исторические периоды. Постепенно сформировалась парадигма универсализма и проявились ведущие принципы универсалистских тенденций, которые базируются на основании всеобщего сущностного изоморфизма.

3. Доказано, что специфической формой социальной универсализации является европоцентризм, максимальная реализация которого предполагает определенный уровень информационного обеспечения.

4. Выявлены особенности глобализации, которая по сравнению с европоцентризмом представляет собой более высокий уровень универсалистских тенденций в человеческом сообществе.

5. Доказано, что универсалистские тенденции современности могут проявляться как реальные трансформации, направленные синтезирование отдельных социальных элементов, а также в качестве виртуальных.

6. Доказано, что своеобразной корректировкой универсалистских процессов современности, проявляющихся в виде глобализации, могут выступать аксиологические факторы, которые способствуют институциональному оформлению подобных тенденций посредством информатизации социальной системы, раскрывая объективную диалектику обобществления мирового пространства.

7. Доказано, что исчерпание европоцентристской идеи, претендующей на мирообъединяющую роль, способствовало выдвигению в качестве исторического субъекта информационное общество, становление которого тесным образом связано с проявлением исторических стремлений человечества к единству на базе информационных механизмов, реализующих универсалистскую идею.

8. Доказано, что социальная мобильность может выступать в качестве важного признака социального универсализма, поскольку способствует адаптации социальной системы к новым условиям на базе глобальной информатизации.

9. Показано, что роль России в продвижении универсалистской идеологии в современном мире значительно повышается, поскольку она в состоянии возглавить универсализацию, направленную на поиски новых вариантов сосуществования в едином общечеловеческом пространстве, а не на подавление одних культур другими.

10. Освещены перспективы конструктивной универсализации, которая реализует принципы всечеловеческого синтеза на основе новейших информационных технологий, где определенная стратегия информатизации и компьютеризации социальной системы выступает важным условием для формирования мироустройства как упорядоченной целостности.

Рекомендации и перспективы дальнейшей разработки темы.

1. Обладает значительным исследовательским потенциалом исследование способности социумов к универсальной целостности, а также механизмов, реализующих подобную идею.

2. Требуют отдельного изучения этапы социального универсализма в качестве мировоззренческого принципа, а также теоретического основания в рамках социальной философии, где находит свое воплощение синтез реальных и виртуальных проявлений универсализма, которые выступают в качестве критерия измерения всеобщности коллективного бессознательного.

3. Дальнейшая разработка концептуального базиса социального универсализма в истории позволит охватить поэтапную динамику смыслов, иллюстрирующих чередование процессов дифференциации и интеграции социумов, которые периодически реализовались насильственным путем.

4. Полноценный анализ европоцентризма как наиболее характерного примера господства идеи социального универсализма позволяет выработать максимально конструктивную идею объединения человечества, способную

сохранить социокультурное своеобразие различных социумов и гарантировать устойчивость новой социальной мегаструктуры.

5. Имеет значительные перспективы исследование роли аксиологического фактора в универсалистских процессах современности, который широко пропагандируется посредством СМИ, Интернета и т.д.

6. Предполагается дальнейшая разработка формы социального универсализма, выступающего в качестве оптимизации межцивилизационных связей на базе имманентного равенства субъектов цивилизационного развития, которого в современной социальной практике достигнуть не удалось.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абишева, А.К. О понятии «ценность» / А.К. Абишева // Вопросы философии. – 2002. – № 3. – С. 139-146.
2. Айснер, Л.Ю. Влияние глобализации на тенденции развития высшего образования / Л.Ю. Айснер // Наука и образование: опыт, проблемы, перспективы развития. Материалы XIV международной научно-практической конференции. – Красноярск, 2016. – С. 7-9.
3. Александров, С. Кто зовет «в поход за демократию»? / С. Александров // Литературная газета. – 2006. – № 4–10 октября. – С. 3.
4. Алексеева, И.Ю. Что такое общество знаний: учебник / И.Ю. Алексеева. – Москва: Когито-Центр, 2009. – 96 с.
5. Андреев, А.Л. Историческое самосознание и философия исторического познания / А.Л. Андреев, А.А. Андреева // Теория и история. – 2004. – № 1. – С. 71-77.
6. Андреев, А.Р. Богдан Хмельницкий. В поисках Переяславской рады. / А.Р. Андреев, М.А. Андреев. – Москва: Алгоритм, 2013. – 463 с.
7. Андреев, Ю.В. Поэзия мифа и проза истории / Ю.В. Андреев. – Л.: Лениздат, 1990. – 223 с.
8. Андрианова, Т.В. Геополитика и культура: Аналитический обзор / Т.В. Андрианова. - Москва: ИНИОИ РАН, 2001. – 90 с.
9. Андроникова, О.О. Безопасность образовательной среды в современных геополитических условиях / О.О. Андроникова // Философия образования. – 2015. – № 3 (60). – С. 14-22.
10. Андрющенко, Е. Кто матери-истории ценен? [Электронный ресурс] / Е. Андрющенко, С. Сергеев, И. Фроянов // Режим доступа: <http://lgz.ru/article/2013-god/kto-materi-istorii-tsenen/>.
11. Аникин, Д.А. Типология социальной памяти в глобальном мире / Д.А. Аникин // Коллективная социально-историческая память и вызовы современности. Актуальные теоретические очерки: сборник научных статей. –

Нижний Новгород: ВВАГС, 2011. – С. 56-58.

12. Ардашкин, И.Б. К вопросу о специфике организации образовательного процесса в условиях когнитивного поворота и становления общества знания / И.Б. Ардашкин // «Общество знания; философия, управление, образование». Материалы III Сибирского философского семинара (Всероссийской научной конференции с международным участием). Томск: Томский государственный университет, 2013. – С. 143-147.

13. Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 4. – М.: Мысль, 1983. – 830 с.

14. Арон, Р. Лекции по философии истории: курс лекций в Коллеж де Франс / Р. Арон. - М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 336 с.

15. Артог, Ф. Типы исторического мышления: презентизм и формы восприятия времени / Ф. Артог // Отечественные записки. – 2004. – № 5. – С. 214-225.

16. Аршинов, В.И. Роль синергетики в формировании новой картины мира. / В.И. Аршинов, В.Г. Буданов. – Москва: Олита, 2004. – 114 с.

17. Астафьева, О.Н. Многообразие моделей этнокультурной идентичности в современном информационно-коммуникативном пространстве / О.Н. Астафьева // Глобализация и перспективы современной цивилизации. – Москва: КМК, 2005. – С. 106-119.

18. Афанасьев, В.Г. Социальная информация и управление обществом: монография / В.Г. Астафьев. – Москва: Политиздат, 1975. – 410 с.

19. Ашманов, И. Цифровой суверенитет – новая реальность [Электронный ресурс] / И. Ашманов. – Режим доступа: <http://eurasian-defence.ru/sites/default/files/doc/ashmanov.pdf>.

20. Багдасарьян, Н.Г. Ценность образования в модернизирующемся обществе или ценность знания в обществе незнания / Н.Г. Багдасарьян // Педагогика. – 2008. – № 5. – С. 9-18.

21. Байдаров, Э.У. Влияние глобализации на культуру и ценности человека / Э.У. Байдаров // Вестник библиотечной ассамблеи Евразии. – 2010. – № 3. –

С. 30-36.

22. Балахонская, Л.В. Агрессия как угроза социальной и информационной безопасности общества / Л.В. Балахонская // Глобальная безопасность и устойчивое развитие гецивилизаций: Материалы Международной научной конференции. – Санкт-Петербург: Балтийский государственный технический университет, 2012. – С. 28-31.

23. Балахонский, В.В. Глобализация и глобализм в контексте угроз современной цивилизации / В.В. Балахонский // Глобализация: Pro Et Contra: Материалы Международной конференции «Глобализационный вызов истории на рубеже тысячелетий: приоритеты российской культуры и искусства». – Санкт-Петербург: Астерион, 2006. – С. 32-36.

24. Барг, М.А. Категории и методы исторической науки: учебник / М.А. Барг. – Москва: Наука, 1987. – 441 с.

25. Барлыбаев, Х. Глобализация: вопросы теории и практики / Х. Барлыбаев // Век глобализации. – 2008. – № 2. – С. 12-20.

26. Барт, Р. Мифология: учебник / Р. Барт. – Москва: Академический проспект, 2008. – 351 с.

27. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования: монография / Д. Белл. – Москва: Academia, 1999. – 949 с.

28. Белл, Д. Социальные рамки информационного общества. / Д. Белл // Новая технократическая волна на Западе – Москва: Прогресс, 1986. – С. 330-342.

29. Белозеров, В.К. Транснационализация СМИ как проблема международной и национальной безопасности / В.К. Белозеров, Д.А. Копылова // Вестник Академии военных наук.– 2013. – № 4 (45). – С. 33-36.

30. Беломоева, О.Г. Универсализм культуры: Опыт культурологического анализа: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора культурологии / О.Г. Беломоева. – Саранск, 2005 – 36 с.

31. Бентли, Д. Межкультурные взаимодействия и периодизация всемирной истории / Д. Бентли // Время мира. Альманах. – Выпуск 2. – Структуры истории. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. – С. 171-203.

32. Бенуа, А. де. Против либерализма: / А. де Бенуа. – Санкт-Петербург: Амфора, 2009. – 476 с.
33. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – Москва: Медиум, 1995. – 336 с.
34. Бердяев, Н. Дух и реальность / Н. Бердяев. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – 664 с.
35. Бердяев, Н.А. Новое средневековье. Размышление о судьбе России и Европы / Н.А. Бердяев. – Москва: 1991. – 22 с.
36. Бердяев, Н.А. О назначении человека / Н.А. Бердяев // Мир философии. – М.: Изд-во политическая литература, 1991. – 318 с.
37. Бердяев, Н.А. Судьба России / Н.А. Бердяев. - М., Из-во «АСТ», 2004. – 333 с.
38. Бернейс, Э. Пропаганда / Э. Бернейс. – Москва: Hippo Publishing, 2010. – 166 с.
39. Бехманн, Г. Современное общество: информационное общество, общество знаний: монография / Г. Бехман. – Москва: Лотос, 2012. – 248 с.
40. Бжезинский, З. Великая шахматная доска. Господство Америки и ее геостратегические императивы / З. Бжезинский. – Москва: Международные отношения, 1998. – 102 с.
41. Бибахин, В.В. Другое начало / В.В. Бибахин. – Санкт-Петербург: Наука, 2003. – 98 с.
42. Бибахин, В.В. Мир. Прояснение ситуации / В.В. Бибахин. – Санкт-Петербург, 2007. – 430 с.
43. Блюменкранц, М. В поисках имени и лица. Феноменология современного ландшафта / М. Блюменкранц // Вопросы философии. – 2007. – № 1. – С. 47-60.
44. Большаков, С.Н. Европа в поисках ответов на глобальные вызовы и кризисы / С.Н. Большаков // Геополитика и безопасность. – 2017. – № 3 (39). – С. 9-13.
45. Бородин, А.А. Аксиология процесса социальной эволюции в

глобализирующемся мире / А.А. Бородин // Глобализация: Pro Et Contra: Материалы Международной конференции «Глобализационный вызов истории на рубеже тысячелетий: приоритеты российской культуры и искусства». Санкт-Петербург: Астерион, 2006. – С. 129-144.

46. Бубер, М. Я и Ты. / М. Бубер. // Два образа веры. – Москва, 1993. – С. 15-92.

47. Бузгалин, А.В. Альтерглобализм как феномен современного мира / А.В. Бузгалин // Полис. – 2003. – № 2. – С. 71-85.

48. Бутенко, А.П. Глобализация: сущность и современные проблемы / А.П. Бутенко // Социально-гуманитарные знания. – 2001. – № 3. – С. 3-18.

49. Бухаров, Д.Н. Преемственность ценностей – необходимое условие устойчивого развития российского общества / Д.Н. Бухаров // Социокультурные механизмы преемственности ценностей // Материалы Международной научно-практической конференции. – Иркутск, 15-16 ноября 2013г. – С-Пб., 2013. – С. 73-80.

50. Бьюкенен, П. Дж. Смерть Запада / П. Дж. Бьюкенен. – Москва: Издательство, 2003. – 165 с.

51. Валитов, И. Одна культура одна история / И. Валитов // Однако. – 2011. – 5 мая. – С. 20.

52. Ванеева, Т.А. Зарубежные методы антикризисного управления: учебное пособие / Т.А. Ванеева, И.В. Мжельская. – Новосибирск: СГУПС, 2014. – 145 с.

53. Ванеева, Т.А. Метасистемная кооперация как основа социально-экономических преобразований в XXI веке: монография / Т.А. Ванеева. – Новосибирск: СГУПС, 2007. – 284 с.

54. Ванеева, Т.А. Роль высшей школы в реализации антикризисной концепции развития России / Т.А. Ванеева, И.В. Мжельская // Философия образования. – 2015. – № 3 (60). – С. 23-32.

55. Ващекин, Н.И. Глобализация и устойчивое развитие / Н.И. Ващекин, М.А. Мунтян, А.Д. Урсул. – Москва: Московский государственный университет

коммерции, 2002. – 586 с.

56. Владыкин, О. Без противника / О. Владыкин // Московские новости. – 2007. – 26 января – 1 февраля. – С. 4.

57. Власкин, А.В. Проблема утраты смысла и ее влияние на современные информационные коммуникации / А.В. Власкин // Четвертый Сибирский философский семинар «Современная философия в России: междисциплинарные исследования в контексте традиций и инноваций». – Омск, 15-17 октября 2014 г. – Омск, 2014. – С. 162-165.

58. Волков, В.Н. Либерально-демократический проект десувернизации отечественного политико-правового порядка / В.Н. Волков // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. – 2011. – № 5 (19). – С. 18-22.

59. Володин, А.Г. Глобализация: истоки, тенденции, перспективы / А.Г. Володин, Г.К. Широков // Полис. – 1999. – № 5. – С. 83-93.

60. Володихин, Д. История России в мелкий горошек / Д. Володихин, О. Елисеева, Д. Олейников. – Москва: Единство, 2000. – 256 с.

61. Воропай, Т.С. Между глобализацией и масскультурой (несколько фрагментов об идентичности) / Т.С. Воропай // Философские науки. – 2009. – № 10. – С. 11-31.

62. Восканян, М. В новую реальность – без обратного билета / М. Восканян // Однако. – 2014 – июнь- июль. – С. 43.

63. Вульф, Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании Просвещения / Л. Вульф // М., Новое литературное обозрение, 2003. – 560 с.

64. Выходец, Р.С. Глобальная геополитика и глобалистская парадигма теории международных отношений: предметная область, теория и методология / Р.С. Выходец // Новые горизонты глобального мира: сборник научных трудов. Балт. гос. техн. ун-т. – СПб., 2015. – С. 208-213.

65. Габинская, А.А. Гуманитарный смысл образования / А.А. Габинская // Диалог поколений и культур в контексте глобализации: Материалы Международной конференции «Конфликт поколений в контексте

информационной глобализации». - Санкт-Петербург: Политехнический университет, 2007. – С. 134-137.

66. Гаджиев, К.С. Заметки о метаморфозах либеральных ценностей / К.С. Гаджиев // Вопросы философии. – 2008. – № 5. – С. 14-31.

67. Гамзаев, А.А. Глобализация и информационное общество / А.А. Гамзаев // Глобальная безопасность и устойчивое развитие гецивилизаций: Материалы Международной научной конференции. Санкт-Петербург: Балтийский государственный технический университет, 2012. – С. 38-42.

68. Гасанов, И.Б. Национальные стереотипы и «образ врага» / И.Б. Гасанов // Психология национальной нетерпимости. – М., РАУ – 1994. – 40 с.

69. Гачев, Г. Национальные образы мира / Г. Гачев. – Москва: Советский писатель, 1988. – 233 с.

70. Гегель, Г. Лекции по философии истории / Г. Гегель. – Санкт-Петербург: Наука, 1993. – 480 с.

71. Гегель, Г. Сочинения. Т. 8. / Г. Гегель. - М., 1935. – 468 с.

72. Герцен, А.И. Русский народ и социализм / А.И. Герцен // Собрание сочинений: в 30 т. – М., 1956. – Т. 2. – С. 317-336.

73. Гиренок, Ф.И. Метафизика пата / Ф.И. Гиренок. – М., 1995. – 307 с.

74. Гиренок, Ф.И. Удовольствие мыслить иначе / Ф.И. Гиренок // М.: Академический Проект, 2008. – С. 235.

75. Глобализация и мультикультурализм / Отв. ред. П.С. Карабаев. – М.: Изд-во РУДН, 2005. – 331 с.

76. Григоренко, Д.Е. Адекватность концепции управления обществом его культуры и цивилизации / Д.Е. Григоренко. – Красноярск, 2007. – 158 с.

77. Григоренко, Д.Е. Русский социализм как антиэнтропийная концепция управления российским обществом / Д.Е. Григоренко // Теория и история. – 2007. – № 2. – С. 31-39.

78. Гришнова, Е.Е. Политическая система Российской Федерации: теория и практика формирования, тенденции развития. Автореферат диссертации доктора

политических наук. Специальность 23.00.02 – политические институты, процессы и технологии. / Е.Е. Григоренко. – Москва, 2010. – 46 с.

79. Гулыга, А.В. Творцы русской идеи. / А.В. Гулыга. – М.: Молодая гвардия – 2006. – 314 с.

80. Гуревич, А.Я. Школа «Анналов» и проблема исторического синтеза / А.Я. Гуревич. – М.: Индрик, 1993. – 328 с.

81. Гуревич, И.М. Информация – всеобщее свойство материи: Характеристики, оценки, ограничения / И.М. Гуревич, А.Д. Урсул. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 312 с.

82. Гэлбрейт, Дж. Новое индустриальное общество. / Дж. Гэлбрейт. – М., 2004. – 602 с.

83. Дайзард, У. Наступление информационного века / У. Дайзард // Новая технократическая волна на Западе. – М.: Прогресс, 1986. – С. 343-344.

84. Даллмар, Ф. Глобальная этика: преодоление дихотомии «универсализм» – «партикуляризм» / Ф. Даллмар // Вопросы философии. – № 3 – 2003. – С. 13-29.

85. Данилевский, Н.Я. Россия и Европа / Н.Я. Данилевский. – М., 1991. – 358 с.

86. Дахин, А.В. Актуальные исследования коллективной социальной памяти: перспектива философской концептуализации / А.В. Дахин // Коллективная социально-историческая память и вызовы современности. Актуальные теоретические очерки: сборник научных статей. – Н. Новгород: Изд-во ВВАГС, 2011. – С. 10.

87. Дахина, В.Н. Культурно-идеологический кризис современного мира / В.Н. Дахина // Свободная мысль. – XXI. – 2005. – № 3. – С. 27-39.

88. Делягин, М. Глобализация / М. Делягин // Глобалистика. Энциклопедия. – М., Из-во «Радуга», 2003. – 1328 с.

89. Делягин, М. Глобализация как стержневая проблема грядущего мирового развития. / М. Делягин // «Круглый стол» в редакции «Международная жизнь» // Международная жизнь. – 2000. – № 11. – С. 7.

90. Джонстон, Барри В. Экзистенциальная феноменология и социология Питирима Сорокина / Барри В. Джонстон // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1999. – Т. 2. – № 2. – С. 37-50.

91. Диев, В.С. Управление в «обществе знаний»: организации, риски, решения / В.С. Диев // «Общество знания; философия, управление, образование». Материалы III Сибирского философского семинара (Всероссийской научной конференции с международным участием). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2013. – С. 18-21.

92. Дильтей, В. Введение в науки о духе / В. Дильтей // Собрание сочинений в 6 т. – Т. 1. – М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. – С. 365-389.

93. Дорошин, И.А. Апокалиптические ожидания в обществе риска / И.А. Дорошин // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Культурология. – 2013. – № 33 (324). – С. 97-101.

94. Дубровский, С.В. Глобальная пирамида как результат исторического развития, характеристик социума и состояния среды / С.В. Дубровский // Общественные науки и современность. – 2002. – № 4. – С. 173-182.

95. Дугин, А.Г. «Второе тело» Владимира Путина / А.Г. Дугин // Однако. – 2014. – июнь- июль. – С. 12-23.

96. Евтушенко, Е.А. Пассионарная теория этногенеза Л.Н. Гумилева: осмысление и попытка применения / Е.А. Евтушенко // Красноярск, 2014. – 378 с.

97. Глобализация и перспективы современной цивилизации / Сборник научных трудов под общей редакцией А.Т. Горяева // М.: КМК, 2005. – 236 с.

98. Желтикова, И.В. «Образ будущего»: происхождение понятия, его границы, эвристический потенциал / И.В. Желтикова // Вестник Орловского государственного университета. – 2011. – № 2 (16). – С. 213-216.

99. Загладин, Н. Глобальное информационное общество и Россия / Н. Загладин // Мировая экономика и международные отношения. – 2005. – № 7. – С. 15-31.

100. Загорулько, Л.П. Проблемы патриотизма и национализма в контексте языка и языкового образования / Л.П. Загорулько // Философия образования. -

2015. – № 3 (60). – С. 83-90.

101. Зайцев, Д.Ф. Альтернативы глобализации: досугово-игровая и образовательно-познавательная модели информационного общества / Д.Ф. Зайцев // Глобализация: Pro Et Contra: Материалы Международной конференции «Глобализационный вызов истории на рубеже тысячелетий: приоритеты российской культуры и искусства». – СПб.: Астерион, 2006. – С. 117-128.

102. Замышляев, В.И. Философия марксизма и великорусский социализм / В.И. Замышляев // Теория и история. – 2003. – № 2. – С. 57-68.

103. Замятин, Д.Н. Геополитика: основные проблемы и итоги развития в XX веке / Д.Н. Замятин // Полис. – № 6. – 2001. – С. 97-115.

104. Зевин, Л.З. Россия между Европой и Азией: вызовы глобализации / Л.З. Зевин, Н.А. Ушакова // Восток (ORIENS). – 2003. – № 6. – С. 63-79.

105. Зимин, А.А. Россия на пороге нового времени. / А.А. Зимин. – М., 1972. – 452 с.

106. Зиновьев, А. Несостоявшийся проект: Распутье. Русская трагедия. / А. Зиновьев. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – 542 с.

107. Зиновьев, А. Фактор понимания / А. Зиновьев – М.: Алгоритм, 2006. – 528 с.

108. Зобнин, А.В. Информационная сила в международной политике: основы анализа / А.В. Зобнин // Пространство и время в мировой политике и международных отношениях: материалы 4 Конвента РАМИ. В 10 т.; Рос. Ассоциация международных исследований. М.: МГИМО-Иниверситет, 2007. – Т. 6. – С. 50-59.

109. Иванов, Д.В. Актуальная социология, веселая наука в поисках злых истин / Д.В. Иванов // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2010. – № 2–3. – С. 21–65.

110. Иванов, Д.В. Виртуализация общества. Версия 2.0. / Д.В. Иванов. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2002. – 91 с.

111. Иванова, Е.М. Уровни осуществления полилога с позиции теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса и их влияние на трансформацию

традиционных концепций диалога в полиалоге / Е.М. Иванова, В.А. Пономарев // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Культурология. – 2013. – № 33 (324). – Вып. 30. – С. 118-123.

112. Изгарская, А.А. Пространство социальных отношений в геополитическом и миросистемном измерениях: внешние и внутренние факторы динамики современной России / А.А. Изгарская. – Новосибирск: Изд. ФГБОУ ВПО «НГПУ», 2012. – 250 с.

113. Ильин, И.А. О сопротивлении злу силою / И.А. Ильин // Русское возрождение. – 1978. – № 3. – С. 255.

114. Ильин, И.А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. – В 2-х томах. – Т. 1. / И.А. Ильин. – М.: Наука, 1994. – 542 с.

115. Иноземцев, В.Л. Вестернизация как глобализация и «глобализация» как американизация / В.Л. Иноземцев // Вопросы философии. – 2004. – № 4. – С. 58-69.

116. Иноземцев, В.Л. Глобальный конфликт XXI в. Размышления об истоках и перспективах межцивилизационных противоречий / В.Л. Иноземцев, Е.С. Кузнецова // Полис. – 2001. – № 6. – С. 131-139.

117. История человечества. – В 8 т. – Т. VIII. Россия / Под общ. ред. чл.-корр. РАН А.Н. Сахарова. – М.: Издательский Дом МАГИСТР-ПРЕСС, 2003. – 757 с.

118. Казин, А. Сеть против державы? [Электронный ресурс] / А. Казин // Режим доступа: <https://rusk.ru/st.php?idar=20812>.

119. Калдор, М. Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху / М. Калдор // М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. – 416 с.

120. Калитин, П.В. Россия – не для «нормальных» / П.В. Калитин. – М.: Институт общегуманитарных исследований, 2008. – 352 с.

121. Калмыков, А.А. О виртуалистической природе коммуникации / А.А. Калмыков // Философские науки. – 2007. – № 8. – С. 76-87.

122. Кант, И. Сочинения в 6 томах / И. Кант. - М., 1966. – Т. 5. – 564 с.

123. Кантор, В.К. «Санкт-Петербург: Российская империя против

российского хаоса. К проблеме имперского сознания в России» / В.К. Кантор // М.: РОССПЭН, 2008. – 541 с.

124. Кара-Мурза, С. Манипуляция сознанием / С. Кара-Мурза. – М., 2000. – 832 с.

125. Карнаухов, Д.В. Латиноязычная историография в интеллектуальной культуре польского ренессанса / Д.В. Карнаухов // Вопросы философии. – 2006. – № 2. – С. 109-119.

126. Карсавин, Л.П. Философия истории. / Л.П. Карсавин. – Санкт-Петербург, 1993. – 351 с.

127. Касавин, И.Т. Старый и новый рационализм / И.Т. Касавин, В.А. Лекторский, В.С. Швырев // Диалог культур в глобализирующемся мире. – М.: Наука, 2005. – С. 68-122.

128. Кацура, А.В. Рецензия на книгу Ю.М. Лужкова «Возобновление истории. Человечество в XXI веке и будущее России» / А.В. Кацура. – М.: Изд-во МГУ, 2002. – 197 с.

129. Каченовский, М.Т. От киевского жителя к его другу / М.Т. Каченовский // Сборник материалов по истории исторической науки в СССР (конец XVIII – первая треть XIX в.) – М.: Высшая школа, 1990. – С. 143.

130. Кельнер, Х. Культурная глобализация в Германии / Х. Кельнер, Х-Г. Зофнер // Многоликая глобализация. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 379 с.

131. Кемеров, В.Е. Метафизика – динамика: к вопросу об эволюции метафизики / В.Е. Кемеров // Вопросы философии. – 1998. – № 8. – С. 59–67.

132. Кесседи, Ф.Х. Глобализация и культурная идентичность / Ф.Х. Кесседи // Вопросы философии. – 2003. – № 1. – С. 76-79.

133. Кесседи, Ф.Х. Философия истории Фукидида и современность / Ф.Х. Кесседи // Вопросы философии. – 2005. – № 7. – С. 123-135.

134. Кива, А. Совершенно иная Россия / А. Кива // Литературная газета. – 13-19 декабря 2006 г. – С. 3.

135. Кирвель, Ч.С. Глобализация образования и социальные стратегии современности / Ч.С. Кирвель, В.И. Стрельченко // Диалог поколений и культур в

контексте глобализации: Материалы Международной конференции «Конфликт поколений в контексте информационной глобализации». – СПб., Изд-во Политех. ун-та, 2007. – С. 233-238.

136. Кнорр-Цетина, К. Социальность и объекты. Социальные отношения в постсоциальных обществах знания / К. Кнорр-Цетина // Социология вещей: Сборник статей. – М.: Территория Будущего, 2006. – 390 с.

137. Князева, Е.А. Кибернетические истоки конструктивистской эпистемологии: глава в научной монографии / Е.А. Князева. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2008. – С. 227-271.

138. Кобзева, Л.Н. Взаимосвязь национального и глобального / Л.Н. Кобзева // Научно-теоретический журнал «Научные проблемы гуманитарных исследований». – Вып. 9. – Пятигорск, 2010. – С. 201-210.

139. Ковалева, Л.И. Сопротивление универсализации – доминирующая тотальность современного образования / Л.И. Ковалева // Современное знание: гуманитарный дискурс: Сборник научно-практической конференции. – Красноярск: ПИК «Офсет», 2011. – С. 80-83.

140. Колин, К.К. Информатизация общества в условиях глобализации в контексте проблемы устойчивого развития / К.К. Колин // Глобальные процессы и устойчивое развитие: Сб. статей. – М.: Изд-во РГТЭУ, 2011. – С. 84-131.

141. Колин, К.К. Философские проблемы информатики / К.К. Колин // М.: БИНОМ, 2010. – 264 с.

142. Колин, Ю.В. Преемственность исторической памяти как фундамент демократических ценностей / Ю.В. Колин // Credo New. – 2006. – № 2 (46). – С. 196-215.

143. Коллинз, Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения / Р. Коллинз. – Новосибирск: «Сибирский хронограф», 2002. – С. 170.

144. Колмаков, В.Ю. Духовно-информационная тектология культуры / В.Ю. Колмаков // Теория и история. – 2004. – № 3. – С. 134-138.

145. Колмаков, В.Ю. Философия истории и возможные парадигмы

философствования / В.Ю. Колмаков // Теория и история. – 2004. – № 3. – С. 212-214.

146. Комаров, В.Д. Актуализация нравственного смысла / В.Д. Комаров // Теория и история. – 2007. – № 2. – С. 17-30.

147. Кондаков, И.В. По ту сторону Европы / И.В. Кондаков // Вопросы философии. – 2002. – № 6. – С. 7-12.

148. Константинов, И.П. Инициатива в глобальном мире: особенности проявления и реализации / И.П. Константинов // Современное знание: гуманитарный дискурс: сборник научно-практической конференции. – Красноярск: ПИК «Офсет», 2011. – С. 105-109.

149. Копалов, В.И. Историзм как принцип социально-философского исследования / В.И. Копалов. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. – 172 с.

150. Король, Л.Г. Информационные технологии и проблемы компьютерной подготовки специалистов в системе высшей школы / Л.Г. Король // Информатизация в образовании. Материалы I всероссийской научно-практической конференции с международным участием – Красноярск, 2001. – С. 137-139.

151. Косолапов, Н.А. ИМО: верификация научной концепции / Н.А. Косолапов // Полис. – 2004. – № 2. – С. 174-178.

152. Косолапов, Н.А. О месте геополитики в эпоху глобализации / Н.А. Косолапов // Восток (ORIENS). – 2003. – № 4. – С. 142-143.

153. Косолапов, Н.А. Россия: территория в пространствах глобализирующегося мира / Н.А. Косолапов // Мировая экономика и международные отношения, 2005. – № 7. – С. 14.

154. Кошель, В.А. Проблема современных трансформаций субъекта знания и процесса познания / В.А. Кошель, А.П. Сегал // Профессиональное образование в современном мире. – 2016. – Т. 6. – № 4. – С. 664-669.

155. Красиков, В.И. Дискуссии по евразийству и формирование евразийской социальной сети в русской эмиграции 20-30 гг. XIX века / В.И. Красиков // Credo New. – 2012. – № 1. – С. 76-80.

156. Отчуждение человека в перспективе глобализации мира / Под редакцией Б.В. Маркова, Ю.Н. Солонина, В.В. Парцвания // Сборник философских статей. Выпуск 1., С-Пб.: «Петрополис», 2001. – 378 с.

157. Крылов, Д. Учебник – оружие политики / Д. Крылов // Литературная газета. 5-16 мая 2006 г. – № 18. – С. 4.

158. Кудашов, В.И. Великая победа и поражение России / В.И. Кудашов // Теория и история. – 2005. – № 1. – С. 59-70.

159. Кудашов, В.И. Рефлексивное управление обществом знания: проблемы когнитивных ограничений / В.И. Кудашов // Общество знания: философия, управление, образование» / В.И. Кудашов // Материалы III Сибирского философского семинара (Всероссийской научной конференции с международным участием). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2013. – С. 21-26.

160. Кудашова, И.В. Кризис политики в процессе глобализации и локализации / И.В. Кудашова // Теория и история. – 2004. – № 3. – С. 187-189.

161. Кузнецов, В.Ю. Мир единства / В.Ю. Кузнецов. – М.: Академический Проект, 2010. – 207 с.

162. Кузнецов, Ю.В. Социальный универсализм в русской историографии второй половины XIX – начала XX в. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук / Ю.В. Кузнецов. – Санкт-Петербург, 2011. – 37 с.

163. Кузьмина, Н.В. Акмеологическая теория повышения качества подготовки специалистов образования / Н.В. Кузьмина. – М.: ИЦПКС, 2001. –

164. Куксо, К.А. Фигуры народа: генеалогия исторического агента / К.А. Куксо // Credo New. – 2006. – № 2 (46). – С. 32-54.

165. Куликов, Д. Антимиф. Очистить себя от лжи о самих себе / Д. Куликов // Однако. – 2013. – август-сентябрь. – С. 43.

166. Культурология XX век: Антология. / под общ. редакцией С.Я. Левит – М.: Юрист, 1995. – 703 с.

167. Куренной, В.А. Война, терроризм и медиа / В.А. Куренной // М.: Прогнозис, 2006. – Т. 5. – № 1. – С. 276-312.

168. Кутырев, В.А. Философия Иного, или необытийный смысл трансмодернизма / В.А. Кутырев // Вопросы философии. – 2005. – С. 3-19.

169. Кушелев, В.А. Глобализация – современная форма организационной революции / В.А. Кушелев // Глобализация: Pro Et Contra: Материалы Международной конференции «Глобализационный вызов истории на рубеже тысячелетий: приоритеты российской культуры и искусства». – СПб.: Астерион, 2006. – С. 225.

170. Къеза, Д. Легко ли быть европейцем? / Д. Къеза // Литературная газета. – 7-13 марта 2007. – С. 7.

171. Къеза, Д. Мощная атака на Россию / Д. Къеза // Литературная газета. – 2006. – № 47. – 22-28 ноября. – С. 3.

172. Лабутина, Т.Л. Британцы в России в XVIII веке / Т.Л. Лабутина. – СПб.: Алетейя, 2013. – 352 с.

173. Лавров, В. Брань и ужас [Электронный ресурс] / В. Лавров // Режим доступа: <http://lgz.ru/article/N35--6289---2010-09-08-/Brany-i-uzhas13804/>.

174. Лактионова, Н. «Остальгия» / Н. Лактионова // Литературная газета. – 2006. – № 41. – С. 4.

175. Лапина, Н.Ю. Политические институты в современной России: особенности создания и функционирования / Н.Ю. Лапина // Россия в контексте мирового развития: история и современность: К 90-летию академика РАН В.А. Виноградова. – М.: Собрание, 2011. – С. 414-431.

176. Лапкин, В.В. Геоэкономическая политика и глобальная политическая история / В.В. Лапкин, В.И. Пантин. – М.: «Олита», 2004. – 278 с.

177. Ларькова, Н.Л. Ценности и образование / Н.Л. Ларькова // Профессиональное образование в современном мире. – 2016. – Т. 6. – № 2. – С. 374-378.

178. Левин, И.Б. Глобализация и демократия / И.Б. Левин // Полис. – 2003. – № 2. – С. 53-70.

179. Лезгина, Д.В. Интерактивная классическая теория поколений / Д.В. Лезгина // Credo New. – 2006. – № 2 (46). – С. 131-149.

180. Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая / В.А. Лекторский. – М., 2001. – 256 с.
181. Лепский, В.Е. Рефлексивно-активные среды инновационного развития / В.Е. Лепский. – М.: Когито-Центр, 2001. – 255 с.
182. Лефевр, В.А. Алгебра совести / В.А. Лефевр. – М.: Когито-Центр, 2003. – 426 с.
183. Литвин, В. Украина теряет Россию / В. Литвин // Московские новости. – 2007. – 26 января – 1 февраля. – С. 3.
184. Лосев, А.Ф. История античной эстетики. Т. 4. Полный эллинизм. / А.Ф. Лосев. - Харьков-М., 2000. – 960 с.
185. Лукашева, Е.А. Права человека: конфликт культур / Е.А. Лукашева // Российское правосудие. Научно-практический журнал. – М.: ООО «ИПП Куна», 2006. – № 6. – С. 15-24.
186. Луман, Н. Общество как социальная система / Н. Луман. – М.: Логос, 2004. – 232 с.
187. Лыскова, М.И. Исторический китч как источник формирования знания о прошлом / М.И. Лыскова // Теория и история. – 2006. – № 2. – С. 83-90.
188. Лыскова, М.И. Патриотизм и патриотический китч / М.И. Лыскова // Вопросы философии. – 2007. – № 1. – С. 73-78.
189. Любчак, В.П. К вопросу о структуре менталитета, значимой для понимания отношения к вопросам войны и мира / В.П. Любчак // Исследования мира и миротворческий дискурс в системе образования: Материалы III международной конференции. – Томск, 23-25 сентября 2008 г. – Томск: Дельтаплан, 2008. – С. 129-133.
190. Любчак, В.П. Фундаментальное основание российского менталитета: отношение к войне и миру / В.П. Любчак // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2010. – № 5 (95). – С. 22-26.
191. Макбрайд, У. Глобализация и межкультурный диалог / У. Макбрайд // Вопросы философии. – 2003. – № 1. – С. 80-87.
192. Макнил, В. Меняющийся образ всемирной истории / В. Макнил //

Время мира. Альманах. – Вып. 2. Структуры истории. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. – С. 16-38.

193. Малимонов, И.В. Семейные функции в современных социокультурных условиях / И.В. Малимонов // Научные исследования и разработки 2016. Материалы IX международной научно-практической конференции – Астрахань, 2016. – С. 707- 714.

194. Мамардашвили, М. Классическая и современная буржуазная философия: Опыт эпистемологического составления (часть первая) / М. Мамардашвили, Э.Ю. Соловьев, В.С. Шверев // Вопросы философии. – 1970. – № 12. – С. 23-38.

195. Мамонова, В.А. Глобализация в пространстве культуры: векторы развития / В.А. Мамонова // Credo New. – 2006. – № 1. – С. 38-44.

196. Манько, Ю.В. Исторические спекулянты и спекуляции [Электронный ресурс] / Ю.В. Манько // Режим доступа: <http://credonew.ru/content/view/904/62/>.

197. Марков, Б.В. Человек и глобализация мира / Б.В. Марков // Отчуждение человека в перспективе глобализации мира. Сб. статей. – Выпуск I. – СПб.: Петрополис, 2001. – С. 100-122.

198. Марков, С. Глобализация политических институтов / С. Марков // Глобалистика. Энциклопедия. - М., 2003. – С. 198-199.

199. Марченко, В.Л. Геополитика в глобализирующемся мире / В.Л. Марченко, М.С. Халиков, А.И. Усов. – М.: МАКС Пресс, 2013. – 319 с.

200. Матвеева, С. Я. Страхи в России в прошлом и настоящем / С. Я. Матвеева, В. Э. Шляпентох. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. – 179 с.

201. Мильчин, И. Культура как фактор американского глобального влияния / И. Мильчин // Философские науки. – 2003. – № 3. – С. 27-46.

202. Могильницкий, Б. Г. Введение в методологию истории / Б. Г. Могильницкий. – М.:, 1989. – 175 с.

203. Модели общественного переустройства России: XX век / Отв. ред. В.В. Шелохаев. – М.: РОССПЭН, 2004. – 608 с.

204. Молчанов, М. Истоки российского кризиса: глобализация или внутренние проблемы? / М. Молчанов // Полис. – № 5. – 1999. – С. 94-107.
205. Морозов, И.Л. Информационная безопасность политической системы / И.Л. Морозов // Полис. – 2002. – № 5. – С. 134–145.
206. Морсон, Г. Границы жанра. Антиутопия как пародийный жанр / Г. Морсон // Утопия и утопическое мышление. – М.: Прогресс, 1991. – 251 с.
207. Московченко, А.Д. Русский космизм. Автотрофное человечество будущего: монография / А.Д. Московченко. – Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та систем управления и радиоэлектроники, 2012. – 142 с.
208. Муксимова, Х.В. К вопросу правового обеспечения информационной безопасности / Х.В. Муксимова // Credo New. – 2012. – № 1. – С. 147-152.
209. Мякинников, С.П. Основные аспекты архитектоники мировоззрения как социального феномена / С.П. Мякинников // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Культурология. – 2013. – № 33 (324). – Вып. 30. – С. 7-15.
210. Нагата, Х. История философской мысли Японии / Х. Нагата. - М.: Прогресс, 1991. – 416 с.
211. Назаретян, А.П. Универсальная перспектива творческого интеллекта в свете постнеклассической методологии / А.П. Назаретян // Вызов познанию: Стратегии развития науки в современном мире. – М., 2004. – С. 393-434.
212. Назарчук, А.В. Социальное время и социальное пространство в концепции сетевого общества / А.В. Назарчук // Вопросы философии. – 2012. – № 9. – С. 56-66.
213. Нарочницкая, Н.А. Ярость благородная [Электронный ресурс] / Н.А. Нарочницкая // Режим доступа: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2012/09/27/yarost_blagorodnaya/.
214. Нежданов, И.Ю. Аналитическое обеспечение информационных конфликтов в Интернете / И.Ю. Нежданов // Информационные войны. – 2014. – № 2 (30). – С. 18-20.
215. Николаев, А. В. Формирование исторического сознания в контексте

изучения истории России / А. В. Николаев // Россия: прошлое, настоящее, будущее: Материалы Всероссийской. научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 16–19 декабря 1996 г. – СПб., 1996. – С. 125-127.

216. Носенко, В. Толерантностью исламизм не одолеть [Электронный ресурс] / В. Носенко // Режим доступа: <http://www.isra.com/lit-29854.html>.

217. Общественное сознание и его формы. / Отв. редактор В. Толстых // М.: Из-во политической литературы, 1986. – 368 с.

218. Паламарчук, П.Г. Москва или третий Рим / П.Г. Паламарчук. - М.: Современник, 1991. – 365 с.

219. Панарин, А.С. Искушение глобализмом / А.С. Панарин. - М.: Из-во «Эксмо», 2003. – 416 с.

220. Панарин, А.С. Философия истории / А.С. Панарин. – М.: «Гардарики», 1999. – 432 с.

221. Панарин, А.С. Цивилизация против истории [Электронный ресурс] / А.С. Панарин // Режим доступа: http://www.russ.ru/antolog/inoe/panar_o.htm/panar_o.htm..

222. Панарин, И.Н. Информационная война и геополитика / И.Н. Панарин. – М.: Издательство «Поколение», 2006. – 560 с.

223. Панеях, В.М. Панорама России XV-XVI веков А.А.Зими́на (в связи с выходом в свет его книги «Витязь на распутье») / В.М. Панеях // Отечественная история. – 1992. – № 6. – С. 75.

224. Пересвет, А. Русские – покорители славян. Русские – собиратели славян / А. Пересвет. – М.: Вече, 2013. – 436 с.

225. Петров В.В. Производство научного знания в условиях реформы высшей школы: проблемы и перспективы / В.В. Петров, Е.В. Покасова // Философия образования. – 2014. – № 3 (54). – С. 64-73.

226. Петров, В.В. Российская образовательная политика: основные принципы управления развитием знания / В.В. Петров // Профессиональное образование в современном мире. – 2012. – № 4 (7). – С. 67-73.

227. Пирогов, С.В. Управление развитием города в обществе знаний

/ С.В. Пирогов // «Общество знания; философия, управление, образование». Материалы III Сибирского философского семинара (Всероссийской научной конференции с международным участием). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2013. – С. 45-49.

228. Письма римскому клубу. Письмо пятое. Социомеханика: постиндустриальный барьер вместо экологической катастрофы // Д. Форрестер. Мировая динамика. – М., 2003. – 379 с.

229. Плеханов, Г.В. Проблемы теории и практики исторического процесса / Г.В. Плеханов. – М.: Политиздат, 1989. – С. 117-143.

230. Поляков, Ю. Зачем вы, мастера культуры? / Ю. Поляков // Литературная газета. – 2005 г. – 13-19 июля – С. 3.

231. Пономарева, Г.М. Философия постмодернизма и проблемы информационного общества / Г.М. Пономарева // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. – ВА ВПВО ВС РФ Смоленск, 2016. – С. 67-71.

232. Почепцов, Г.Г. Информационные войны / Г.Г. Почепцов. – М.: «Рефл-бук», 2000. – 576 с.

233. Почепцов, Г.Г. Информационные войны. Новый и инструмент политики / Г.Г. Почепцов. – М.: Алгоритм, 2015. – 256 с.

234. Почепцов, Г.Г. Психологические войны / Г.Г. Почепцов. – М., 2000. – 528 с.

235. Пфаненштиль, И.А. Россия и глобализация: проблемы и перспективы / И.А. Пфаненштиль, Л.Н. Пфаненштиль // Культура информационного общества. – Красноярск, 2003. – С. 62-73.

236. Разумовский, Ф. Модернизация с кнутом и без [Электронный ресурс] / Ф. Разумовский // Режим доступа: <http://lgz.ru/article/N22-23--6123----30-05-2007--/Mod%D0%B5rnizatsiya-s-knutom-i-b%D0%B5z439/>.

237. Ракилов, А.И. Историческое познание: системно-гносеологический подход / А.И. Ракилов. – М.: Политиздат, 1982. – 303 с.

238. Расторгуев, С. Информационные войны – угроза для цивилизации

[Электронный ресурс] / С. Расторгуев // Режим доступа: <http://www.lgz.ru/article/42-6435-23-10-2013/informatsionnye-voyny-ugroza-dlya-tsivilizatsii/>.

239. Розен, Й. Утрачивая последовательность истории (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти) / Й. Розен // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. – М., 2001. – Вып. 7. – 392 с.

240. Румянцева, Н.Л. Системно-диалектический в повышении квалификации высшего профессионального образования / Н.Л. Румянцева // Профессиональное образование в современном мире. – 2016. – Т. 6. – № 2. – С. 214-220.

241. Рыженко, Л.И. Сети трансфера технологий, основанные на смысловых экспертных системах / Л.И. Рыженко // Вестник СибАДИ. - 2012. – № 2 (24). – С. 114-118.

242. Сагатовский, В.Н. Философия антропокосмизма в кратком изложении / В.Н. Саратовский. - СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2004. – 232 с.

243. Салдина, В.Е. Глобализация культуры: основные составляющие и тенденции развития / В.Е. Салдина // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования – 2010. – № 6 (14). – С. 354-356.

244. Сенявский, А.С. Проблема «свой-чужой» в историческом сознании: теоретико-методологический аспект / А.С. Сенявский // «Наши» и «чужие» в российском историческом сознании. – СПб., 2001. – С. 13-15.

245. Сергейцев, Т. Падение мировой сверхвласти: крымский рубеж / Т. Сергейцев // Однако. – 2014. – июнь-июль. – С. 39.

246. Сергейцев, Т. Суверенитет и лидерство как проект / Т. Сергейцев // Однако. – 2012. – 17 декабря. – № 38 (147). – С. 18.

247. Синьковская И.Г. Формирование семейных ценностей как основы новой социальной структуры российского общества / И.Г. Синьковская, И.В. Малимонов // Вестник Восточно-Сибирской открытой академии. – 2017. - № 25

(25). – С. 8-12.

248. Системная история международных отношений в четырех томах. События и документы. 1918-2003 / под ред. А.Д. Богатурова. – Т. I-IV. – М., 2000. – 2004. – 2087 с.

249. Смирнов, П.И. О социологическом моделировании общественной эволюции / П.И. Смирнов // Социологические исследования, 2004. – № 8. – С. 12-22.

250. Сморгунова, В.Ю. Социально-геополитическая безопасность и ресурсы мультикультурализма как политической технологии / В.Ю. Сморгунова // Геополитика и безопасность. – 2012. – № 2. – С. 142-146.

251. Соколов, К.Б. Глобализация культуры – благо или новая проблема / К.Б. Соколов // Вестник библиотеки ассамблеи Евразии. – 2009. – № 1. – С. 23-26.

252. Соловей, В. Чего не хотят русские [Электронный ресурс] / В. Соловей, Т. Соловей // Режим доступа: <http://volnodum.livejournal.com/432956.html>.

253. Соловьев, В.С. Чтения о Богочеловечестве / В.С. Соловьев. – С-Пб., Из-во «Художественная литература», 1994. – 528 с.

254. Соловьев, В.С. Избранное. / В.С. Соловьев. – М.: Сов. Россия, 1990. – 496 с.

255. Соловьев, С. М. Сочинения в 18 книгах / С. М. Соловьев. - М., Из-во «Мысль», 1988. – 12340 с.

256. Соловьева, Л.Н. От информационного общества к обществу знаний / Л.Н. Соловьева // «Общество знания; философия, управление, образование». Материалы III Сибирского философского семинара (Всероссийской научной конференции с международным участием). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2013. – С. 118-122.

257. Сорокин, П. Человек. Цивилизация. Общество / П. Сорокин. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.

258. Сорос, Дж. Открытое общество. Реформируя глобальный капитализм / Дж. Сорос. – М.: Некоммерческий фонд «Поддержки культуры, образования и новых информационных технологий», 2001. – 458 с.

259. Ставицкий, А.В. Универсальные функции социально-политического мифа. Автореферат диссертации кандидата философских наук / А.В. Ставицкий // Симферополь, 2003. – 30 с.
260. Стародубцева, Л. Взгляд Линкея, или мир сквозь линзы умозрений / Л. Стародубцева // Вторая навигация: Альманах. Запорожье: Дикое поле. – 2006. – № 6. – С. 186-202.
261. Страда, В. Глобализация и история / В. Страда // Новая и новейшая история. – 2002. – № 6. – С. 57-61.
262. Стрельченко, В.И. Рациональность и гуманистические идеалы образования / В.И.Стрельченко // Credo New. – 2006 – № 1. – С. 37-56.
263. Сунягин, Г.Ф. Социальная философия как философия истории / Г.Ф. Сунягин. – СПб.: Изд-во Петербург. ун-та, 2008. – 178 с.
264. Тейяр де Шарден, П. Феномен человека. / П. Тейяр де Шарден. – М., 1987. – С. 226.
265. Тимофеев, А.И. Концепции народного духа у Г. Гегеля и И. Ильина / А.И. Тимофеев // Россия: прошлое, настоящее, будущее // Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 16-19 декабря 1996 г., С-Пб., 1996. – С. 67.
266. Тишков, В. Что вместо «дружбы народов» / В. Тишков // Московские новости. 2007. – № 3 – 26 января-1 февраля. – С. 14.
267. Тищенко, П.Д. Смерть, могильник и человеческое «Я» / П.Д. Тищенко // Человек-наука-гуманизм: к 80-летию со дня рождения академика И.Т. Фролова. Институт философии РАН. – Наука, 2009. – С. 699-717.
268. Тойнби, А. Постигание истории / А. Тойнби. – М., 1991. – 731 с.
269. Тоффлер, Э. Третья волна / Э. Тоффлер. – М.: АСТ, 2010. – 784 с.
270. Трашкова, С.М. Некоторые теоретико-правовые аспекты по использованию информационных технологий в образовании / С.М. Трашкова // Наука и образование: опыт, проблемы, перспективы развития. Мат-лы XIV междунар. науч-практ. конф. – Красноярск, 2016. – С. 82- 84.
271. Трифонова, Л.Л. Исторические события в контексте мифологического

мышления (по материалам эвенкийских сказок) / Л.Л. Трифонова // Проблемы российской истории. – Вып. VII. – М.; Магнитогорск: ИРИ РАН; МаГУ, 2006. – С. 446.

272. Трубецкой, Н.С. История. Культура. Язык / Н.С. Трубецкой. - М., Из-во «Прогресс», 1995. – 799 с.

273. Трубицын, О.К. Обоснование необходимости развития сетевых технологий управления / О.К. Трубицын // «Общество знания; философия, управление, образование». Материалы III Сибирского философского семинара (Всероссийской научной конференции с международным участием). - Томск: Изд-во Том. ун-та, 2013. – С. 58-61.

274. Тульчинский, Г.Л. Проблемы осмысления деятельности: логико-философский анализ / Г.Л. Тульчинский. - Л.: Из-во Ленинградского университета, 1986. - 177 с.

275. Уайтхед, А. Н. Избранные работы по философии / А. Н. Уайтхед. – М., 1990. – 720 с.

276. Уемов, А.И. Философское значение атрибутивных общесистемных параметров / А.И. Уемов, Н.В. Лабутина // Вопросы философии. – 2003. – № 2. – С. 77-89.

277. Урри Дж. Мобильности / Дж. Урри. – М.: Изд. и консалтинговая группа «Праксис», 2012. – 164 с.

278. Урри, Дж. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия / Дж. Урри. – Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2012. – 336 с.

279. Урсул, А.Д. На пути к космоглобалистике / А.Д. Урсул // Глобальные процессы и устойчивое развитие: Сб. статей. – М.: Изд-во РГТЭУ, 2011. – С. 235-267.

280. Усольцев, В.А. Русский космизм и современность. 3-е изд. / В.А. Усольцев. – Екатеринбург: УГЛТУ, 2010. – 570 с.

281. Устюгова, Е.Н. Глобализация и культура: исторический контекст / Е.Н. Устюгова // Философские науки. – 2005. – № 12. – С. 56-57.

282. Уткин, А.И. Глобализация: процесс и осмысление / А.И. Уткин. – М.: Логос, 2001. – 251 с.
283. Фаррахов, А.Ф. Порочный круг одиночества / А.Ф. Фаррахов // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Культурология. – 2013. – № 33 (324). – Вып. 30. – С. 94-96.
284. Федотов, А.П. Глобалистика: Начала науки о современном мире / А.П. Федотов // Курс лекций. – 2-е изд. испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 224 с.
285. Федотова, В. Г. Факторы ценностных изменений на Западе и в России / В. Г. Федотова // Вопросы философии. – 2005. – № 11. – С. 3-23.
286. Ферро, М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира / М. Ферро. – М., 1992. – 351 с.
287. Фоменко, А.Т. Реконструкция всеобщей истории / А.Т. Фоменко, Г.В. Носовский. - М., 2000. – 828 с.
288. Фоминых, Ю.С. Интегральная природа личности / Ю.С. Фоминых // Молодежь Сибири – науке России. Материалы межвузовской научно-практической конференции. – Красноярск, 2006. – С. 268- 273.
289. Фролов, И.Т. Новый гуманизм / И.Т. Фролов // Человек-наука-гуманизм: к 80-летию со дня рождения академика И.Т. Фролова; Ин-т философии РАН. – Наука, 2009. – С. 393-402.
290. Фролов, И.Т. Социально-этические и гуманистические проблемы современной науки / И.Т. Фролов // Человек-наука-гуманизм: к 80-летию со дня рождения академика И.Т. Фролова; Ин-т философии РАН. – Наука, 2009. – С. 205-223.
291. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас. – СПб.: Наука, 2000. – 380 с.
292. Хайдеггер, М. Бытие и время: Статьи и выступления / М. Хайдеггер. – М.: 1993. – 447 с.
293. Хамидов, А. А. Философия Востока и философия Запада: к определению мировоззренческой валидности / А. А. Хамидов // Вопросы

философии. – 2002. – № 3. – С. 129-138.

294. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций? / С. Хантингтон // Полис. – 1994. – № 1. – С. 33-48.

295. Хапаева, Д. Прошлое как вызов истории / Д. Хапаева // Франция-Память. СПб.: Изд-во С-Петербур. ун-та., 1999. – С. 292-323.

296. Хейзинга, Й. *Homo ludens*. В тени завтрашнего дня / Й. Хейзинга. - М.: Издательская группа «Прогресс», «Прогресс-Академия», 1992. – 464 с.

297. Ходжсон, М. Условия исторического сравнения эпох и регионов: пределы обоснованности условий / М. Ходжсон // Время мира. Альманах. - Вып. 2. - Структуры истории. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. – С. 91-101.

298. Чередниченко О. Заборонний плид из казахским коренем. Скандальний «Борат» как апогей PR-технологий [Электронный ресурс] / О. Чередниченко // Режим доступа: https://dt.ua/CULTURE/zaboronniy_plid_iz_kazahskim_korenem_skandalniy_borat_ya_k_apogeuy_pr-tehnologiy.html.

299. Черных, С.И. Корпоративное образование в России / С.И. Черных, В.И. Паршиков // Профессиональное образование в современном мире. – 2016. – Т. 6. – № 2. – С. 236-241.

300. Черных, С.И. Образовательное пространство в условиях информатизации общества: монография. / С.И. Черных. – Новосибирск: НГАУ, 2011. – 254 с.

301. Черных, С.И. Цифровая культура как гуманитарный феномен / С.И. Черных, В.И. Паршиков // Профессиональное образование в современном мире. – 2016. – Т. 6. – № 4. – С. 601-607.

302. Чумаков, А.Н. Глобальный мир и проблема: проблема управления / А.Н. Чумаков // Век глобализации. – 2010. – № 2 (6). – С. 3-16.

303. Чуринов, Н.М. Индивидуализм и коллективизм: трансцендентный и соборный субъекты / Н.М. Чуринов // Теория и история. – 2004. – № 2. – С. 177-226.

304. Чуринов, Н.М. Виды социального прогресса / Н.М. Чуринов // Сборник

научных трудов «Культура информационного общества». – Красноярск, 2003. – С. 38-51.

305. Чуринов, Н.М. Правда и совершенство слова / Н.М. Чуринов // Теория и история. – 2007. – № 1. – С. 170-178.

306. Чуринов, Н.М. Совершенство и свобода. / Н.М. Чуринов. – Красноярск, 2005. – 712 с.

307. Чуринов, Н.М. Совершенство слова и субъективная реальность / Н.М. Чуринов // Теория и история. – 2006. – № 2. – С. 161-175.

308. Шайхитдинова, С.К. Информационное общество и ситуация человека: эволюция феномена отчуждения / С.К. Шайхитдинова. – Казань: Изд-во Казанского университета, 2004. – 308 с.

309. Шарко, М.В. Политические процессы Японии: традиции и современность / М.В. Шарко. – М.: Научная книга, 2004. – 216 с.

310. Шаров, А.С. Система ценностных ориентаций как психологический механизм регуляции жизнедеятельности человека. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора психологических наук / А.С. Шаров. – Новосибирск, 2000. – 41 с.

311. Шахназаров, Г. Глобализация и глобалистика – феномен и теория / Г. Шахназаров // Pro Et Contra. Осень. – 2000. – Т. 5. – № 4. – С. 184-198.

312. Шевченко, В.Н. Проблема трансформации российского государства на современном этапе глобализации // Глобализация и перспективы современной цивилизации / В.Н. Шевченко. – М.: КМК, 2005. – С. 127-149.

313. Шеховцев, А.Ю. Информационная парадигма в структуре современного мышления / А.Ю. Шеховцев. – Саратов: Изд-во Саратовского государственного университета, 1998. – 176 с.

314. Шикалов, В.Н. Проблема власти и нравственности в концепции П.А. Сорокина / В.Н. Шикалов // Российская социология: Историко-социологические исследования: Межвузовский сб. – СПб.: Астерион, 2006. – С. 152-163.

315. Шипилов, А.В. Неистория / А.В. Шипилов. – М.: Прогресс-Традиция, 2012. – 448 с.

316. Шишков, Ю. О гетерогенности глобалистики и стадиях ее развития / Ю. Шишков. // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2001. – № 2. – С. 57-60.
317. Шпенглер, О. Закат Европы. / О. Шпенглер. – М., 1993. – 272 с.
318. Шубрт, И. Парадоксы коллективной памяти / И. Шубрт // *Коллективная социально-историческая память и вызовы современности. Актуальные теоретические очерки: сб. науч. статей*. – Н. Новгород: Изд-во ВВАГС, 2011. – С. 17-24.
319. Щипков, А. Апгрейд теории тоталитаризма [Электронный ресурс] / А. Щипков // Режим доступа: <http://lgz.ru/article/-38-6431-25-09-2013/apgrejd-teorii-totalitarizma/>.
320. Эпштейн, М. Информационный взрыв и травма постмодерна / М. Эпштейн // *Информационное общество: экономика, власть, культура: Хрестоматия: в 2 ч. / сост. В. И. Игнатъев, Е. А. Салихова*. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2004. – Ч. 2. – С. 183–195.
321. Эпштейн, М.Н. От знания – к творчеству. Как гуманитарные науки могут изменять мир / М.Н. Эпштейн. – СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016 – 480 с.
322. Эткинд, А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / А. Эткинд. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. – 448 с.
323. Этциони, А. От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям / А. Этциони. – М.: Ладомир, 2004. – 293 с.
324. Я (А. Слинин) и Мы: к 70-летию профессора Ярослава Анатольевича Слинина. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. – 641 с.
325. Яковец, Ю.В. Эпохальные инновации XXI века. / Ю.В. Яковец // М.: 2004. – 439 с.
326. Якунин, В.И. Новые технологии борьбы с российской государственностью: монография / В.И. Якунин, В.Э. Багдасарян, С.С. Сулакшин. – М., 2009. – 424 с.
327. Ясперс, К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. – М.: Политиздат,

1991. – 527 с.

328. Яценко, М.П. Глобализация как форма исторического процесса и аксиология истории / М.П. Яценко // Научно-теоретические проблемы гуманитарных исследований. – Научно-теоретический журнал. – Вып. 9. Пятигорск, 2010. – С. 229-240.

329. Яценко, М.П. Глобализация как форма организации исторического процесса / М.П. Яценко. – Красноярск: ИПК СФУ, 2008. – 338 с.

330. Яценко, М.П. Исторические аспекты глобализации как управляемого процесса / М.П. Яценко // Вестник Орловского государственного университета. – Серия: Новые гуманитарные исследования. – 2011. – № 5 (19). – С. 224-227.

331. Яценко, М.П. Историческое познание в условиях глобализации / М.П. Яценко. – Красноярск: ИПЦ КГТУ, 2006. – 520 с.

332. Coomaraswamy, A. The bugbear of democracy, freedom, and equality the betrayal of tradition: essays on the spiritual crisis of modernity / edited by H. Oldmeadow // Bloomington: World Wisdom, 2005. – 386 p.

333. Ferrer, J. Revisioning transpersonal theory: a participatory vision of human spirituality / J. Ferrer // New York: State university of New York Press, 2002. – 273 p.

334. Guenon, R. The crisis of the modern world / R. Guenon // Hillsdale, NY: Sophia Perennis, 2001. – 120 p.

335. Guenon, R. The essential René Guénon: Metaphysics, tradition, and the crisis of modernity / R. Guenon // Bloomington: World Wisdom, 2009. – 312 p.

336. Leerssen, J. The rhetoric of national character: A programmatic survey / J. Leerssen // Poetics Today. – 2000. – Vol. 21. – P. 279.

337. Loemker, L. Perennial philosophy / L. Loemker // Dictionary of the history of ideas: Vol. III. Edited by P. Wiener. – New York: Charles Scribner's Sons, 1968. – P. 457-463.

338. Nasr, S. The need for a sacred science / S. Nasr // New York: State university of New York Press, 1993. – 206 p.

339. Persinger, M. Neuropsychological bases of god beliefs / M. Persinger // New York: Praeger, 1987. – 175 p.

340. Pointing, C. A green history of the world the environment and the collapse of great civilizations / C. Pointing // New York, 1991 – 243 p.
341. Quinn, W. The only tradition / W Quinn // New York: State university of New York Press, 1997. – 414 p.
342. Schmitt, C. Perrenial philosophy: from agostino steuco to Leibniz / C. Schmitt // Journal of the History of Ideas, Vol. 27. – № 4, Oct.-Dec., 1966. – P. 505 – 532.
343. Serle, J. Rationality and realism. What is at stake / J. Serle // Daedalus journal of American academy of arts and sciences. – 1993. – Vol. 6. – P. 55.
344. Shigenori, N. A critique of Steven Katz's «Contextualism»: an Asian perspective / N. Shigenori // Dao: A Journal of Comparative Philosophy, June 2002, Vol. I. – № 2. – P.185-207.
345. Soder, H.P. From universal history to globalism. What are and for what purposes do we study European ideas / H.P. Soder // History of European Ideas. – 2007. – № 33. – P. 76-80.
346. Stein, G. Information war-cyber war netware [Электронный ресурс] / G. Stein // Режим доступа: [http: www.infowar.com/mil_c4i/stein1.html-ssi](http://www.infowar.com/mil_c4i/stein1.html-ssi).